

Алекс Бранд

ВЫБОР.
ИНОЕ

18+

Алекс Бранд

Выбор. Иное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64229676

SelfPub; 2021

Аннотация

Фанфик – это произведение фаната, любящего автора и фэндом. Как назвать книгу – плод ненависти? Полемика с авторской идеей? "Американская трагедия" Драйзера – могли судьбы героев стать иными? Ответ – да.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	93
Глава 8	103
Глава 9	113
Глава 10	126
Глава 11	150
Глава 12	163
Глава 13	177
Глава 14	190
Глава 15	198
Глава 16	213
Глава 17	228
Глава 18	239
Глава 19	268
Глава 20	316
Глава 21	330
Глава 22	353
Глава 23	374

Глава 24	399
Глава 25	426
Глава 26	466
Конец ознакомительного фрагмента.	468

Алекс Бранд

Выбор. Иное

Впервые прочел "Американскую трагедию" в 12 лет, многое тогда осталось непонятным. Наивный 1980 год... Но главный вывод для себя сделать сумел – никогда, никогда не быть клайдом. Да, с маленькой буквы. Ведь клайдов – немало, к сожалению. Как и роберт, их доверчивых жертв. Да, времена изменились, в наши дни "американскую трагедию" представить почти невозможно. Но всё-таки... Всё-таки... Все прошедшие 38 лет эта история – со мной. Конечно, перечитывал не раз, последний – год назад. И решил, с вдруг вернувшимися чувствами из далекого прошлого – пусть эта история станет другой. А какой? Клайд одумается и женится на Роберте? Она не погибнет на озере? Или его не поймают и добьется вожаемой цели? Нет. Нет. И еще раз – нет. Допущение, что такой подлец вдруг испытает тот самый знаменитый "душевный перелом" и станет честным человеком – еще более фантастично, чем сделанное мной в романе. Судить вам, мои немногочисленные читатели. В путь, мои дорогие... В путь...

Огромная благодарность – Минне Барнхольм.

Ты прошла со мной от начала до конца, без тебя – было бы намного хуже. Спасибо за терпение, эрудицию и неоценимую

помощь в редакции. А также – за целый ряд идей и мыслей, которые воплотились в романе.

В сети есть короткий начальный фрагмент романа, попавший туда случайно. Крайне неудачный первый вариант, я его называю "женька-хохмач". Проходите мимо...

Глава 1

Пора идти. Когда ребята доходят до "зеленой кондиции", мне становится неуютно. Весь вечер старательно делал вид, что не отстаю от них, следил, чтобы стакан не стоял пустой – отпивал и медленно ставил обратно. Потом необходимость в притворстве отпала, всем не до меня, угрюмое застолье достигло того градуса, за которым – воспоминания. У каждого их с десяток, а то и больше – прошлое, в которое лучше возвращаться только наедине с собой и после изрядной дозы. Молчание за столом ощутимо давит, хочется что-то сделать. Но знаю – бесполезно и незачем, здесь слабых нет, и помощь никому не нужна. Усмехаюсь невесело: а мне? Мне нужна помощь? Ответом на эту насмешливую мысль завибрировал лежащий передо мной телефон.

"Где ты? Придешь сегодня? "

Ольга, заботливая моя... Думает, что может отогреть. Так поэтично говорит о льде в моих глазах... Ольга, Оленька... Блажен, кто мечтает и пытается...

"Где ты? Я волнуюсь."

Прикрыл глаза, поднялось глухое раздражение, захотелось выключить телефон.

"Я в порядке, Оль. Поеду домой. Завтра позвоню. Прости."

Ушел, не прощаясь. Никто не заметил.

Третью ночь подряд вижу один и тот же сон – прямо посреди комнаты в воздухе приоткрыта грубо сбитая дощатая дверь. Вот чуть скрипнули петли, когда она шевельнулась под порывом холодного ветра. Откуда здесь ветер? Окна плотно закрыты, неоткуда ему дуть. Порыв ударил прямо в лицо, заставив поежиться, я стою прямо перед приоткрывшимся черным проемом. И вдруг понимаю очевидное – это с той стороны, из-за двери. Она медленно, с тихим скрежетом несмазанных петель, начинает открываться, взгляд притягивает к неторопливо расширяющейся щели, что там? Три раза я пытался заглянуть туда – и просыпался. Почему-то при этом испытывал глухую боль, тоску, как будто раз за разом что-то терял оттого, что не увидел, не понял... Или... Не шагнул туда...

Тихий скрип. Грубо сколоченная из небрежно оструганных досок дверь медленно приоткрывается, что же там, за ней? Почему так упорно уже четвертую ночь я пытаюсь в

нее войти? И что не даёт мне? Я хочу увидеть! Стискиваю зубы, изнутри поднимается горячая волна, с усилием делаю шаг. Второй... Чувствую, как что-то отчаянно сопротивляется, пытается меня остановить, слышу лихорадочный шепот, в нем дикий ужас... Кто-то не хочет, чтобы я вошёл в эту дверь. Не хочешь? Почему? Говори! Ведь я уже подошёл совсем близко, ты слабеешь, я чувствую это... Ещё шаг... Рука ложится на заржавленную ручку, пальцы мертвой хваткой смыкаются на холодном металле. Все. Теперь я не отступлю. И пока я не проснулся, пока рывком не распахнулись глаза, изо всех сил толкаю дверь от себя... И делаю шаг вперёд.

Рывком распахнулись глаза. Темно и тихо. Несколько мгновений лежу неподвижно, прислушиваюсь к окружающему. Пытаюсь вспомнить, что же было за той дверью, ведь я сумел пройти за нее. Не помню. Наверное, и не было там ничего особенного, просто игра воображения.

Такое впечатление, что именно тьма вокруг и тишина меня разбудили. Станные, непривычные. Вокруг, даже глубокой ночью, присутствуют звуки. Вода в трубах, изредка проезжают машины, откуда-то доносится музыка, неведомым попусением арматуры и коммуникаций слышны отголоски разговора четырьмя этажами выше. Белый шум окружающего мира. Внезапно осознаю – его нет. Исчез. Как будто я умер. Усмехнулся в темноте, повернувшись на бок и плотнее завернувшись в... Я замер. Пальцы, взявшиеся было за

одеяло, после долгой паузы осторожно провели кончиками по грубой ткани. Одеяло... Резко повернул голову и посмотрел в окно, слабо светящееся справа от меня. Там, где его раньше никогда не было. Взгляд, брошенный влево, бессильно утонул в темноте незнакомой комнаты. Я не дома. Укрыт не моим одеялом. За окном практически мрак, исчезло довольно яркое уличное освещение. И я здесь не один, чувствую взгляд, кто-то на меня смотрит. Очень внимательно и со страхом, в котором изрядная примесь любопытства. С губ чуть не сорвался вопрос, кто здесь? Никого. В комнате я один, но... Ощущается чье-то незримое присутствие. Однако хватит лежать, если меня куда-то перевезли... Зачем? Кто? Я точно помню все, произошедшее со мной прошлым вечером, никаких провалов. Уехал, спокойно добрался до дома, поднялся к себе и лег спать. Все. Не пил, был совершенно трезв. Только снова этот сон... Дверь... Я сумел в нее войти, я сейчас по ту ее сторону – в этой мысли была странная, своеобразная логика. Сон продолжается? Вдохнул, садясь на кровати, спустил ноги на пол и уже не удивился отсутствию тапочек. Неожиданное головокружение ощутимо качнуло, оперся рукой. Что-то не так... Со мной что-то не так... Что? Надо подойти к окну, выглянуть. Свет бы зажечь, в комнате царит вязкий мрак, который лишь слегка разгоняет дальний отблеск тусклого уличного фонаря. Первый же шаг отозвался ослепляющей болью в колене, я с размаху налетел на нечто большое и тяжёлое, черт... Тумба? Здоро-

вая какая... Накатила злость, шарю рукой по стене, уже на автомате отметив другие на ощупь обои. Выключатель, грубый какой-то тумблер, щёлкаю... Глубоко вздыхаю, стиснув зубы, я уже готов, но... Увиденное все равно неожиданно. Настолько, что прикрыл глаза. Снова открыл, совершенно по-детски надеясь, что появившуюся картину удалось сморгнуть в небытие. Нет...

Просторная комната с высоким потолком. Светло-голубые обои, давно и небрежно поклеенные. Две двери, одна большая, входная, ключ вставлен. Вторая в углу, низкая, приоткрыта, туалет? Узкая кровать, с комковатой подушкой и застиранным бельем, в ногах коричневый плед. Напротив – потёртый стол, доска в царапинах, центральный ящик приоткрыт. Слева в тумбе – ещё три, закрыты. Стул, чуть отодвинут от стола. Тоже древний, спинка с резным растительным узором, не чищена, в прорезях пыль. Шкаф... Трёхдверный, плотно закрыт. Мебель не комплектная и старая, только шкаф выглядит ощутимо новее остальной обстановки. Вывод – дешёвое съёмное жильё. Стоп! Я о чем вообще? Подкатил страх... Стоп! Сердце не слышит приказа, колотится все быстрее, дыхание участилось, взгляд, ещё мгновение назад бесстрастно отмечавший детали, заметался по комнате. Окно... Кровать... Двери... Стены... Потолок... Стол... Шкаф... Где я? Почему? Зачем? Кто? Усилием воли гашу едва не накрывшую волну паники. Меня похитили

по дороге домой и привезли сюда? Это просто – мимолётный укол иммотала, и я ничего не помню, готов к употреблению. Серьезно? Ключ вставлен в замок, на столе – карандаши, ручки, вон виднеется кухонный уголок и подставка для ножей, заряженная. Готов, говорите, к употреблению? Добро пожаловать... Могу убить, могу убиться. Нет. Это не похищение. За этими быстрыми мыслями вдруг понял, что так и стою неподвижно возле выключателя, словно боюсь сделать шаг. Неважно, в каком направлении. В любом. Как будто стоит мне шагнуть, к шкафу... Окну... Двери... И я пойму... Узнаю... Истина окажется куда страшнее простого похищения. Прежде, чем я успел додумать это, простым жестом коснулся лба, элементарное инстинктивное движение, сопровождающее раздумье. Оно положило конец всем мыслям... Я увидел свою руку. И понял, что весь этот осмотр, рассуждения об иммотале и похищении – неосознанная наивная попытка оттянуть неизбежное – взгляд на руку. В лицо... На стене вижу небольшое круглое зеркало. Страшно... Остановившимся взглядом смотрю на тонкие изящные пальцы, небольшую кисть... В зеркале также будет чужое лицо. Посмотреть? Ведь придется... Страшно. Медленно провожу кончиками пальцев по правой щеке. Гладкая молодая кожа. Гладкая... Прислушался к ощущениям... Исчезло постоянное, уже давно привычное присутствие инородного тела в левой стопе. Осторожно пошевелил ею, ничего. Обычная здоровая нога. Все, хватит. Обрываю себя на полуслове и делаю

шаг, оказавшись у зеркала.

Молодое красивое, хорошо очерченное лицо. Лет двадцати. Густые темно-каштановые, почти черные волосы, сейчас они слегка растрепаны со сна. Лицо... Его немного портит слишком мягкий подбородок... И вообще оно какое-то... Слишком сладкое. Криво усмехаюсь, девушкам должен нравиться. Не всем. Ольга, например, такие лица терпеть не может. Усмешка выглядит диковато, ведь она – моя. И взгляд – мой. Сейчас он растерян, но все равно – кому-то тут сочетание юношеского лица с моими глазами может показаться жутким. Глубоко вздохнул... А где это – тут? И – кто он вообще? И – где он сейчас? Внутри меня, спрятался, затаился и только ждёт момента, чтобы вернуться? Куда я тогда денусь, вернусь в себя? Умру, исчезну? Стоп. Да стоп же, твою мать! Успокоиться, сейчас же! И для начала просто понять и принять – это не похищение. Длинный необычный сон? Нет. Не знаю я про такие сны. А значит – успокоиться и осматриваться. Больше ничего не остается. Точка.

Только сейчас заметил, что одет в странного вида ночное одеяние. Широкие рукава, большой вырез. Рубашка для сна, и не очень свежая, кстати... Уже с любопытством осматриваю себя, какой фасон интересный, трусы семейные примерно начала прошлого века. Вспомнились виденные фильмы, фотографии. Да, это где-то десятые-двадцатые. Так... А да-

вай-ка... Через пару мгновений стою перед зеркалом голый, хочу рассмотреть себя. Себя? Да. Это теперь – я.

Осмотром недоволен. Небольшого роста. Худощав. Слишком молод. Мускулатура имеется, но малоразвитая и нетренированная. Взгляд скользнул ниже... Мда... Ладно, это сейчас неважно. Совсем. Хорошо, одеваемся... Ещё раз осмотрел комнату, губы сжались. Пора выглянуть в окно.

Видно мало что. Ночь. Второй этаж. Довольно широкая улица, слабо освещена редкими фонарями. Слегка дрожащий серебристый свет. Газовые? И – никого, безлюдье. Отмечаю отсутствие припаркованных автомобилей, в поле зрения – ни одного. Провинция, глубинка, окраина большого города? Улица обсажена высокими деревьями с густыми кронами, темнота не позволяет определить, какими. Да и не разбираюсь я в этом... Может, выйти? Осмотрюсь... Вгляделся в очертания домов напротив... Все окна темные. Вдруг стало очень неудобно – меня видно как вишню на глазированном торте, если кто-то решит выстрелить... Досадливо дернул плечом, что за бред лезет в голову? Но отвернулся от окна, пока не решившись его открыть. А что тут насчет одежды? Пора заглянуть в шкаф. Пришло очень странное чувство – каждое осознанное действие здесь словно все четче и четче проявляет меня в этом мире, крепче и крепче привязывает к нему. Вот сейчас оденусь, и... Что? Останусь тут навсегда?

Может, просто ничего не делать, погасить свет, лечь в кровать, укрыться с головой и заснуть снова? Да, да, заснуть... Не делай ничего, не нужно... Кто это сказал? Тихий шепот на грани слышимости... Бросил взгляд на неопрятную кровать, на выключатель. Погасить свет, лечь, укрыться и заснуть? Проснусь дома, в своем привычном мире, эти быстрые минуты в мире неизвестном – забудутся, навсегда. Наваждение, исчезнувшее во тьме, в тумане. И я никогда не узнаю, почему... Зачем я тут оказался... Никогда. Слово вдруг отозвалось глухой тоскливой болью, осознанием обреченности, отчаяния, словно... Будто меня кто-то зовет, издалека, тихим усталым, лишенным надежды голосом. Остайся... Пожалуйста... Не уходи, не бросай... Этот голос заглушил те, первые мысли о желании заснуть. А ведь... Кто-то очень не хотел, чтобы я вошел в эту дверь, кто-то был просто в ужасе, когда мои пальцы сомкнулись на ее заржавленной ручке. Прикосновение холодного шершавого металла, скрип петель, порыв ветра. Шаг вперед... И теперь меня уговаривают уйти. Почему? Кого я заменил здесь, для чего? Для... кого? Уйти, даже не попытавшись узнать, разобраться? Губы сжались, я снова повернулся к шкафу. Нет, бежать не буду. Не буду! И пока снова не зазвучал вкрадчивый шепот, распахнул дверцу.

Имеем брюки, пальто, всякие там манишки, галстуки, жилетки. Рубашки... Однако, я, похоже, прав насчет начала

прошлого века. Хм... Снова оглянулся на комнату, вид у неё довольно неряшливый. Одежда же в шкафу – аккуратна, выглажена, с претензией на изысканность. Провел ладонью по рукаву пиджака, это твид? Похоже, прежний обитатель придавал большое значение внешности, не особо заботясь о своем доме. Что это мне говорит? Повеса? Гуляка? Просто раздолбай? Ладно, с этим тоже разберусь по ходу. И – кто я здесь? Имя, занятия? Семья? Учусь, работаю, бездельничаю? Все очень плохо, возможно, вот за этой дверью – папа, мама, пятеро братьев и сестёр. Что будет утром? Мелькнула мысль – бежать. Прямо сейчас. Собрать в узел все, что может пригодиться – и в окно. Второй этаж? Ерунда. Мысль пришла – и ушла. Ещё ничего не известно, бежать, не зная, кто я – не лучшая идея. Прямая дорога в дурку, а они под любыми широтами – место грустное. Так... Надо в удобства... Очень медленно подхожу... Блин, там же не заминировано, входи уж... Ну и вхожу. А ничего особенного, все почти как у нас, ну, дизайн малость другой. Терпимо. Так. Хватит бродить. Засаекаю на углу стола графин с водой и одним махом его ополовиниваю. Это второе осознанное в этом мире действие меня вводит в некие рамки, и начинаю, наконец, всерьез думать. Мысли о цели моего переноса, а также призрачные голоса – пока в сторону.

Надо выйти. Надо осмотреться. Но первым делом, в который раз – кто я?

Итак, сидим тихо и ищем. Что ищем? Что угодно. Визитки. Письма. Квитанции. Значит – вдумчиво изучим содержимое стола. Вот газета, отлично. Название... Дата... 23 апреля 1922 года. Текст английский. Так... Штаты. Название газеты... Твою мать... Что? Что?! Меня пробил озноб, рот пересох, словно не выпил только что полграфина... Становится по-настоящему страшно. Встаю со стула и подбегаю к зеркалу. Милое юношеское лицо... Девушкам, наверное, нравится... Да кто же он такой... Он? Это же я, это же теперь мое лицо... Имя уже на кончике языка. Вот-вот сорвется и дай Бог, чтобы не криком. Сдерживаюсь. По-детски верится, что если промолчу – все как бы и не вразвяду. Очень медленно кладу газету на стол, пальцы мелко дрожат... И еще медленнее выдвигаю верхний ящик стола.

Бумаги... Бумаги... Визитница. Изящная такая, не сочетается с общей убогостью комнаты. Ох, как не сочетается... Слегка приоткрываю, пальцем нащупываю плотную картонку. Кладу визитницу на стол, не решившись в нее заглянуть. Еще бумаги. Вынимаю их не рассматривая, складываю в сторону, продвигаюсь к дальней стенке ящика. Сердце грохочет прямо в голове... Господи, пусть я ошибусь... Пусть там ничего не окажется. Пусть я вообще сейчас проснусь у себя дома. Пусть меня просто чем-то опоили. Или это тупая дорогостоящая шутка кого-нибудь, кто знает, как я отношусь к...

Всё. Я держу в руках пачку. Письма. Всё. Кладу их рядом с газетой. Аккуратно придвигаю так и не открытую визитницу к письмам и газете. Смотрю. Молча. Долго. Бесконечно. Пальцы снова задрожали, сжимаю их в кулаки.

Свежая газета "Ликург ревью" от 23 апреля 1922 года. Пачка писем, перевязанных шпагатом. Адрес – Бильц. Роберта Олден. Клайду Гриффитсу.

Мне.

Глава 2

Память.

Мне 12 лет. Сажу с книгой на коленях и плачу. Так меня и нашла мама. Потом подслушал разговор с соседкой.

– Додумался же взять. Полки полны и детской, и фантастики. Так нет...

– Да не переживай ты. Чего всполошилась? Нет же там ничего такого...

– Ты его глаза не видела.

– А что?

– Плакал он.

Пауза.

– Я его никогда не слышала плачущим.

– Он не плакал даже в день смерти отца.

Молчание.

Кто-то очень сильно пошутил, послав сюда, в тело этого... Этого... Именно меня. Кто ты, шутник? Смешно тебе сей-

час? Очень смешно? Будь проклят. Слышишь? Проклят!

Все ещё стою возле зеркала, уперевшись руками в стену, лицом к лицу... Сверлю глазами ненавистное отражение, вот и свиделись. Сердце гулко стучит, отдаваясь в ушах, пальцы вдруг сжались в кулак, возникло неистовое желание ударить. Стереть это лицо, рассыпать градом осколков. В глазах потемнело. Стоп! Стоять! Не надо... Ну что, спать ляжем? Вернёмся домой? Губы искривила усмешка, очень напоминающая хищный оскал. Хорошо, что никто не видит, выражение юношеского мягкого лица стало страшным... Так вот кто пытался меня не пустить сюда, вот кто шептал, уговаривал ничего не делать... Ты. Я ненавижу тебя всю жизнь, мразь. А теперь... Заснуть? Уйти? Уступить тебе? Нет. Нет!

Хватит. Нужно успокоиться и отдышаться. Устраиваюсь на стуле и прямо перед носом вижу кухонный уголок, чайник, примус, посуда какая-то. Да, выпить сейчас просто необходимо. Лучше, конечно, коньяк, но чай тоже сойдёт. Причем – покрепче, спать нельзя. Пора начинать хозяйничать, действовать, привязывать себя, проявлять. Стирать его отсюда... Вот и коробок спичек нашелся. О письмах на столе стараюсь пока просто не думать, не надо. Завариваю крепчайший «купеческий» чифир. И надо одеться, прохладно. Снова в шкаф. Так... Да, одежда в полном порядке, все разложено и развешано в цвет, комплектами. И я уже не удив-

ляюсь трепетности в хранении и подборе вещей, другого и быть не могло, верно? С какой-то кривой, нехорошей улыбкой обвожу взглядом содержимое шкафа. Рубашка. Жилетка. Шарф. Я собрался выходить? Медленно цежу терпкий горячий напиток, глядя в темное окно. Морщусь и кошусь на помятую желтую жестянку с рассыпным "липтоном". Вкус непривычный, более насыщенный, рот вяжет куда сильнее. И сердце... Реагирует на кофеин, чувствую биение, отдается в ребра, но это неизбежно – мои привычки при мне, а тело, обмен веществ и вся биохимия – пока чужие. Так что с чифом аккуратнее, и – пить мне нельзя, вообще. Кстати, а который час? Часы тут где-то быть должны, хорошие такие, дорогие. Как визитница. И нахожу их на той самой прикроватной тумбе, о которую ударился коленом. Однако... Все-го-то 22.50. А я думал, глубокая ночь на дворе... И что-то в голове начинает крутиться в этой связи, пока мелкими глотками допиваю густую черную жижу. 22.50... 22.50... Принимаю решение. Брюки... Поежился от прикосновения непривычной ткани к коже. Шерстяная... Фасон кажется слегка несуразным, слишком высоко расположена талия... А где тут... На внутренней стороне дверцы шкафа висят подтяжки, точно, это часть комплекта. Рубашка... Жилетка... Галстук? Нет. Ночь на дворе, не нужно. Все движения подчеркнуто неторопливы, спокойны. И – никаких мыслей, только действия, они заглушат ненавистный шепот. Слегка повел плечами, прошелся по комнате, костюм сидит как влитой,

безукоризненно. Криво усмехнулся, а как же иначе, не правда ли? Готов? Еще не совсем. Тело слушается, явно осталась мышечная память, слишком легко я вписался в непривычную одежду. Это хорошо и мешать не надо, но стоит прямо сейчас прояснить вот что... В моей руке короткий кухонный ножик, взятый с подставки, задумчиво на него посмотрел, не решаясь... А вдруг... Лезвие вычертило «танжерский зигзаг» и через секунду с плотным стуком вошло в противоположную стену, метнул от бедра. В выбранную точку не попал, подвели связки, не довернул кисть. Движение отозвалось глухой болью, да, все – при мне. Кроме тела, но это – поправимо. Усмехнулся, выдернув нож и вернув его на место – эти умения мне тут точно будут не нужны.

Гашу свет в комнате и осторожно открываю окно, выглядываю наружу. Слегка поежился, на улице довольно прохладно, несмотря на апрель. Где расположен Ликург? Память, моя безжалостная память услужливо подсказывает – штат Нью-Йорк. Далеко... Глубоко вдохнул знобящий ночной воздух, словно пробуя этот мир на вкус. Налетевший порыв ветра вместе с шелестом крон принес запах влажной зелени, ещё что-то неуловимое. Чужое... Прищурился, вглядевшись в полумрак, все еще безлюдье... А вот кое-где всё-таки неярко светятся несколько окон, не разглядел их с первого раза. Свет теплый, жёлтый, в одном месте слегка дрожит, свеча? Керосинка? Слегка вздрогнул, кто-то прошёлся

там по комнате, мелькнул женский силуэт. Невольно пригляделся, ей лет сорок пять. Исчезла... Первый человек, увиденный мной здесь. Словно этот мир приветствовал меня...

Здравствуй... Ты не один, тут есть живые. Ты теперь – один из них, не бойся.

Пора. Внезапно почувствовал какой-то подъем, страх ушел. Стало любопытно, а что там, за виднеющимся вдалеке перекрестком? А там? Захотелось шагнуть на тротуар, перейти мощеную мостовую, глотнуть воздуха тихой ночной улицы. Глаза вдруг широко раскрылись, я замер. Где-то там... Она. Ждет. Отчаянно и безнадежно ждет. Это ее тихий зов донёсся до меня всего несколько минут назад...

Не уходи, пожалуйста... Не бросай... Не оставляй меня здесь одну... Пожалуйста...

22.50... Резко отвернулся от окна, оборвав себя. На пачку писем, на стол – стараюсь не смотреть. Прочитать несколько? Отчётливо вздрогнул от этой мысли. Нет. Но хоть последние... Узнать конкретнее, что тут у них... У нас... Нет!

Надеваю пальто. Шляпу. Непривычное ощущение, не умею ее носить. Оставить? Нет, берем, лицо стоит прикрыть хоть как-то, меня тут знают, а к разговорам я ещё не готов.

Не готов. Эти простые слова снова открыли дорогу смятению, мысли замелькали... Мне же на работу завтра. Какой день недели вообще? Сколько же проблем... Вопросов... И ни на один – нет ответа. Ну, пошли? А куда я собрался идти? Не знаю. Но больше не могу тут тупо сидеть. Хочу подышать. Походить. Осмотреться. Подумать. И, вот что... Пару баксов в карман, на всякий случай. Никогда не выхожу пустой. Где тут он деньги держит? Оглядываюсь... Стол. Ящик. Не хочу его открывать. Ну не хочу. Там еще пачка писем. Да хорош уже, так и до психиатра недалеко. Успокойся! Понял? Деньги в столе, иди и возьми. Время пошло!

Футлярчики... Карандаши... О, коробочка из-под леденцов. Открываю. Да, негусто. Полтинник в разнокалиберных бумажках. А портмоне или бумажник есть? Что-то не нахожу. Как интересно, роскошные визитница и часы имеются, а кошелек не наблюдаю. Хорошо, просто в карман. Перебираю мелочи в столе, невольно увлекшись. Старые ручки. Пока непонятные и неинтересные мне бумажки. Опять карандаши какие-то... И... О, черт... Сразу понял, что это. Небольшая плоская продолговатая коробочка, обтянутая серым тонким бархатом. Небрежно закинута в угол ящика, в хлам. Запрокидываю голову и гляжу в потолок. Закрываю глаза. Открываю. Коробочка все еще тут. Медленно, очень медленно открываю, мне не по себе. Да. Самописка и вечный металлический карандаш. Ты что же, Клайд, так сразу

и зашвырнул их сюда? Смотрю на них, на перо ручки, на острое карандашика. Ими не пользовались. Ни разу. Осторожно кладу все на стол. К газете. Письмам. Визитнице. И уже не удивляюсь, найдя там же, в кучке мусора, смятый маленький портрет. Втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. Выдыхаю. Ну, здравствуй, маленькая... Вот ты какая... На обороте старательно выведено, аккуратно и красиво, круглым таким почерком, детским...

"Дорогому Клайду на Рождество. Твоя счастливая Берта."

И сердечко нарисовано. Все заключено в рамку, с парой смешных завитушек, от души...

Осторожно расправляю небрежно смятый в кулаке портрет, провожу кончиком пальца по щеке, она здесь весело улыбается. Весело и беззаботно. На мгновение прикрыл глаза, я не могу на нее смотреть, сердце сжалось. Снова послышался тихий шепот... Она ждет. Портрет кладется к остальным вещам. Наружу, на воздух. Не могу я больше. И, выходя, положил самописку и карандаш во внутренний карман. Смотрю на свои тонкие нервные изящные пальцы. Сжимаю их в кулак. Тихий скрежет поворачивающегося в замке ключа. Мелькнула мысль – надо будет смазать. Бесшумно втянул воздух, пахнуло старым прелым деревом и пылью, дом весьма почтенного возраста. Осторожно выглянул на темную

лестничную площадку, окинул взглядом стены, поискал двери к хозяевам. Видимо, они на первом этаже, путь идёт мимо их комнат. Да, дежурная лампочка бы тут не помешала, а эти экономят, судя по всему. Слегка приоткрыл свою дверь, чтобы хоть немного осветить лестницу. Вернуться за спичками? Свечу поискать? Хм... А... Этот как возвращался, в темноте ступеньки нащупывал? Свет зажигал и спокойно себе шел? Не знаю. А значит – пойду тихо, не нарываясь и не провоцируя. Все, что нужно, я уже увидел и запомнил. Два пролета вниз, небольшой холл, выход должен быть справа. Прикрыл дверь, точно, уловил слабый отблеск с улицы, там небольшое окно. Нашупал второй ключ на кольце. Ну, двинулись? Дверь медленно закрывается, негромко щёлкнул замок. Тьма. Перед мысленным взором возникла виденная мгновение назад картина лестницы. Ладонь легла на гладкие отполированные за годы перила, неспешно заскользила вниз вместе с осторожными шагами. Лёгкий скрип, черт... Замер, прислушавшись... В затихшем доме по-прежнему тишина, идём дальше, вниз, вниз по старой пахнувшей пылью лестнице дома в далёком городке американской глубинки. В прошлом... Почти сто лет... С каждым медленным шагом осязаемо чувствую, как отдаляется от меня небольшая комната, место, где я появился здесь меньше часа назад. Пробуждение... Страх... Паника... Понимание... Решение. Шаг за шагом – к неторопливо приближающемуся выходу на улицу. Шаг за шагом к черте, за которой пути назад – не будет. Я

готов к этому? Я хочу этого? Я останусь здесь навсегда. Навсегда... Навсегда. Шаг за шагом... Вот и небольшое окно слабо освещает прихожую. Дверь – передо мной. Серебристый свет косо падает на дощатый пол, резкие тени ложатся на стены, оклеенные обоями с каким-то цветочным рисунком. Кадка с небольшой пальмой, раскинувшей широкие листья, словно готовящаяся взлететь птица. Куда отправишься, крылатая? Давай со мной? Одному страшно... Глаза тем временем привыкли к полутьме, вижу вход в неширокий коридор налево, пол покрыт ковровой дорожкой. Там комнаты хозяйки... В памяти всплыло имя – миссис Пейтон. Кивнул сам себе, а ведь пора бы начинать вспоминать детали, пригодятся. Миссис Пейтон... Кто она такая, что за человек? Не помню... Пальцы сжали ключи. О чем я думаю, стоя перед дверью на улице и никак не решаясь открыть ее? Я просто тяну время. Вот перешагну через невысокий порог – и все, этот мир поглотит меня. Так чувствую. Губы искривила усмешка, я сжал пальцы сильнее. Ещё сильнее! Ну же, до боли, до крови! Пусть кусочек металла вопьется в ладонь, пусть! Открывай! Иди! Как в моем сне, где я вошёл в распахнутую дверь... Иди, ты здесь не просто так, тебя ждут, на тебя надеются! Ты же хочешь этого, ты всю жизнь ждал! Ну же! И тишину прихожей прорезал скрип вставленного в замок ключа, два оборота. Пальцы ложатся на немного шатающуюся ручку... Поворот вниз. И в лицо ударил порыв прохладного ветра, делаю шаг, другой. Невысокое крыльцо, кованый навес

над головой. Две широкие ступени вниз, на тротуар. Глубоко вздохнул, наполнив грудь ночным воздухом Ликурга, пробуя его на вкус. Чужое? Нет, милый. Уже нет... Дверь осторожно закрывается, кинул быстрые взгляды по сторонам. Никого... Сердце колотится, отдаваясь в голове, груди, кончиках пальцев. Странное и непривычное ощущение, когда подошвы и каблуки издали тихий стук, соприкоснувшись с асфальтом тротуара. Ну, двинулись. Куда идти? Неподвижная темная фигура бросается в глаза, в нескольких окнах напротив все ещё горит свет, людей в проёмах нет, но не будем ждать их появления. Для начала – какой мой адрес? Вот и табличка – Джефферсон-авеню, 18. Почтовый ящик – "миссис Аннабель Пейтон". Ишь, Аннабель... Стало зябко, засунул руки глубже в карманы пальто, бросил взгляд вдоль улицы. Направо или налево? Туда пойдешь, коня потеряешь... А туда – голову... Или друга... Или... Не помню. Пожал плечами, повернув направо.

Медленно иду по полутемной улице, немного успокоившись и приведя мысли хоть в какой-то порядок. С любопытством посматриваю по сторонам, благо прохожих нет и видеть, что я тут впервые – некому. Редкие уличные фонари дают вполне достаточно света, чтобы разглядеть все. Дома в два-три этажа, все довольно старые, но ухоженные, по крайней мере снаружи. Черепичные крыши, стекла окон поблескивают в чуть дрожащем свете газовых рожков. До электри-

чества ещё, видимо, не везде дошли. Что подтверждает ещё одно окно, освещённое неверным жёлтым светом керосинки. Деревья, ровными рядами стоящие вдоль дороги, оказались кленами, разглядел несколько характерных листьев, лежащих на брусчатке. На ходу нагнулся и подобрал один, поднес к лицу. Вдруг неосознанным движением провел им по щеке, губам, словно исполняя какой-то ритуал. Улыбнулся, будто принес обет верности. Кому?

Неторопливо иду дальше, стараясь запоминать увиденное. В некоторых домах первые этажи отданы под небольшие магазинчики и лавки, хозяева живут тут же. "Бакалейные товары Роджерса". А вот "Аптека. Парфюмерия." Хм... Аптека... Тряхнул головой, не о том думаю. "Флористика миссис Сэлливан"... Улыбнулся, а об этом думать куда приятнее. Даже остановился посмотреть на красиво выставленные на небольшой витрине муляжи различных букетов. Покачал головой, пока проходим мимо... Стоп. Вдалеке мелькнул силуэт? И что? Губы сжались, тут "ревущие двадцатые", милый. Конечно, не Чикаго, и не Нью-Йорк, но могут и польститься на пальто и часики. А также на десятку в кармане. Глупо выйдет, если зарежут в подворотне... Я это серьезно сейчас сказал? Надо было нож взять... Хватит, а? Уж за себя постою, если понадобится. Да и не припомню ничего такого про Ликург, спокойный провинциальный городишко, тысяча тридцать жителей. Силуэт промелькнул – и исчез. Позд-

ний гуляка какой-нибудь... Идём дальше, продолжаем экскурсию.

Машинально смотрю на часы, 23.25. Впереди светлеет, и свет нарастает, за следующим перекрестком ярко горят фонари. Бездумно иду дальше, и лишь оказавшись на нарядном проспекте, понимаю, куда забрел. Черт, точно, мой дом – на параллельной улице, а значит – вот она, Уикиги-авеню. Что подтверждает табличка. Застываю, как вкопанный. Мне сюда нельзя. Никак нельзя. Черт, авто! И его водитель может меня знать. Пируэтом ухожу в густую тень и успеваю исчезнуть прежде, чем автомобиль меня настигает. Уфф... Опасно. Надо уходить. Смотрю вдоль празднично освещенного ряда особняков. Да, где-то там. Все они. И она. Она? И внезапно приходит окончательное решение. Хватит врать себе, что ничего не понимаю и не знаю, что делать, что просто вышел пройтись и подышать. Мне страшно думать о том, что она – единственный тут человек, к которому могу пойти. Конечно, если не решу прямо сейчас сбежать. Какие-то деньги есть, до Нью-Йорка хватит. Вокзал найду без проблем. Ну? Бежим? От этой мысли меня передернуло, захотелось сплунуть. Не моя это мысль. И ей на смену спокойно пришла другая – нет, милый. И я впервые осмелился тихо произнести её имя: «Роберта». Я здесь, я иду тебя искать. Приняв решение, более времени терять не собираюсь. Несколько минут на подгонку деталей... Напрягаю память, надо вспомнить ад-

рес. Перед глазами замелькали страницы... Тэйлор-стрит? А, нет, она же переехала. Клайд ее уговорил. Улыбнулся, название ее новой улицы запомнить было легко. Элм-стрит, улица Вязов. Номер не помню, но сколько там тех вязов... И это на юго-востоке города. Сколько там того юго-востока... Отойти от света подальше. Небо чистое, звезды четкие. Навыки при мне. И через минуту быстро иду в нужную сторону. По ходу, может, спрошу кого-нибудь. Но лучше этого не делать, могут узнать. Невольно глубже надвинул на лоб шляпу, ускорив шаг и приглядываясь к табличкам на стенах домов.

Очень помогли указатели на перекрестках, с кучей плоских стрелок с названиями улиц. Элм-стрит нашел уже минут через двадцать. Точно, она. Вот и табличка. Номер дома не знаю, как быть? Вглядываюсь в темные окна домов, что же делать... И не спросить никого, да никого и нет. Да и зрелище будет, здрасте вам, а как пройти в библиотеку, то есть, Гилпины тут где живут? Бред. Спят уже все. Спят... Неужели? Пошли, ищем свет в окне первого этажа. Лампу, свечу, неважно. Тут все спят сейчас. Кроме нее. Медленно иду вдоль улицы, так тихо вокруг. Легкий скрип ботинок, ветер посвистывает в кронах деревьев. Это реально вязы, интересно? Раз, два, Фредди идет за тобой, и лучше не спи... Не спи, маленькая, не гаси свет. Ладно? Посматриваю по сторонам, заметно, что район здесь заметно беднее. Фасады домов кое-где в трещинах, краска облупилась. Лавки попроще, и все —

дешевые продуктовые. А вот из крыльца вывалились кирпичи и сиротливо лежат тут же, у хозяев руки не доходят потратить час времени? Пожимаю плечами, вглядываясь в черные прямоугольники окон. Ну где же ты? Как тебя искать, если я не угадал? И уже через четыре дома вижу. Неяркий огонек тусклой вполнакала лампы. Подхожу ближе, различаю занавесочки и за ними силуэт, одиноко сидящий у стола. Она? Что делает? Читает? Вышивает? Чай пьет? Что они тут еще делают... Или просто сидит и безнадежно ждет. Его. Меня. А если не она? Приглядываюсь внимательнее... Занавески мешают. Не вломиться бы ненароком к достопочтенной матроне, матери четверых детей... Мда, скандал... Ну встань, подойди к окну... Нет, не матрона, молодая девушка... Подкрасться к самому окну и заглянуть? Нерешительно оглянувшись по сторонам, вокруг дома, полно окон. Могут заметить мои эволюции, если это Берта, ее нельзя подставлять. Кстати, если это не она – тоже нельзя, верно? Надо ее поднять, пусть подойдет к окну... А я знаю, как она выглядит? Да, уже знаю. Перед глазами смятый портрет в захламленном ящике стола. Мне нужна секунда перед окном. Остаётся только...

Нагибаюсь и нашариваю мелкий камешек. Навыки при мне, а вот мышцы, моторика... Нож метнул с отклонением вправо, взять поправку. Для пробы посылаю сначала в дерево метрах в пятнадцати, по силуэту. Попадаю. Почему-то оттягиваю момент. Страшно. Ну и, долго камушками пулять

будем? Ну! Давай, "от кисти"... Не разбить бы со страху... Вдох-выдох... Дзыньк! И через секунду окно распахивается мне навстречу... А я уже преодолел палисадник и стою рядом. Сердце готово вылететь, так быстро колотится, отчаянно пытаюсь сообразить, что сказать... А если не Роберта? Просто исчезну, не страшно... Идиот, раньше надо было думать, а теперь... Все, окно открыто, пахнуло лёгким чуть горьковатым ароматом... Во рту пересохло, пытаюсь что-то сказать... Не могу... Лицо с портрета. Это она.

– Клайд, милый, ты тут? А сказал, что у дяди на обеде и с ночевкой...

Однако... Силен, вообще уже края потерял, крыса... Эта мысль внезапно успокоила. Крысы – нет. Тут – я. Мой шепот, наконец, хоть что-то выговорилось... И скомандовал ей.

– Берта, отойди, дай место!

Она кивнула и послушно отошла вглубь комнаты. Руки на подоконник, колено...

Пока залезаю, бесшумно и быстро, успокаиваюсь и прихожу в себя. Все, я здесь. Ловлю себя на том, что ее молчаливое послушание меня покорило. Все понимаю, не до споров у окна, но... Все-таки...

Оглядываюсь, пока она закрывает окно и задерживает занавески. Надо быстро, предполагается, что я все тут знаю. Все мило и аккуратно. Чистенько и уютно. Умеет... Быстро, по секторам – стол. Три стула. Шкаф платяной. Кухонька в углу. Две двери, как и у меня. Кровать... Застелена. И хорошо. Куда пальто и шляпу? Быстро! А, вон... Вовремя – Роберта уже передо мной и улыбается.

– Так что случилось, дорогой, с обедом? Ты не остался ночевать? Так хорошо, что ты пришел...

– А, там все в итоге отменилось и я вообще никуда не ходил.

Отговорку сочинил на ходу, не ждал такого вопроса в лоб. Сочинил явно неудачно, улыбка Роберты тускнеет.

– Ты мог бы тогда прийти пораньше, милый... Когда ты узнал, что обед отменили?

Так... Начинается... И почему я не удивлен... Так, солнце, тут тебе не здесь и я тебе не Клайд. Но, как ни странно, эта внезапно начавшаяся пикировка меня все больше успокаивает.

– Берта, как только я смог, пошел прямо к тебе. Вышел из своего дома. И я есть хочу, как волк. Накормишь? А то

сожру.

Роберта растерянно оглянулась по сторонам, теребя платок. Малыш, не надо нам выяснений, давай пока просто поужинаем, чай попьем, а? Нам знакомиться, можно сказать, заново надо. И я правда есть хочу, проголодался. Перед глазами совершенно некстати возникла увиденная по дороге вывеска – "Сосиски и колбасы Флетчера"...

– Клайд, как я тебя накормлю, кухня в комнатах Гилпинов, – Роберта отошла в угол и открыла кухонный шкафчик, – чай есть, сыра немного, и конфеты я купила сегодня, немножко.

– Отлично, давай чай пить.

И постарался улыбнуться повеселее, проняло – она заулыбалась в ответ.

Глава 3

Улыбнулась... Ее серо-голубые глаза на миг распахнулись во всю ширь,хватило дух, словно заглянул в пропасть. И тут же погасли, Роберта немного суетливо кивнула и отвернулась к шкафчику, чем-то зашелестела там, негромко звякнула тарелка. Увидел, как она вздрогнула и быстро посмотрела в сторону двери, не услышат ли хозяева? Снова покосилась на меня, успел отвести взгляд, уставившись в стол. Услышал вздох, уже тише и осторожнее Роберта стала выкладывать что-то, по звукам определяю чашки, блюдца, все это ставится на поднос. Зашипел примус. Прикрыл глаза, слушая... Вот наливается вода... Звякнула ложечка о фарфор... Что-то насыпается горкой на тарелку, конфеты? Накрыло ощущением полной нереальности происходящего, я – дома у Роберты... Она от меня – в паре шагов. Я – Клайд Гриффитс... Нет! Медленно, по складам, беззвучно произношу свое имя. Мне показалось очень важным, чтобы оно прозвучало в этих стенах, пусть даже и так, украдкой. Здесь – я! Ты слышишь меня, крыса? Не знаю, как, не знаю, почему... Но тебя уже нет. Вдруг резанула совершенно неожиданная ревность... Господи... Я ревную к нему Роберту? Перед глазами снова картина – она послушно кивает и отходит назад. Послушно... Казалось бы, ерунда. А как иначе? Резануло...

Захотелось встать, подойти к ней... Обнять... И прошептать, тихо-тихо... Все плохое закончилось, я здесь. Сказать, кто я... Чтобы знала. Серьезно? Роберта, я не Клайд, а зовут меня... И я заснул дома, а проснулся здесь, в его теле. Не сдержавшись, поморщился, представив ее реакцию... Или выгонит, или заплачет, решив, что издеваюсь. Или поверит, испугается и назавтра просто исчезнет, уедет... Что же мне делать, что? Как поступить? Я – не он. Снова и снова повторяю себе эти слова, вбивая их, словно клин между ним и... Ней. Между ним – и этой комнатой, этим домом, городом, миром. И чувствую – с каждой проведенной здесь минутой пропасть между мной и моим собственным миром становится все шире, глубже и непреодолимее. Я больше не принадлежу ему, я... Я остаюсь здесь. Вдохнул, открыл глаза... На мгновение стало страшно, вот открою – и снова дома. Я не хочу? Не хочу вернуться? Ответ неожиданно спокойно прозвучал в голове – нет. Не хочу. А как же... Родные... Дом... Ольга... Друзья... Родина... Губы сжались, их тронула какая-то кривая улыбка, покачал головой, покосившись на хлопочущую в уголке Роберту. Быстро убрал гримасу, еще увидит, примет на свой счёт. Перед глазами встали два портрета на гранитной стеле. Мама... Отец... Вас уже нет. На мгновение прикрыл глаза, снова вспомнив, как она нашла меня плачущим с книгой на коленях. Мама... Если ты сейчас меня видишь, то наверняка рада, что наконец... Может, это ты сделала? Если так... Спасибо тебе. А если нет, то пожелай мне

удачи, а Роберте счастья... Помнишь, как ты не раз мне говорила, качая головой – "успокойся уже, все ищешь, ищешь свою Роберту... Это же книга, просто книга. Роберты нет и никогда не было! Вон сколько девушек вокруг замечательных..." Не успокоился, мам... Были, да, и даже замечательные... Ольга... Она тоже хорошая, все отогреть хочет... Она будет искать, переживать... Что там со мной сейчас? Умер? Сошел с ума и стал овощем? Живу, как ни в чем ни бывало и даже не подозреваю, где оказался? Или... Там сейчас Клайд вместо меня? Невольно поежился... Что бы он сделал, оказавшись в моем теле и на моем месте? Не знаю и не хочу даже думать. Но хорошо, что я там – один, ни семьи, ни детей. Ольга... Что ты сделаешь, если поймешь, что перед тобой – не я? Поверишь ли? Ты сильная. Прости... Но я не вернусь, даже если представится возможность. Не вернусь. Роберты не существует, говорите? Seriously? Снова звякнула ложечка о фарфор, вздрогнул, очнувшись, осторожно повел глазами.

Пока я размышлял, Берта успела собрать нехитрое угощение, поставила на стол небольшой поднос, на нем чашки, блюда. Тарелочка с конфетами. Купила их сегодня, немножко. Почему-то взгляд на эти скромные конфеты окончательно убедил меня – не сон, все – взаправду, настоящее. Вот снова отошла, за вскипевшим чайником. Помочь? Но это значит, надо что-то ей сказать, подойти к ней... Не решаюсь, все ещё не решаюсь... Пока бросаю на нее осто-

рожные взгляды, рассматриваю, стараясь, чтобы не заметила.

Маленькая... Личико симпатичное, ямочки на щеках такие смешные... Когда поворачивается, под меняющимся светом резкими тенями обозначаются скулы и складки у красиво очерченных губ – становится видна усталость, постоянно грызущая ее усталость. Тревога... Страх... Вот склонила голову набок, что-то разглядывая, округлый подбородок чуть заострился, придав лицу упрямое выражение. Небольшой прямой нос еще больше подчеркнул его... Да, она может быть упрямой. На лоб упал локон, откинула его нетерпеливым движением, дунув вдогонку. А тут видны задор и озорство, сейчас очень глубоко ушедшие, не до веселья... Пушистые каштановые волосы так и просвечивают, когда она входит в свет лампы. И эта ее манера смотреть... Заглянешь в бездонные озера – не вынырнешь. Из нехорошего – худенькая она очень. Бледная. Синева под глазами. Мало спит и плохо ест. Пользуясь кухонной передышкой, еще раз оглядываюсь, что тут и как. Повторю, очень чистенько тут у нее и уютно. Всякие там половички, в цвет подобранные. Кровать аккуратно заправлена синим покрывалом, вижу под ним две подушки. Две... Кровать... Тряхнул головой, отгоняя непрошенное. Продолжаю незаметно наблюдать. Смотрю на то, как она неслышно ступает, явно стараясь не скрипеть половицами, как ее пальцы берутся за ручку чайника, как оза-

боченно закусывает губу и слегка хмурится. Простые движения, но говорят о многом. Сила, упорство, упрямство, запряжанные глубоко, и потому – видные вот в таких мелочах. Руки изящные, маленькие, но округлые, аккуратные. Еще платице это домашнее, простенькое. Бежевое в светло-коричневую полоску, немного ниже колен. Вот отвернулась, это движение колыхнуло подол, приподняв его на миг. Взгляд невольно опустился, выхватив круглые колени, точеные ноги в тонких дымчатых чулках. Невольно сглотнул, проследив за внезапно обозначившимися под легкой тканью очертаниями тела. Словно искра сверкнула, ослепив на мгновение... Усмехнулся, заметив, что очарование забавно дополняют изрядно растоптанные тапочки, отороченные серым мехом, заяц, что-ли? Смотрю дальше, пользуясь моментом... Руки открыты до середины плеч. Прохладно тут. Вот, шаль накинула. Хм... То ли продрогла... То ли почувствовала, что я ее рассматриваю. Стесняется? Что же происходило между ними, когда я появился? Что успели сказать... Что можно сделать... А я собрался делать что-то? Что? Ещё не знаю. Оо... Знакомые нотки... Не знаю. Не буду. Не хочу. Эй, крыса! Это ты сейчас вещать изнутри пытаешься? Если так, то замолкни, понял? Я буду решать. Я. Не ты. Тебя – больше нет. Прислушиваюсь. Знать бы, что слушать и где. Тишина. А, может, не он. Я тоже пока не знаю ничего. Только одно вдруг понимаю внезапно. У нас это состояние называют «упал жетон» – когда вдруг озаряет. Я – дома. Я – никуда не уйду. Не

оставлю ее. Никогда.

Незатейливый стол накрыт, такое впечатление, что Берта намеренно тянула время, хватаясь то за одно, то за другое. Спасибо тебе, девочка, если так, ты неосознанно помогла и мне, смог хоть немного освоиться здесь, с тем, что ты рядом. С тем, что вся моя прошлая жизнь теперь по ту сторону неотвратимо разверзающейся бездонной пропасти во времени и пространстве. Вот она села напротив, осанка у нее отличная, спинки стула даже не касается, явно мамино воспитание. Чуть улыбнулся, теперь моя очередь ухаживать. Знаю, что угощать – обязанность хозяйки, но... Пока Роберта собирала на стол, а я думал и смотрел – пришло решение. И я не хочу сейчас следовать этикету. Не хочу. Я – не он.

– Берта, почему не спала? – налил ей чаю. Ее брови слегка приподнялись, она удивлена таким отступлением от правил. Вздохнула и пожала плечами, поправив шаль.

– Не знаю. Не спится мне, милый. Если ложусь рано, потом все время просыпаюсь. Вот, стараюсь подольше не ложиться, потом поневоле сон крепче.

Роберта отпила глоток чая с простодушным удовольствием, когда пьешь или ешь что-то, что любишь. Посмотрела на меня и еще раз чуть беспомощно пожала плечами, снова вздохнув. Круги под глазами обозначились резче. Она поняла, что я их заметил и опустила голову, слишком тщательно

выбирая конфету. Да, неважные тут дела.

– Я думала, что ты не придёшь. – конфета выбрана и теперь аккуратно, слишком медленно и аккуратно разворачивается.

– Дай сюда, – забираю конфету.

– Вот, держи, – и просто вкладываю ей в руку, – ешь давай, она шоколадная, растает, пока думать будешь.

Она удивленно вскидывает глаза и они на миг раскрываются во всю свою погибельную ширь. Вспышка. И тут же гаснет.

– Клайд, как-то... Ты какой-то странный сейчас.

– Давно не ухаживал за тобой? – пытаюсь улыбнуться непринужденно, но мышцы улыбательные почему-то сводит.

– Да, давно. – это произносится с тихим, но отчетливым вызовом, – и кое-чего ты раньше не делал и не говорил, совсем.

И минуты не прошло... Она уже видит разницу и не боится сказать об этом. Мысленно чертыхнулся, вот же зараза маленькая... Если уже видит, то что будет через час? Завтра? И снова этот взгляд. Уже открыто прямой. В лицо. В глаза. В душу. Обреченный взгляд человека, который уже все потерял, и потому – предельно честный и откровенный. Чего уж там... Все всё понимают, да, милый? Вот опустила глаза и положила в рот конфету, невольно улыбнулся, а ты сладкоежка, Берта. Секундное выражение удовольствия сумело

пробиться через тревогу и усталость, я успел его увидеть. В свою очередь попробовал, любопытно, какова на вкус местная сладость. Даа... Ещё не начали бодрить продукты, как и чай – шоколад чистый, насыщенный. При том, что конфеты наверняка из самых дешёвых, другие Роберте не по карману, тем более сейчас. Но – все равно купила. Надо будет в следующий раз пирожных принести, заварных каких-нибудь. Хм, пирожных... Мясо ей нужно, много, эта бледность мне не нравится. Мясо, фрукты, свежий воздух, прогулки и покой. Уже планы строю? Да.

Разговор пока не очень клеится. А с чего бы, собственно... Она меня не ждала. Клайди-маленький ее в очередной раз невозмутимо продинамил. Она сидела, изматывая себя перед сном. А тут пожалте, изволил. Станцевать качучу на радостях? Могла и выгнать. Нет. Не могла. И она – ждала. Несмотря ни на что. Как говорится, дрожь рук – а вдруг... Тонкие дымчатые чулки... Не домашние, в них ее ноги выглядят просто потрясающе... Она ждала, надев их... Надеюсь, а если... Наивно постаралась хоть как-то привлечь, вернуть былое... Или – не так уж и наивно? Снова неприятно кольнула ревность... Да о чем я вообще думаю? Хватит, и... И пей чай, милый. Чтобы сбить нехороший осадок, вспомнил смешные "заячьи" тапочки, шикарный наряд обольстительницы...

– Ты как чувствуешь себя?

– А что?

– Бледная ты, прости, что говорю, но... Давай сэндвич сделаю? Хочешь? Сыр есть же. А хлеб где?

– Клайд, ну что ты... Не хочу.

Но я уже неудержим. Атмосфера неуклонно сгущается к скандалу и истерике. А оно нам надо?

– Дорогая, не перечь. Я сейчас.

И быстро, пока еще чего-то не сказала, поднимаюсь со стула. Вот что нужно, голос, движение. Неважно, какое. Чем-то занять. Потому что все это – лишь прелюдия. Не о том она хочет говорить. И мне от нее кое-что тоже надо, причем срочно. Так... Я не зря тут все рассматривал, пока Роберта возилась, теперь ориентируюсь свободно. Быстро нарезаю хлеб.

– Масло где у тебя?

Тон намеренно беру немного грубоватый, напористый. Клайд с ней никогда так не говорил, она уже почувствовала разницу... Пусть! Не хочу я сейчас говорить ласково, этого она уже наслушалась от него. А я – не он! Роберта растерянно разводит руками, робко улыбается, слегка ошарашенная этим напором. Да, Клайди, ты явно ее не баловал вот такими знаками внимания. А что может быть лучше, чем экспромтом угощать ночью девчонку чем придется и самому это готовить. Пусть даже это и просто кусок хлеба с сыром, ибо масло, как выяснилось, на кухне у Гилпинов. Мелькает озор-

ная мысль – устроить Роберте ночной аттракцион «инфилтрация на охраняемую территорию за маслом». Она пойдет «передовым охранением», ибо знает местность. Я буду "основными силами» и проведу собственно изъятие объекта. А что... Хорошая идея? Ну пусть она рассмеется... Дерьмо идея. Девочка на грани, не перегибай палку и угости сэндвичем, все. Протягиваю.

– Давай, ешь, – и наливаю ей еще чаю с самым невозмутимым видом. – Я тоже съем, конфетами сыт не будешь. Ешь, сказал! Тебе вообще надо питаться сейчас лучше.

О, черт... Ну кто за язык тянул... Стиснул зубы, плохо... Вот и слезы...

– Клайд... Клайд... – вскочила и бросилась ничком на кровать.

Лицом уткнулась в подушку, плечи мелко затряслись. Тихо всхлипывает, ничего не говоря. А что тут скажешь... Все и так ясно. Чувствую полное смятение. Улыбалась ведь только что... Как ее теперь успокоить, как? Хочу сесть рядом, сказать что-нибудь ласковое... И – не могу. Она уже наслушалась ласковостей, продолжать? Нет.

Осторожно сажусь рядом, тихо кладу руку на плечо, а в голове полная пустота. Теплое, мягкое, и такое хрупкое плечо... Ладонь на миг ощутила гладкость кожи, закружилась голова, да что со мной... Я же не мальчик шестнадцати лет, я... Вздрагивает и отстраняется к стенке, подальше. И сквозь

слёзы... Горячечно... Лихорадочно...

– Не трогай меня... Не трогай... Тебе не хочется, тебе, может, даже противно. Не надо! Не нужно этого всего...

Резко поворачивается и садится, вцепившись руками мне в плечи. Такая неожиданная сила в этих изящных маленьких пальцах, чувствую, как ногти впились в кожу. Пусть. Я вытерплю. Слезы исчертили лицо быстрыми извилистыми дорожками. Заострившееся бледное лицо с горящими глазами... Молчу. Пусть выплачется. Пусть выговорится. Пусть. Я выдержу. Выдержу. Как же трудно смотреть ей в глаза... Большие, строгие... И такие беспомощные...

– Зачем ты пришел? Ведь не было никакого обеда и не собирался никто, ты опять лгал. Ты все время лжешь. Лжешь! А я тебе не лгала никогда... Никогда... Боже... И что теперь...

Вспышка угасла, она бессильно уткнулась лбом мне в грудь, стоя на коленях и тихо качаясь. Молчу. Говори... Все говори... Ты заслужила. Чтобы тебя просто слушали. Не пытаюсь заткнуть или успокоить очередной ложью.

– А я тебя ждала, все равно ждала... Каждый вечер жду... А ты... Знаешь, хочу тебя возненавидеть, всем сердцем. Как совсем недавно всем сердцем любила... Я отдала тебе все, все... И хочу забрать все у тебя... Это было бы справедливо!

Да, девочка. Это было бы справедливо.

– Хочу, хочу, хочу тебя ненавидеть! Ты не можешь, не смеешь так со мной... Со мной... Господи...

Солнышко... Не надо. Мы что-нибудь придумаем... От этой растерянной мысли меня передернуло... Что-нибудь...

– Зачем ты тут сейчас? Зачем? Испугался, что пойду к твоему дяде? Успокоить пришел? Сказать, что вот еще немного, еще неделя или две? Опять меня хочешь отправить к родителям с глаз подальше?

Надеюсь, она не заметила, как я напрягся при этих словах. Отлично. Теперь я хоть примерно знаю, в "когда" попал.

– Не бойся, милый. Не пойду я никуда. Для этого надо быть не мной. А я...

И она просто зарылась лицом мне в грудь, чувствую жар ее тела и как рубашка становится мокрой там, где прижалось заплаканное лицо. И безотчетно обнимаю ее, осторожно и бережно, всерьез опасаясь, что Роберта сейчас просто растает, исчезнет. А я очнусь дома, в своей постели. Эта мысль отозвалась болью, тоской, я не хочу. Слышишь меня, ты, кто все это устроил? Я не хочу. Берта... Не исчезай, прошу... Усаживаю ее рядом поудобнее, она робко обнимает меня и голова ложится на мое плечо. Затихает. И просто сидим.

– Клайд... – тихо так прошептала, – почему ты молчишь?

О, да... Ты привыкла, что в таких случаях сразу начинаются ласковые успокаивающие слова, обещания, оправдания, все вот-вот наладится, ещё только неделю подождать... На мгновение порадовался, что она сейчас не видит мое ли-

цо, глаза... И прежде, чем я успел подумать и взвесить...

– Хочешь и далее выслушивать оправдания, обещания, просьбы подождать? Прочую ложь?

Отчетливо вздрогнула от этих жестоких безжалостных слов. Они подвели черту – все было ложью.

Глава 4

Да. Она поняла это быстрее, чем я осознал, что именно произнес. Но уже поздно, слова сказаны. Почувствовал, как она напряглась, замерла. Что теперь... Берта медленно высвободилась. Не мешаю, не пытаюсь удержать. Жду. Что она скажет? Сделает? Предпримет? А если сейчас просто на дверь укажет? Велит уйти и больше не возвращаться? Что тогда делать, что ей сказать? Нет. Нет, Роберта, я не уйду. Слышишь? Понимаешь это? Я – здесь. И я – не уйду! А она просто молча смотрит. Какое же у нее бледное заострившееся лицо, губы приоткрылись, словно что-то хочет сказать, задрожали... Закусила их, пытаюсь сдержаться... Устала, как же она устала от всего этого... От лжи. От неизвестности. От одиночества и безнадежности. И теперь, услышав, что тот, кого она до сих пор безнадежно любит, лгал ей все эти страшные месяцы – она просто молчит.

– Не прошу прощения. Это то, что было.

Молчит.

– Более лгать тебе не хочу и не буду.

Серьезно? Тогда признайся ей, кто ты. Решишься? Нет. Нельзя.

– И вообще... Берта... Пошли погуляем. Хочешь?

Встаю и протягиваю ей руку. Она молчит. И просто смотрит мне в глаза. Серо-голубые бездонные озера. В них можно утонуть... Утонуть... Сжимаю зубы и отгоняю непрощенное. Руку не опускаю.

– Ну же, девочка... Вставай. Идем, – а называл ли он ее так? Не знаю и не хочу знать...

Порывисто вздыхает и отворачивается к стене, сжав руки на груди.

– Зачем ты играешь со мной, Клайд... Ты жестокий. Очень. Если бы я знала... Или хоть догадывалась...

– Нет, Берта. Игры закончились. Все, что было до сегодняшнего вечера – закончилось. Так я решил.

Что я несу? Все только начинается. Но что ещё я могу сейчас сказать этой измученной девочке, что?

– Клайд, Клайд... Я не понимаю тебя... Я уже ничего не понимаю... – Роберта прижала ладони к лицу, снова начала тихо всхлипывать.

– Ты сказал, что все лгал. Ты признался.

– Да.

– Но ведь... Зачем... Клайд, не мучай меня, умоляю... Скажи, зачем все это... Ты пришел, когда я не ждала. Нет... Нет... Я ждала. Сидишь со мной... Я вижу, ты не такой как всегда. Я не вижу любви в твоих глазах. Но... – она запнулась, не находя слов, – я не знаю. Твои глаза, они другие... Ты признался... Зачем? Ты пришел попрощаться, расстаться, бросить меня окончательно?

– Послушай меня, Берта, – я должен ее поднять, должен. Я не могу смотреть в это кроткое бледное лицо. Не могу смотреть в эти широко распахнутые глаза, подернутые сдерживаемыми из последних сил слезами. Хочу зарыться в ее рассыпавшиеся по плечам волосы, вдохнуть их запах... И сказать ей правду... Нет. Нельзя.

– Если ты хочешь знать, что я чувствую к тебе, то этот вопрос не ко времени, Берта. Ты не видишь любви? А что ты видишь?

Говори с ней, говори. Дай ей высказать все. Не в этих страшных письмах, что ты побоялся открыть дома. Глядя в глаза.

Роберта осторожно и робко взяла мои ладони в свои. И прижала их к лицу. Горячие такие щеки. И бледные. Такие бледные. И глаза горят нездешним светом. Ее лицо в моих ладонях...

– Ты здесь. Не понимаю, почему. Ты уже очень давно так надолго не приходил. Ты никогда так не говорил со мной. Меня это радует. И пугает. Из твоих глаз исчезло равноду-

шие, они такие... Странные... Дай мне посмотреть в них...

Она наклонила меня к себе. Близко. Очень близко... Ее глаза прямо передо мной, чувствую тепло дыхания от приоткрывшихся губ... Берта, нет... Не надо... Нельзя... Тихий шепот...

– Ты сейчас уйдешь? Я чувствую, что ты хочешь остаться, Клайд... Правда?

Я не уйду, Роберта. Никогда.

– Правда. А погонишь – все равно не уйду, так и знай.

Я осторожно выпрямился, с усилием заставив себя немного отодвинуться от нее. Еще миг – и мы бы поцеловались, и бог знает, чем бы все закончилось... Нет. Не могу. Берта робко улыбнулась, а в глазах мелькнуло что-то даже лукавое, слезы исчезли.

– Я тебя не гоню. Ты правда хотел погулять?

Улыбнулся ей в ответ, в груди стало тепло и радостно.

– Конечно, давай пройдемся, солнышко.

Она удивленно вскинула глаза.

– Солнышко... Красиво... Ты никогда так меня не называл...

– Ну, а теперь назвал. – снова протягиваю ей руку, – давай, Берт, подъем.

– Берт... Подъем... – задумчиво так протянула, внимательно на меня посмотрев, – сегодня вечер новых имен? Но-

ВЫХ СЛОВ?

Я тихо рассмеялся, покосившись на дверь, за которой спали Гилпины, и совершенно искренне сказал.

– Не только имен, Роберта. Все теперь будет новым, вот увидишь.

И это – чистая правда. Внезапно почувствовал – что-то особое протянулось сейчас между нами, то, что только наше. То, чего не было раньше. Я уже встал и Роберта подала мне руку, мягким движением поднял ее с кровати, она невольно подалась ко мне, почувствовал тепло ее тела, близко... Очень близко. С трудом подавил желание обнять, прижать к себе, вдруг понял, что она ждёт, хочет этого. Миг – и ее руки обовьются вокруг моей шеи, лицо запрокинется мне навстречу, губы приоткроются, и... Нельзя. Это будет... Это будет хуже той лжи, что была... Нет. И пока пауза не стала для нее обидной, просто подтолкнул Роберту к шкафу, незаметно переведя дух – когда наши пальцы на мгновение сплелись, словно ударило током, сердце зашлось... Надеюсь, она не заметила. Что же делать, что? Да, я уже все решил, но... Как же страшно... Как страшно будет ждать ее ответ...

– Одевайся, солнце.

Шкаф открыт и она нерешительно мнетя, уже взяв платье и прочие принадлежности. Ну и? Аа... Мда... Точ-

но. Ширмы тут нет, второй комнаты нет. Отвернулся к окну, вздох на этот раз скрыть, по-моему, не удалось. Краем уха отчетливо слышу вздох ответный. Еще и губы надула, небось... Обиделась. Он не отворачивался? Обрываю начавшуюся мысль. Роберта одевается, слышны характерные звуки. Тут молнии уже есть на платьях или нет? Вот попросит сейчас застегнуть на спине... А в стекле что-то видно, кстати. Не успеваю присмотреться, как все и закончилось.

– Клайд, я готова.

Оборачиваюсь. Улыбаюсь. Нарядно оделась, темно-синее выходное платье. Лёгкое зелёное пальто и задорная шляпка с маленькими шелковыми полями и парой вишеноч на них. Ботиночки. В руке перчатки. На шее изящно повязан белый кружевной шарф. Чуть горьковатый свежий аромат, который почувствовал у окна, стал сильнее.

– Вот, совсем другое дело, – и мне улыбаются в ответ, – Пошли.

Смотрю на часы. Почти час ночи.

– Берт, ты как, на работу не проспичь?

– Не тревожся, я ведь раньше ни разу не опаздывала, помнишь? – она стрельнула в меня блеснувшим взглядом из-под шляпки, вложив в эти слова вполне понятное значение.

Ну, спасибо, дорогая, что не даёшь забыть... Но пора, хватит размышлять. И распахиваю ставни, в комнату ворвался прохладный порыв ветра, очень кстати остудив разгорячен-

ный лоб.

– Прошу на выход, леди!

Она ошарашенно смотрит на меня и на окно.

– А ты что думала? Через Гилпинов пойдем? – ее напоминание о том, что не просыпает после... В общем, через дверь я идти не хочу. Я – не он! Глупо? Пусть. Теперь все – иначе.

А ведь я ее провоцирую, вдруг пришло понимание. Я делаю всё, чтобы она начала сомневаться. Начиная от тона, новых слов и манер, и кончая несуразным предложением лезть в окно. Пусть! Берта, не бойся, иди со мной. Со мной!

– Ой, Клайд... Я так никогда не вылезала в окно... Да я не умею...

– Зато я умею. Вперед! – от предвкушения прогулки нахлынуло озорное настроение, захотелось что-то сделать, чтобы Берта улыбнулась, рассмеялась. Пусть и ее захватит новизна!

И я легким отточенным пируэтом ухожу в законную тьму. Выпрямляюсь и оборачиваюсь. Роберта осторожно выглядывает и явно не знает, с какой ноги начать. Начинаю командовать.

– Шш... Ставь не ногу, а колено на подоконник. Давай руки... Шляпку сними пока, положи тут.

И ответный шепот...

– Клайд, осторожно! Платье... Ну подожди...

– Берта, черт!

– Что?

– Вернись и лампу погаси!

– Ой... Иду.

И через мгновение в комнате гаснет свет. На секунду пожалел об этом – чтобы поставить колено на подоконник, пришлось изрядно задрать платье, до середины изящного бедра... А теперь – темно. Не о том думаю... Но слишком бьёт в голову ее присутствие, слишком...

– Я тут!

– Давай. Колено. Руки мне на плечи. Ап!

– Ай! Клайд, Клайд!

– Чего?

– Я тебя не раздавила?

– Оо, как мне хреново-то... – это я замогильным шепотом.

И мы оба смеемся. Вместе. Надо ли говорить, что уронил я нас специально. Не удержался...

– Шш, Берта, тихо! Лежи!

Она удивленно поднимает голову и смотрит на меня. В лицо. Близко. Очень. Слишком близко. Ее дыхание на ночной прохладе почти обжигает. Глаза таинственно мерцают, завораживая, затягивая...

– Почему?

– Мы нашумели. Ждем пару минут.

– Аа...

Слышится что-то в ее голосе... Ждала других слов? Дру-

гих действий? Ага, на голой земле и не снимая тройки. Мадам знает толк... Ерничая... Пытаюсь так защититься от волшебства ее взгляда, ощущения тепла от ее тела... Получается не очень.

Роберта слегка поворочалась и послушно затихла. Лежим. Ждем. И мне расхотелось вставать. Вот же умник... В двух метрах шикарная кровать, а ему с сырой земли вставать не хочется...

– Клайд... Тебе разве не больно? Сильно же ушибся, наверное. Ну все, вставай. Простудишься...

И как-то ехидно вдруг добавляет...

– По-настоящему простудишься.

Вот оно что... Я теперь почти точно знаю, «в когда» попал. Клайди наш уже успел ей соврать про простуду. Делаю вид, что не расслышал.

– Берта, встаем.

И подал ей руку, она осторожно вложила в нее свою маленькую ладонь. Такая лёгкая... Вижу, что для неё всё это необычно, она замешкалась, поднимаясь. Поддержал под локоть, на мгновение мы прижались плечами и оба замерли. Почему? Я – понятно. А она? Ей ведь должны быть привычны прикосновения этих рук... Нет. Она уже видит и чувствует разницу, непонятную и странную. А я – не хочу, не хочу мешать этому. Вот надевает перчатки и поправляет шляпку. Молча переглянулись в слабом свете фонаря, ее лицо смутно белеет в полумраке. Серьезное такое... Я прислушался,

быстро оглядел улицу, никого. Кивнул – идём. Выходим на Элм-стрит, темную и безлюдную. Тихо. Никого и ничего. На часах десять минут второго.

– Куда пойдём, Клайд? Только недалеко, хорошо?

Мелькнувшее в ее голосе смутное беспокойство сказалось мне многое – она никогда ещё не выходила из дома в такой глухой ночной час, ни сама, ни с ним. Он никогда не звал ее вот так, просто пройтись ночью по затихшему Ликургу. Другое его интересовало в это время... Да, милый, в ее глазах ты все страннее и страннее. Роберта слушается, она все ещё любит и верит. Надеется... Потому и пошла сейчас... Ещё не со мной. С ним.

– Да, конечно, недалеко. Нам еще на работу утром. Ты когда встаешь обычно? – делаю вид, что задумался, – давай к реке пойдём? Погуляем по набережной.

Рискую. А если тут нет набережной? Но Роберта согласно кивнула, я галантным жестом предложил ей идти, дорогу же не знаю. Ох, сколько же проблем... А как хотелось бы взалхлеб ее расспрашивать – а это что, Берт? А покажи мне... Расскажи... И бродить, бродить по этим безмолвным темным улицам, без страха, без сомнений. Говорить, говорить... Она бы рассказывала, и я тоже... Вместо этого – делать вид,

что я все тут знаю... Что я — это он. Постарался, чтобы Роберта не увидела, как непроизвольно передёрнул плечами.

Она повернула направо и мы неторопливо пошли вдоль неширокой улицы, навстречу поплыли невзрачные дома, похожие друг на друга, как братья. После того, как Роберта погасила лампу, здесь не светится ни одно окно. Только редкие фонари освещают мощеную крупными булыжниками мостовую и местами неровный асфальт тротуара. Молчим. Осторожно посматриваю на нее, по сторонам. Лицо выглядит спокойным, но чувствую, что когда не вижу, она так же смотрит на меня. О чем думаешь, малыш? Что хочешь сказать, спросить? Ведь хочешь... Пришел, признался во лжи, сказал, что все теперь будет иначе, потащил гулять... И теперь — молчу. И что дальше? Что? Она хочет спросить... И не решается. И я понимаю, почему. Боится, не хочет снова услышать ложь. Мало ли что пришло Клайди в голову... Погуляет, поцелует... И уйдет. А завтра — все снова вернется на круги своя, отговорки, пустые обещания, равнодушный взгляд. Постылая работа... И неотвратимо надвигающаяся катастрофа. Потому она молчит. Как же она ждёт хоть проблеска надежды...

В воздухе повеяло влагой, глубоко вдохнул, втянул носом воздух. Река близко, вот послышался тихий плеск медленно текущего величавого потока. Могаук. Но пора прервать неловко затянувшееся молчание. Роберта так и не ответила на мой вопрос.

– Так когда ты утром обычно встаёшь?

Вижу, как она чуть пожала плечами, явно услышав совсем не то, на что рассчитывала. По-моему, по ее лицу пробежала еле заметная досадливая гримаска. Прости, Берт... Нужно.

– Стараюсь в шесть тридцать, собраться, чай выпить. Еще идти минут двадцать. Клайд...

– Что?

– Ты никогда не спрашивал меня об этом.

– О чем? О подробностях твоей домашней жизни?

– Ну да... Странно как-то... Непривычно... Я не знаю даже, мне это приятно или нет...

Значит, встает в шесть тридцать. Дадим полчаса на утренние делишки. Семь утра. Чай. Семь пятнадцать. Одеться. Семь тридцать. Семь пятьдесят у ворот. В восемь на рабочем месте. Я, как начальник, приду, значит, чуть позже. Восемь десять. Не будем слишком важничать. Отлично.

– Мне просто это стало интересно, Берта. Разве так не бывает? Что-то заинтересовало – и спросил. Вот, спросил.

– Я понимаю. Но все равно странно. Ты какой-то не такой сегодня. Не как был...

Мягкий шум реки совсем близко, между деревьями уже виден неспешный поток, тут и там исчерченный серебристы-

ми дорожками уличных фонарей по обе стороны.

– Пройдемся по набережной?

– Клайд... А если нас кто-то увидит?

– Не бойся, в этой полутьме трудно различать лица, все похоже одно на другое. Пошли.

Беру ее за руку. Не знаю, принято ли тут так ходить. И ладно. Ее маленькая ладошка чуть вздрагивает от прикосновения. И после секундного колебания доверчиво устраивается в моей ладони. Становится жаль, что она надела перчатки. Я иду по набережной Могаука, рядом со мной Роберта Олден... Мне кажется важным повторять это раз за разом, словно привязывая себя крепче и крепче к ней, к этому миру.

– Это и есть тот путь, которым ты на работу ходишь?

– Да, тут уже близко, вон видно уже фабрику, посмотри...

– Берта показывает пальцем вдоль набережной и на тот берег.

Да. Мысленно утираю честный трудовой пот. Вот оно. Длинный фабричный корпус на той стороне реки. Неплохо освещен несколькими фонарями. Останавливаемся.

– Устала, солнце?

– Немного...

Роберта застывает на мгновение и словно прислушивается к чему-то. Ее лицо становится отстраненным, ушла в себя на пару мгновений. Ясно. На какой мы неделе? Ну, это вы-

ясню точно чуть погода. Не сейчас, не надо давить на нее, не буду спрашивать. Я опасался, что Роберта заговорит о беременности, о необходимости срочно что-то делать, словом, заведется очередной тяжёлый разговор. Я ещё не готов к нему. Мы оба не готовы. И каким-то наитием она поняла – сейчас не нужно об этом. Успеется. А я уже увидел все, что собирался.

– Пойдем домой?

– Клайд...

И она прижалась ко мне, обняв. Так доверчиво обняв... Нельзя не ответить на такое. Пусть я все это затеял, чтобы узнать дорогу к фабрике... Пусть. Какое сейчас это имеет значение? Она наверняка надела то, в чем пришла когда-то на первое свидание. Надеюсь, что я увижу. Замечу. Вспомню. Она простила ложь. Она... Она все равно верит, ждет и надеется. А я... А я не знаю, как с этим быть, что делать с этой верой, с этим чувством. Не знаю. Нельзя ответить на него, не сказав правду. О том, что я – не он.

Глава 5

Роберта всё крепче прижимается ко мне, её руки обнимают с неожиданной силой. С силой отчаяния. С последней силой утопающего, тянущегося к спасательному кругу. Утопающего... Да что же... А она шепчет... Шепчет на грани слышимости, не мне. Самой себе.

– Клайд, милый... Ты прости меня, пожалуйста. Знаю, не любишь. Может, и не любил никогда... Прости... Прости... Если бы... Если...

Прощения просит... За свою надежду... За отчаяние... За любовь...

Мои руки бережно обняли ее в ответ. Молчу. Что ей сказать? Не говори ничего. Не отвечай. Не разубеждай сейчас ни в чем. Молчи, молчи. И просто слушай. Ей надо, надо говорить с тобой. Она тут совсем одна. Никого нет, кому она может доверить свое самое сокровенное. Как же вышло, что единственный человек, которому она может довериться – это тот, который безжалостно разбил все ее мечты, всю ее жизнь? Но разве я это сделал? Я – не он. Но это я сейчас стою здесь, глубокой ночью на безлюдной набережной Мо-

гаука, перенесенный сюда, в тело подлеца и убийцы. Это я здесь и сейчас обнимаю измученную отчаявшуюся девушку, так безрассудно отдавшую себя ему. Как, как не ответить на это объятие? Как не ответить на эти тихие безнадежные слова? Дальше молчать?

– Берта...

Ладонь осторожно гладит выбившиеся пушистые локоны, шляпка мешает. Снять ее... Нет. Ну нет же... Не могу. Нельзя. Она запрокидывает лицо и смотрит на меня, тону в ее бездонных глазах. Утонуть... Да что за наваждение с этим «утонуть»... Это слово преследует меня... Нас...

– Берта...

– Что, милый?

Ну же... Хватит молчать, пора делать шаг. Делать выбор. Назад пути не будет, я понимаю это? Да.

– Ты... Знаешь... Ты не бойся ничего. Слышишь?

– Слышу, Клайд... Я не боюсь.

– Правда?

– Неправда. Я боюсь.

– Чего ты боишься сейчас?

– Что ты скажешь, что пора идти обратно.

– Ты не хочешь возвращаться?

– Нет.

Она вздохнула и положила голову мне на грудь. Шляпка оказалась у меня в руке, порыв ветра разметал длинные волосы. Невольно прижал Роберту к себе, маленькую и беззащитную, снова стало страшно, что сейчас исчезнет, развеется без следа... Она затихла, замерла в моих объятиях, а я... Не хочу ее отпускать, пусть этот миг длится и длится. Слышу тихое посвистывание ветра в ветвях деревьев, шепот...

– Мне сейчас очень хорошо и спокойно, Клайд. Правда. И я не хочу, чтобы это закончилось. Вот и все.

Вот так мы и стояли на безлюдной набережной. И казалось, сама природа затихла вместе с Робертой, прильнувшей ко мне в прохладной ночной темноте. Я легонько повернулся, чтобы свет дальнего фонаря хоть немного осветил ее лицо. Глаза были закрыты и две блестящие дорожки сбегали по щекам... Она улыбалась...

– Солнышко...

Улыбка стала еще улыбчивей.

– Назови меня так еще раз...

– Солнышко...

– А?

– Пошли домой.

– Ну вот...

Глаза открылись, Берта вздохнула. И уже сама вложила ладонь мне в руку.

– Идем домой... Только медленно.

– Бежать не будем, но тебе пора спать, до рассвета всего ничего осталось.

На часах почти три, стало совсем прохладно. Повернул Роберту к себе и плотнее повязал ей шарф, аккуратно заправил его под пальто. Улыбнувшись, надел обратно шляпку, шутливо щёлкнув пальцем по полям. Она с вновь появившимся на лице удивлением позволила мне все это проделать, в который раз пристально на меня посмотрев. Я же деловито сказал, подмигнув.

– Холодно, еще простудишься, кашлять будешь... По-настоящему.

Она поняла, что я ей вернул шпильку и тихо рассмеялась. Боже, как можно над этим сейчас смеяться? Как можно простить то, что она простила? Как же нужно любить для этого... В такой любви есть что-то обреченное...

Пользуясь тьмой и полным безлюдьем, обнял ее за талию, так теплее. Она, мгновение поколебавшись, так же обняла меня. Приноровилась не сразу, значит, никогда так не ходила раньше. Неторопливо отправились в обратный путь. Молча. Все, что можно и нужно было сказать в этот вечер, мы оба сказали. Теперь достаточно просто идти. Вместе сберегая ту нить, что между нами протянулась. Волшебная невидимая нить, которая... Откуда эти слова? Осторожно поглядываю на лицо Берты, о чем она думает? Спросить? Нет. Не надо.

Не дави на нее. Дай отойти, впереди еще немало всего. Пусть просто порадуется. А она рада, вон как личико сияет, глаза блестят, улыбается... Маленькая... Все будет хорошо. Таков мой план. Легко не будет никому, тебе – в первую очередь. Но я постараюсь. Обещаю.

Внезапно осознал, что за все время прогулки почти не смотрел по сторонам, как будто для меня в порядке вещей заснуть дома, а очнуться почти сто лет назад и за тридевять земель. Незаметно усмехнулся – я иду по ночной улице, обнимая Роберту Олден, чувствую тепло ее тела, доверчиво прижавшегося ко мне. Слышу тихое дыхание, лёгкий стук каблучков, чувствую горьковатый запах ее духов. Смотреть по сторонам? Рухни сейчас небо, я и на это не обращаю внимания... Все мысли и сомнения, все опасения и страхи – долой. Не сейчас. Мы медленно идём по безмолвному ночному Ликургу, согревая и храня друг друга, что сейчас может быть важнее? Мягкий серебристый свет фонарей, наши тени на тротуаре, негромкие шаги. Слепые черные прямоугольники окон смотрят на нас, может, за ними есть любопытные глаза? Смотрите, я не против. С каждым шагом приходит уверенность в том, что я решил, в том, что я собираюсь делать. Уверенность в Роберте, в себе. Мы – вместе. Так суждено. Так будет. Почувствовал, как она замедлила шаг, оглянулась по сторонам. Что-то не так, заметила кого-то? Глубокая ночь вокруг, мало ли... Мы остановились.

– Берт, все в порядке?

Напрягся, высвободил руку, быстро окинул взглядом улицу, дома, окна, прислушался. Нет, все тихо. Она заметила мою настороженность и улыбнулась, негромко рассмеялась.

– Клайд, что с тобой? Такое лицо у тебя стало, словно...

– Словно что?

Она перестала улыбаться и тихо сказала.

– Словно ты приготовился меня защищать.

Я пожал плечами, расслабившись.

– Да, приготовился, подумал... Ну, неважно. А почему мы тут остановились?

Роберта помолчала несколько мгновений, вдруг зябко обняв себя. Показала рукой куда-то вправо, в сторону виднеющейся вдалеке небольшой площади. Пригляделся... Мы посмотрели друг другу в глаза. Я тихо спросил.

– Хочешь туда пойти?

Она, поколебавшись, кивнула.

– Ты не будешь сердиться, милый? Уже действительно очень поздно, и тебе тоже ведь надо отдохнуть хоть немного.

Вместо ответа снова взял ее за руку и через несколько минут мы подошли к невысокой кованой ограде, вижу ворота. Шепнул ей.

– Внутрь?

– Клайд, страшно... Так нельзя... Давай тут немного постоим, и все, я просто хотела...

– Я понял, что ты хочешь, Берт, и это лучше делать внут-

ри. Идём!

– Закрыто же...

– Откроем.

Негромкий скрежет, я осторожно приоткрыл створку, тихонько свистнул Роберте, она быстро подбежала и мы юркнули внутрь. Слышу ее запыхавшееся дыхание, глаза задорно блестят, вот и маленькое приключение. Зашептала на ухо, оглядевшись.

– Клайд, а если нас найдут здесь? Как нехорошо... И тебя могут узнать... Даже не знала, что ты свистеть умеешь...

Я беззаботно махнул рукой, осторожно ведя ее к широким выщербленным по краям ступеням, вверху которых виднелась массивная дверь. Посмотрел назад, нас теперь надёжно скрывает забор, закрытые ворота и довольно густой сад.

– Ну вот, Берта... Дошли, куда смогли. Дверь ломать все же не стоит, да и не уверен, что сумею справиться с замком. Хотя... Найдется в сумочке пилочка для ногтей, шпилька какая-нибудь? Если хочешь, могу попробовать...

Роберта слушала эту тираду, округлив глаза в не совсем наигранном ужасе, слегка шлепнула меня пальцем по губам. Я с трудом удержался, чтобы его не поцеловать...

– Перестань немедленно! Ничего ломать не надо, ты что... Мы и так... Взломщик нашелся...

Серьезного тона она не выдержала, мы оба тихонько рас- смеялись. Роберта дернула меня за рукав, остановив.

– Милый, спасибо, что согласился. Я...

Она глубоко вздохнула, встав перед закрытой дверью, по- смотрела вверх, на уходящую во тьму старую замшелую сте- ну, на теряющийся в ночной высоте шпиль. Я тихо стою ря- дом с ней, слушая ее негромкий голос.

– Я часто проходила мимо... Знаешь, когда жила у Нью- тонов, мы с Грейс поначалу ходили вместе в церковное со- брание, но... Мы для них были чужими. Нет, нас принимали, позволяли приходить... Но и только. И я перестала... А так хотелось прийти, поговорить с кем-нибудь, чтобы выслуша- ли... Посоветовали... Хотелось просто преклонить колени и помолиться, в надежде, что меня услышат...

Ее голос... Говори, все говори, родная... Любимая... Впервые осмелился произнести это слово, мысленно... Лю- бимая...

– Когда переехала сюда, гуляла и набрела на эту церковь. Помнишь, мы с тобой как-то вечером проходили мимо?

Я вздрогнул. Ничего не ответил и смог только молча кив- нуть. Надеюсь, она не заметила, как стиснул зубы... Не мо- гу...

– Двери были открыты, шла служба, доносился голос пас- тора. Свет изнутри освещал это крыльцо, эти ступени. Пом- нишь? Мне так захотелось...

Берт... Остановись, прошу...

– Я тогда просто помечтала о том, как было бы хорошо вместе прийти сюда когда-нибудь...

Тихо вдохнул и выдохнул, спросил.

– И что я на это ответил?

Берта покосилась на меня, вздохнула, пожав плечами. Промолчала. Ясно...

– Клайд, ты веришь в Бога? В то, что он есть, что он может услышать молитву, мольбу? И ответить на нее...

Верю ли я в Бога? Этот вопрос, заданный мне ещё несколько часов назад, вызвал бы только кривую усмешку. Теперь же... Когда я здесь, когда она смотрит мне прямо в глаза, когда...

– Я... Я не знаю, Берта, не хочу тебе лгать о своей вере. Но...

Она подошла ближе, взяла меня за руку, широко раскрытые глаза совсем близко, снова чувствую тепло ее дыхания. Слышу ее шепот, так странно звучащий вместе с ветром.

– Но что?

И мой ответный шепот, я почти решился ей признаться, мы оба достигли какой-то грани, за которой – понимание, истина.

– Но теперь я верю, что он может услышать. И ответить. Верю, Роберта.

Все. Она поймет. Неизбежно поймет. Пусть. Иначе – нельзя. Нельзя! Она осторожно высвободила руку и повернулась к стене, прижала к ней ладонь, склонила голову. Что-то зашептала... Молится? О чем? Присоединиться? А я искренне это сделаю? Ведь почувствует фальшь, Роберта, в отличие от меня – верит неложно. И просто встал рядом с ней. Она слегка вздрогнула, когда обнял ее за плечи и прижал к себе, но не отстранилась, не прервала свою таинственную молитву. Молитву у стены пустой темной церкви, в нарушение всех правил и канонов. И все равно – чистую и искреннюю, молитву, которую услышат. Которую слышали несколько часов назад. Любимая... Теперь знаю, почему я здесь...

Сколько прошло времени? Никто не считал.

Рука в руке. Шаги по заросшей тропинке. Закрытые ворота за спиной. До самого дома мы не произнесли ни слова, каждый снова и снова переживал произошедшее.

Вот и улица Вязов, медленно подходим к ее дому. Оглядываюсь вокруг, никого. Остановились и переглянулись, я вдруг внутренне напрягся – куда она выберет идти, в дверь? Или... В окно? Ты со мной или...? Понимаю, что, наверное,

глупая мысль, но... Берта, что ты выберешь? Ты с прошлым или с тем, что началось сегодня? Она посмотрела на дверь... На меня... Улыбнулась и повернула в палисадник. Неслышно выдохнул, прикрыв глаза, на душе стало светло и радостно. Безумие? И ладно...

– Давай, маленькая, полезай домой, – бесшумно открывая створки окна. Роберта вдруг тихонько хихикнула, искоса на меня посмотрев.

– Маленькая? Клайд... Ты никогда меня так не называл, как и "солнышком". Что на тебя нашло сегодня? Ты словно стал совсем другим...

– Волшебный вечер, Берта, правда. – я пожал плечами с самым невинным видом, – давай, помогу.

Она нерешительно примеривается к подоконнику, беру ее подмышки и сажаю на него. Такая легкая... Плохо ест, надо исправить. Отметил, что поднял Берту с некоторым трудом, мышцы слабые, надо это категорически исправить.

– Все, укладывайся.

– Уходишь...

– Да, солнце, надо идти.

– Знаю.

– Увидимся утром на фабрике, постарайся выспаться, ладно? Не сиди...

– Теперь я крепко усну, милый.

Она внезапно наклонилась через подоконник... Я не

успел ничего сказать, сделать. Мягкие теплые губы на миг коснулись моих. Окно молча закрылось.

Глава 6

Что же ты творишь, девочка? Она борется, разве непонятно? Мое сегодняшнее внезапное появление опять пробудило ее надежды. Тот Клайд уже давно с ней не говорил ни о чем, не пил с ней чай, не гулял. Он никогда не лазил с ней из окна, не бросал камешки в стекло, не бродил по ночному Ликургу. Когда последний раз он обнимал ее, плачущую от робкого счастья, над величественно текущим Могауком? И эта встретившаяся нам старая церковь... Он не захотел подойти. Могу представить, как он испугался тех слов Роберты... Сколько их, этих "давно", "никогда"... Сегодня я вернул ей толику радости. Не пришлось бы потом пожалеть. Ибо нельзя. Нельзя обманывать ее надежды. А я размяк. Расслабился. Не удержал дистанцию. Но я – не он... И что теперь? Что будет завтра? Она будет смотреть на меня и ждать. Улыбки. Знака. Намека. На то, что сегодняшнее – не сон. Не морок. Не очередной обман с непонятной целью. Что сегодняшний вечер будет иметь продолжение, ведь я обещал, я уже все решил. Вот так, от уверенности – к смятению и растерянности. Так и буду метаться, пока не начну по-настоящему действовать. Заглушая действиями страх. Страх того, что Роберта уйдет, узнав правду. Она любит Клайда, не меня. Как она поступит, как? Не знаю. Но притворяться им – не буду. Не

буду! Это тело... Проклятое тело, лицо... Ловушка. Если бы я тут оказался самым собой... О, я бы знал, что делать! Но что толку от этих мыслей, пора действовать. Заглушая простую, очень простую мысль – полюбит ли она меня, именно меня? Захочет ли быть со мной? Не вынужденно, не из благодарности... О, Господи... Дай сил, дай мудрости, дай надежду. Все сказал?

А ведь я все еще стою у захлопнувшегося темного окна и словно жду чего-то. Свет не зажигает. И понимаю, что Роберта тоже сейчас стоит и ждет. Она ждет, что я тихонько постучу. Что захочу войти и остаться. Она хочет этого... Нет. Не могу. Нельзя. Если я сейчас это сделаю, то буду ничем не лучше Клайда. Уворованная под его личиной ласка... Шепот в жаркой темноте, имя. Его имя... И так – годы. Меня передрнуло... Надо уходить.

Вскидываю руку прощальным жестом и поворачиваюсь лицом к улице. Делаю несколько шагов. И траву палисадника за спиной озаряет свет, упавший из внезапно осветившегося окна. Резко оборачиваюсь. Роберта стоит и ее рука поднята таким же жестом прощания и надежды на скорую встречу. Со мной? С ним? Вспомнил ее пристальные взгляды, церковь, заданный вопрос и мой ответ. Она задумается... Не может не задуматься. Но пора... Никто из нас не произнес ни слова, я молча вышел на тихую безлюдную улицу. На ча-

сах почти четыре утра. Надеюсь, Берта не будет ещё сидеть, а сразу ляжет, ей спать пара часов осталась.

Быстрым шагом возвращаюсь на Джефферсон, автоматически отщелкивая в памяти повороты, перекрестки, названия улиц, пора знакомиться с Ликургом поближе. Дверь, поворот ключа, быстро взбегаю наверх, уже не заботясь о том, что ступени изрядно скрипят. Мне спать не придется вообще. Работать. Так... Окидываю комнату оценивающим взглядом. От многого хочется избавиться немедленно. Надо съезжать отсюда, не могу тут находиться. Перееду поближе к Роберте. Возможно, на параллельной Элм-стрит улице найдется сносное жилье. Это надо обдумать и выяснить сегодня же. Начинаю жизнь здесь? Да. Все – всерьез и навсегда. Это решено, я – выбрал.

Медленно подхожу к столу. Натюрморт с газетой, письмами и визитницей так и красуется, как я его оставил. Господи... Всего несколько часов назад я тут появился. Ощущения как от прожитой жизни, не менее. Но хватит. Работать. Все сдвигается в сторону, письма Берты убираю в стол. Они – не мне, читать их не хочу и не буду. Нахожу толстую тетрадь, раскрываю ее... И не глядя, не читая, просто выдираю испи-санные страницы. Мелькнула мысль, прочесть? Возможно, там отыщется что-нибудь полезное. Нет. Это – не мое. И от него мне ничего не нужно. В мусор. Ручка, карандаш. Улы-

баюсь. Достая подарок Роберты. Вот и пригодился, наконец. На столе парит чашка чая.

Перо ручки весело подмигнуло, крупными буквами вывел "ФАБРИКА". Работаем. Завтра трудный, очень трудный день. Предстоит, по сути, ударное внедрение. Напролом, вслепую. Я никого и ничего там не знаю. Не знаю работы. Не знаю своих обязанностей. Не знаю. Не знаю. Не знаю. Имена моих сотрудниц – неизвестны. Руза Никофориц, вдруг всплыло из глубин памяти. Вроде, она на меня запала тогда. Вообще мило. А еще Гилберт, двоюродный брат и редкая зараза, Клайда презирает. Смили. Лигет. Это мой начальник. Они, насколько помню, относятся к нему неплохо. Какой-то Уигэм. Кто такой? Не помню. Но пора выработать систему, мысли опять скачут, выхватывая из глубин памяти то одно, то другое, без толку и пользы. Нужна система.

Первый лист – "ФАБРИКА". Руководство. Имена. Должности. Отношение ко мне. Да, ко мне. Для них я – Клайд. Им и останусь, навсегда. Производство. Ничего не понимаю в текстиле. Плохо. Второй лист – "ШТАМПОВОЧНАЯ". Имена, кого помню. Там больше двадцати девушек, какая-то мисс Тодд. Секретарша? Знак вопроса. Важная проблема – имена остальных работниц, их надо как можно быстрее выяснить и привязать к лицам. Иными словами, снова со всеми знакомиться, при этом так, чтобы никто не понял, что

мистер Гриффитс внезапно потерял память. Лист номер три – "ОБЯЗАННОСТИ". Здесь тоже туманно, надзор, контроль, учет. Это значит – меня там ждут журналы, бухгалтерские книги. Незнакомое делопроизводство. И разбираться с этим придется с ходу, не обнаруживая полного незнания предмета. Ладно, Клайди-маленький же разобрался... Прорвемся. Настоящая же проблема в отделении у меня другая... Роберта. Завтра она увидит немало странностей в моем поведении. В ее состоянии любая непонятность, касающаяся меня – причина для волнения и страха. Владеет собой она из рук вон плохо, в любой момент может сорваться. И я не поручусь, что остальные девушки уже что-то не поняли. Донос Гилберту – и мы с Бертой за воротами. Не катастрофа, конечно, но не хотелось бы начинать тут со скандала. Значит, Берта должна быть спокойна. Как этого достичь? Улыбнулся. Вот так... На небольшой четвертушке бумаги аккуратно вывожу печатными буквами.

"Берта, все в порядке. Спокойно работай и НИЧЕМУ сегодня не удивляйся, пожалуйста. Хорошо? Я не шутил вчера, сказав, что теперь все у нас будет по-новому. Не подведи. Клайд."

Поймал себя на том, что чуть было не вывел свое имя. Клайд. Я все ещё для нее – Клайд. Сжал губы, отбросив пока эту мысль. Критически осмотрел записку, положил ее в

стороне, заберу с собой утром. Почему печатные буквы? С почерком Клайда я незнаком, завтра найду пару его автографов в цеху. Почему не возьму одну из выброшенных сейчас в мусор тетрадных страниц? Не хочу. Вот не хочу, и все. Эта комната на меня ощутимо давит, я уже жду, чтобы настало утро. И ещё... Покосился на шкаф, на то, что сейчас на мне надето... Это давит тоже. Не мое. Снова кольнула ревность... Но я отвлекся. Что у нас дальше?

Лист номер четыре. "ЛИКУРГ". Общество. Семьи. Кого я помню? Кто они? В аккуратный столбик выписываю имена, фамилии. Все, что помню. Характеристики. Связи. Все очень смутно, помню только, что подругу Гилберта зовут Констанция Вайнант. Сондра Финчли... По спине прошел холодок. Сондра... Взгляд упал на ящик стола, в нем пачка и ее писем. Вдохнул, протер усталые глаза, откинулся на спинку стула. С ней надо разобраться. Сразу. Губы изогнула очень нехорошая усмешка, это ведь с твоей игры "позлить Ги́ла" все началось, девочка. Ты не знала? Конечно. Ты ни в чем не виновата перед Робертой? Несомненно. А Роберта в чем-то виновата? Молчание. Усмехнулся уголком рта, я знаю, как поступлю.

Лист номер пять. "СЕМЬЯ". Дядя. Сэмюэл Грифитс. Его жена... Хм... Как ее имя? Не знаю. Двоюродные сестры. Белла. Майра. Ко мне как относятся? Не презируют, по крайней

мере. А дядя? Благосклонен, но держит на расстоянии.

Лист "РАЗНОЕ". Неклассифицированные имена, названия. Шорт. Диллард с подружками. Их вписал просто для разгона памяти и полноты картины, реально мне с ними не пересекаться. Хмыкнул, выведя под Ритой и Зеллой Гортензию Бриггс. Вот кого не хватало для полного абсурда... А если возникнет на горизонте? Что за вздор лезет в голову? Всю эту неклассифицированную братию надо держать на расстоянии, если что. Хотя... Шорт... А это интересно... Врач из Гловерсвиля, доктор Глен. На это имя смотрю долго, обвожу его жирной рамкой. Грейс Марр, бывшая подруга Роберты. Пожал плечами, не вижу пока к ней ниточек. Семья Роберты в Бильце. На их имена также смотрю долго...

"ПЛАНЫ".

Три короткие строчки. Будет нелегко. Подумав, дописал четвертую. Ее подчеркнул дважды. Планы... А есть у меня мысли, что делать, если Роберта уйдет, прогонит? Куда мне тогда? Остаться в Ликурге? Уехать подальше? В Россию? Сердце сжалось... Нет. Нет у меня мыслей на этот случай. Потому что я не уйду, не уступлю, не отдам ее. Я здесь – ради Роберты. Спасти ее, дать жизнь и счастье. И быть счастливым рядом с ней, вместе с ней. И что? Та сила, что перенесла меня сюда, похоже, этим и ограничилась, справедливо рассудив – дальше сам, милый. Цель поставлена, а добираться

до нее предстоит своим умом, с пока непонятным исходом. Стало холодно, парой глотков допил остывший чай, тут же снова налил горячий.

Вроде бы, пока достаточно. Разные подробности, мелочи, дополнения – неизбежно появятся по ходу событий, и с ними придется разбираться по мере поступления. Потер ладонями лицо,

На часах – почти шесть. В окно льется серый сумеречный свет. Мое первое тут утро. За стеной раздались звуки просыпающегося дома, стук двери, кто-то прошел, скрипнув половицами. Черт, совсем забыл о миссис Пейтон. Ну и ладно, с ней все равно скоро прощаться. Сейчас мне надо умыться, одеться, что-то перехватить и в семь быть готовым возле дома Роберты.

Негромкий скрип плохо смазанных петель, захожу в маленькую комнатку со скошенным потолком. Поморщился, увидев на полочке под мутноватым зеркалом небольшой обмылок. Этим умываться? О, черт... Ведь и зубы надо почистить... И вообще... Окинул все критическим взглядом, мне очень не хочется брать в руки этот кусочек мыла, эту потасканную зубную щётку... А паста где? Паста? Держи карман шире, вот тебе банка с подозрительного вида белым крупным порошком. Осторожно понюхал, мятой пахнет, и, вроде, эвкалиптом. Видимо, зубной порошок, и написано – "Colgate". Однако... Они уже есть? А это что, туалетная бу-

мага? Взял вскрытую и уже ополовиненную пачку прямоугольных листков, провел по ним кончиками пальцев. Да, она... Но хватит размышлять, времени у меня мало. Быстро разделся и просто окатил себя холодной водой из-под крана, не обращая внимания на лужу. Поежился, не простудиться бы... По-настоящему... Невольно улыбнулся, представив, что Роберта сейчас занята тем же в такой же комнатке у себя дома. Хотя чтобы вот так радикально умыться... Не думаю... И не думай, бери вот полотенце, быстро... Ещё быстрее. Зубную щетку, повертев ее в пальцах, положил обратно. Не хочу... Куплю свою. А пока – пальцы на что? Вкус порошка резкий и какой-то химический, придется привыкать. Может, все-таки, паста уже существует? Одеваться.

Выбираю комплект на сегодня, пусть будет темно-коричневый. На удивление быстро освоился с необычным для меня фасоном, это, видимо, в самом деле мышечная память тела. Не будем ей мешать. Где тут у меня вакса? Где и положено – на тумбочке возле двери. Вот и щетка, займёмся привычным делом – наводить блеск на ботинки. Критически оцениваю степень отражения, не на смотр, сойдет. Я готов. Не позавтракал, правда. На циферблате – шесть двадцать. Быстрее. Пять минут на чай и на выход. Позицию я выбрал еще вчера. Минуту постоял, согревая озябшие ладони горячим фаянсом чайной кружки, собираясь с силами и мыслями. Медленно обвел взглядом комнату, при естественном свете она приобрела другой вид, все словно ещё резче проступило.

Очертания мебели, неровности обоев, вот темное пятно в углу на потолке... Стало ещё более неудобно, вспомнилась комната Роберты, домашний теплый запах, нежный овал лица, пушистые волосы в неярком свете лампы. Ее негромкий голос... Обрываю себя. Шесть двадцать пять. Вперёд, милый.

Как надеть шляпу, чтобы и лицо хоть немного прикрыть, и при этом не выглядеть бандитом? Ответ – понятия не имею. Но сейчас встречи со знакомыми нежелательны. Да, я многое помню, имена и прочее. Но если подумать – все это сейчас бесполезно, я не знаю лиц, не знаю порядков, нравов и обычаев, не владею теми повседневными мелочами, из которых и состоит облик местного жителя. Сделаю что-то элементарное не так, как принято – и буду выглядеть очень, очень странно. Со всеми вытекающими... Берта, Берта... Как бы мне сейчас не помешала твоя помощь...

Посчастливилось проскочить лестницу до выхода, никого не встретив. Быстро захлопнул дверь и сбежал по ступенькам на тротуар, глубоко вдохнул холодный утренний воздух. Он изрядно прочистил мозги и взбодрил, я уже более суток на ногах, ближайшие двадцать четыре часа тоже не обещают отдыха. И ещё голодный, дома у Клайди-маленького ничего съедобного не нашлось. По-моему, он столовался у миссис Пейтон, знакомиться с которой у меня сейчас нет никакого желания. Придется терпеть до вечера. Или на фабри-

ке кормят? Не помню... Прищурившись, оглядел улицу, при утреннем свете она изрядно потеряла в таинственности. Или осваиваться начинаю? Хорошо бы... Ну, двинулись... План на утро готов, главное, не опоздать к его первому пункту.

Довольно резкий порыв ветра ударил в лицо и ощутимо забрался под пальто. А как элегантно придерживать шляпу? Чуть не сорвало с головы, забавное было бы зрелище. Навстречу идет некто. Ага, вот так надо... Копирую движение и положение руки на шляпе, нормально. Уфф... Движение плавно переходит в приветственное приподнимание головного убора. Вежливые они тут... Копирую и этот жест, запоминаю. Время – шесть тридцать восемь. Ускоряюсь. Не забываю внимательно смотреть на названия улиц и перекрёстки, не хватало свернуть не туда и заблудиться. Ночью все выглядело несколько иначе, так что смотреть в оба. Так, у "колбас Флетчера" – налево, хороший ориентир. Дальше по Либерти – "флористика", быстрым шагом миную витрину с букетами, ее протирает невысокая сухопарая женщина с гладкими седыми волосами. Хозяйка, миссис Сэлливан? Заметила, что бросил взгляд на нее и магазин, вежливо кивнула, улыбнувшись. На ходу приподнял шляпу и слегка поклонился, иду дальше. А ведь она меня не знает, то есть... Клайда. Ни малейшего признака узнавания, к ней он за цветами не заходил. Не думать об этом. Дальше. Аптека... За ней направо и сразу после Марбл-сквер – налево. Почему "марбл"? Непонятно, ничего мраморного не наблюдаю. Проско-

чить перед утренним людским движением, как рассчитывал – не удалось. На улицах появился народ, сначала одиночные встречные. И – их все больше. Внимание. В любой момент кто-то может меня окликнуть. Немного надвинул шляпу на лоб, я не готов общаться, ни с кем. Собраннее. Еще собраннее. Иду в состоянии полного алерта, аналогичного готовности к огню с любого азимута. Несмотря на утренний холодок, мне жарко, ладони вспотели, надо успокоиться. На ходу смотрю по сторонам... Улица плавно наплывает своим пасторальным пейзажем, двух, трехэтажные дома. Преобладают цвета от красного до коричневого, добротная кирпичная кладка, нравится. Постройкам лет по тридцать-сорок. В основном ухожены, я еще не вышел из приличного района. Оконные стекла чистые, рамы покрашены, виднеются занавески. Прохожу мимо магазина, мужская одежда и галантерея, его отпирает хлыщеватого вида субъект, при виде меня он преувеличенно вежливо раскланивается с ослепительной улыбкой.

– С добрым утром, мистер Гриффитс! Как поживаете?

Пульс на мгновение зашкалил, во рту пересохло. Спокойнее, ммать твою! Орин Шорт? Или нет? Ладно, не суть сейчас. Время.

– И вам доброго утра! Как идут дела, полагаю, неплохо?

Дать нейтральный узнавающий кивок, посмотреть на часы. Пальцы мелко дрожат, надеюсь, голос в порядке.

- Да, дела недурно идут, и вы давно к нам не заходили. Есть чем вас удивить...
- Обязательно, не премину обновить у вас пару галстуков.
- Оу, вы в самую точку, как раз пришли новые модели из Нью-Йорка.
- Отлично. А пока...

Вежливо приподнимаю шляпу только что освоенным жестом. И молча продолжаю путь, ускорив шаг. Выбился из графика. Это – Шорт, судя по реакции на слово «галстуки». Запомним его. Скользящий тип. Взгляд слишком масляный. Но может быть весьма полезен. Быстрее. Вдруг она выйдет раньше? Мало ли... Оставшееся расстояние прошел быстрым шагом, уже ни на что не отвлекаясь и посматривая на часы. Вот и Элм-стрит, вот и виднеется дом... Замедляюсь. Идет группа людей. Мне по ходу их движения, минуя окно Роберты под их прикрытием. Уфф... Теперь занять позицию за парой примеченных мной вчера деревьев и взять ее под сопровождение, когда она минует меня и отдалится метров на пятьдесят. Ждать, неспешно прохаживаясь, неподвижная фигура подозрительна. Но не могу удержаться и стараюсь рассмотреть ее дом, ее окно... Приземистый, одноэтажный. Серые стены, кое-где видны трещины. Вот и крыльцо, дверь с небольшим окошком, три ступеньки, маленький фонарь висит. Вчера он не горел, экономят керосин? А вот и окно Роберты... Занавески плотно задернуты, ничего не видно.

Надеюсь, не проспала. А если действительно вчера свалилась после прогулки и дрыхнет без задних ног? Что делать, если не выйдет? А если уже вышла и я зря тут стою, теряя время? Снова посмотрел на часы, подожду ещё пять минут. Вдруг заметил, что занавески чуть колыхнулись, приоткрывшись. Выглянула? Перевел дух, успокоившись – она дома и сейчас выйдет. А пока прогнать в голове детали наспех состряпанного плана. Рискованно. Могут уволить прямо сегодня, если Берта сорвётся. Если кто-то донесет... Тогда – план Б. Не хотелось бы. Ну где ты, маленькая... Хожу туда-сюда с плечом тридцать метров, не спеша. Осторожно поглядываю в сторону входной двери. Есть! Со щелчком повернулся очередной пункт плана. Широкой циркуляцией ухожу за деревья и пропускаю ее вперед. Пока удаляется, рассматриваю. Пальто уже другое, явно даже не позапрошлого сезона, довольно потёртые ботинки. Шляпка простая, низко надвинутая. Серенькая такая шляпка. Идет бодро, судя по походке, настроение неплохое. Одежда старая, но все чистое, аккуратное. Умничка. Держись, все хорошо будет. И сегодня не подкачай. Пора. Начинаю движение. На улице уже неплохой поток людей, идут на работу. Потихоньку все мы продвигаемся к набережной и оттуда – к мосту через Могаук, в промзону. Держу между собой и Робертой человек восемь. Не отставай слишком уж, потеряешь – проблема. А это кто у нас? По дороге через мост Берта вливается в стайку щебечущих девчонок, это явно мой контингент. Слегка ускоряюсь,

пользуясь скоплением народа, вокруг уже порядочно людей. И все они – с фабрики дядюшки. Готовься раскланиваться, Клайд. Улыбайся. Привычными легкими движениями уклоняюсь от столкновений и прорезаю толпу, стараясь не упустить Роберту и девушек. Мост позади. Теперь то, ради чего я затеял эту наружку сегодня – ночью заметил четыре входа на фабрику. И как без Роберты определить правильный? Как свой цех найти? Ходить наугад и изображать амнезию или что я с тяжкого бодуна? А теперь я просто иду за Робертой прямо к цели. Прости... Так надо.

Шагая позади, смотрю, как держится с товарками... Как они с ней... Роберта идёт с ними, но чувствую, что ей не до весёлых беззаботных разговоров. Вот посмотрела налево, направо... Чуть вытянула шею, пытаюсь что-то разглядеть впереди... К тому, что она оглянется, я был готов и легким движением скрылся за намеченным заранее высоким рабочим в синей спецовке. Она пытается высмотреть меня, волнуется. Потерпи, еще совсем немного... Появился соблазн догнать и на ходу передать записку, шепнув что-нибудь утренне-ободряющее. Клайди наверняка так не делал... Продолжить провоцировать? Отогнал эту мысль, опасно. А странностей она сегодня и так насмотрится-наслушается... Вот ей что-то сказала высокая плотная деваха с пышными рыже-золотистыми волосами, выбившимися из-под шляпки. Берта ответила односложно и досадливо, словно ее отвлек-

ли от размышлений. Деваха пожала плечами и заговорила с кем-то ещё. Больше Роберту никто не трогал, а ей словно только того и надо, идёт себе и думает... О чем? Что было сегодня ночью, что будет дальше? Что нашло на Клайда и каким она его сейчас увидит в цеху? О, да, сегодня будет немало странного... Невольно опустил руку в карман и нащупал приготовленную записку. Скинуть ее как можно раньше, пусть работает спокойно, мне самому ещё тут со всем разбираться. И желательно при этом не отвлекаться на выяснения отношений...

Однако солидная фабрика, спору нет. Все прочно и основательно построено, на годы и десятилетия. Потолки высокие, побелка, добротная мебель в тех помещениях, что удастся рассмотреть по ходу. Шум многочисленных голосов добавляет атмосфере деловитой целеустремленной приподнятости. Приглядываюсь на предмет планов этажей на стенах. Ничего. Не доросли еще они, жаль. Жизнь никак не хочет становиться легче. И ладно. Нарастает низкий гул машин, помещения с мебелью потихоньку исчезли. Многие люди из толпы исчезли тоже, разойдясь по своим местам. Огромный цех. Ого... Ряды каких-то агрегатов, режущих, кроющих, штампующих. Понимать бы в этом хоть что-то... Роберта с девушками направляется к широким дверям в дальнем углу цеха, за ними угадывается еще одно обширное помещение. Слегка отстаю, пусть войдут первыми. Прикиды-

ваю пройденное расстояние, сопоставляю с длиной здания и понимаю, что мы пришли – дальше торцовая стена корпуса. Значит, большой цех Лигета и там – моя выгородка. Девчонки уже скрылись в дверях. Безотчетно замедляю шаг. Вижу картину... Вот Роберта зашла в отделение, села на свое место, посмотрела на мою конторку... Меня нет. И ее глаза гаснут, у губ залегает горькая складка. Меня нет. А когда приду, каким я буду? Таким, каким был ночью? Или все это просто очередная ложь? И снова сейчас увидит равнодушное лицо, глаза, смотрящие куда угодно, только не на нее... Губы, готовые произнести очередное "подожди"... "не сейчас"... "был у дяди"... Губы, которые она целовала ночью... Как когда-то... Внезапно снова почувствовал мягкое теплое прикосновение, вкус... Почти четыре часа прошло, он не может столько оставаться, и она едва коснулась. Усмехнулся, медленно приближаясь к широкой двери, значит, может... Вдруг захотелось плюнуть на всех и вся, на все планы и сомнения, забыть про свои листы и списки... Зайти, взять ее за руку и просто забрать. Далеко-далеко. Я все ей расскажу, объясню, она поверит, поймет... Или развернется и уйдет. Двери передо мной. Захожу.

Меня встретило мощное стрекотание штук пятидесяти стационарных швейных машин и сосредоточенное молчание работающих за ними людей. А где мои сидят? Мы не шьем, мы воротнички маркируем. Окидываю территорию внешне

рассеянным взглядом, не прекращая движения. Вот они, нашлись. С левой стороны – еще одно небольшое помещение, через распахнутый вход виднеются два длинных ряда столов и на них кипы воротничков. Мне туда.

И первое, что я вижу – широко открытые глаза Роберты. Вот она сосредоточенно маркирует. И вот она уже почувствовала мое приближение и я как под прожектор попал. С трудом сохраняю бесстрастное лицо, солнышко, спокойнее, так нельзя. А тут надо здороваться со всеми или как? Лучше просто молча пройти в мою каморку, ее уже видно. Тем более, что все работают и особого внимания на меня никто не обращает. Прохожу мимо Роберты и кидаю ей на колени заранее свёрнутую и вложенную между пальцев записку. И быстро к себе, добрался. Не расслабляться. Пока никто не решил меня навестить, разобраться с системой учета и записями. Где что лежит. Что они тут, собственно, делают. Окидываю взглядом фронт работ. Лицо Роберты... Она прочла записку, вижу улыбку. Ловлю ее радостный взгляд и быстро коротко киваю, тоже улыбнувшись. Она глубоко вздохнула и снова опустила глаза, руки проворно замелькали над воротничками. Вот так, не подведи нас.

Глава 7

Она не подведет, не должна. Быстро осматриваю небольшое помещение, стол, стеллажи с конторского вида книгами или скорее журналами. Шкаф в углу, дверца приоткрыта. Делаю круг, выглядываю в окно – шикарный вид с пятого этажа на Могаук. Перевожу взгляд на широкое окно в цех, на моих девочек. Успеваю увидеть, как Роберта быстро отводит от меня взгляд и утыкается в кипу воротничков. Подхожу ближе к окну и приглядываюсь, она вообще работает с момента, как меня увидела? Вроде, что-то бодро перекладывает и штампует. Опять украдкой поднимает на меня глаза, ну что за... Демонстративно отворачиваюсь к стеллажам. Считаю про себя до пяти. Если сейчас увижу, что Берта снова на меня смотрит, придется воспитывать. Медленно поворачиваюсь обратно, видимо, намек понят – занята делом. И мне стоит начать.

На столе лежит такой же толстый журнал. Ясно, на полках – архив. На столе – текущий учет. Ага... Вот на первой странице – столбик имен. Пробегаю глазами, 24 работницы. Пересчитываю присутствующих, совпадает. Имена... Есть знакомые, из составленного мной списка. Лена Шликт. Анжелика Питти. Мария Новак. Флора Брандт. Марта Бордалу. Ру-

за Никоторич. Ода Петканас. Роберта Олден – внизу списка, последняя принятая на данный момент. Подхожу к окну и всматриваюсь, взгляд неторопливо скользит по сосредоточенно работающим девушкам. Кто тут у нас Марта, например? Франко-канадка из Квебека. Или кто у нас тут... Так, вот Лена Шликт, вероятность 0.9 – типичное голландское лицо, широкое, румяное, кровь с молоком, веснушки и золотистые волосы. Но оставим игры в дедукцию, знакомство состоится позже. Со всеми по очереди, таков план. Вернемся к списку, теперь к незнакомым именам, самым разным. Немецкие, чешские, еврейские. Ольга Мещерская. Невольно вздрогнул, вскинул глаза на ряды столов, где она сидит? Русская. Мещерская... Дворяне, белоэмигранты? Так, пока оставим. Имена я запомнил, к лицам привяжу в течение дня. Переворачиваю страницу.

Тот же список, только теперь возле каждого имени – домашний адрес. Быстро пробегаю, какой-никакой, перечень названий улиц Ликурга. После работы купить путеводитель по городу и окрестностям. Роберта Олден. Элм-стрит, 34. Теперь знаю и номер дома. Дальше. Так... Большие разноцветные страницы, таблицы – ручные, карандаш и линейка. Скверно, не люблю черчение с детства. Ага... На каждой странице – имя. Быстро пролистываю, точно, блоки по 24 страницы. Учет сдельной работы. Дата, имя, количество упаковок промаркированных воротничков, примечания. Какая

тут выработка в среднем? Около сорока упаковок в день на нос. В упаковке у нас сколько? Сотня, две? Пока не знаю. А глянем-ка на показатели Роберты, как она работает... Оо... А отшлепать?

До сорока уже давно не доходит, в примечаниях – отмечены запоротые упаковки. За последнюю неделю – на повторный цикл ушли двенадцать. Сравниваю с ее товарками – и близко такого нет. И как ее не выгнали до сих пор? Примечание... Вычтено из жалованья. Вычтено из жалованья. Последняя запись – от позавчера. Ну, здравствуй, смотрю на подпись. Клайд Грифитс. Испортила восемьдесят воротничков, клеймо поставила не на ту сторону, что делает невозможным нормальную упаковку изделия. Доложено мистеру Лигету. Смотрю на эту докладную и что-то мне тут очень не нравится помимо содержания и подписи. Что-то тут... Быстро листаю назад. Даты... Даты... Беру журнал с полки, они датированы, удобно. Назад... Еще назад. Еще журнал... Еще... Вскоре стол покрыт ими, приноровившийся взгляд послушно выхватывает нужное. Добираюсь до её поступления на работу. Хороший темп взяла сходу. Быстро выходит на сорок + n в день. Ни одного взыскания. Дальше... В голове начал строиться график. Вот он уверенно идет вверх. А вот... Сорок восемь. И на завтра – первый сбой. Тридцать две упаковки. Берта очень впечатлительна, что-то случилось накануне. Ставлю десятку против гвоздя – это после того, как

он ее бросил на улице после отказа впустить к себе в комнату. Три дня после – двадцать шесть, тридцать четыре, тридцать семь. На четвертый день – пятьдесят два. Ясно. Пошла идиллия, девочка счастлива. Все еще без взысканий. И, вот оно... График пошел вниз, Роберта грустит и это нарастает, ей не до работы. А график все ниже. Сорок две... Тридцать четыре... Это появилась Сондра и Клайд начал быстро отдаляться. Двадцать три. В этот день она поняла, что беременна. Уверен. И спустя неделю – пошли примечания. И чем далее – тем подробнее. Ах ты гаденыш... И как быстро сориентировался... Книжки просматривают? Как часто? Ты же готовил ее увольнение, мразь. Конечно. Если ее уволят, куда ей деваться, уедет к родителям, к черту, к дьяволу. Главное, подальше от тебя, да, милый? Сука... Позавчера ты стукнул Лигету. Смотрю на аккуратные строчки докладной. Ишь, как расписал ущерб, повторный цикл, невозможно нормативно упаковать... Ладно. Понял тебя, мудака. Решил девочку вот таким способом убрать из города. Лигет уже в курсе? Ее могут уволить в любую минуту, вот сейчас зайдут и попросят. Не конец света, конечно, но она только в себя стала приходить – и вот такое... Еще и докладную покажут, о, черт... По сигналу мистера Гриффитса... Позовут начальника, то есть меня. И смотреть в ее глаза... А в них что будет? Пришел вчера утешить перед увольнением, милый? Это и есть твоё "новое"? А я опять тебе поверила... Стиснул зубы, что я ей потом скажу, как оправдываться?

– Мистер Клайд!

Непроизвольно вздрогнул, поднял глаза от журналов, на столе их порядочная кipa.

– Да, слушаю.

Надеваю нейтральную доброжелательную улыбку.

– Вот, я сразу за две пачки принесла.

И протягивает два металлических колечка. А это что вообще? Но невозмутимо беру их и кладу на стол.

– Вы такой серьезный сегодня, мистер Грифитс, хорошо себя чувствуете? – девушка склоняет голову набок и бесцеремонно меня разглядывает.

– Все отлично, просто не выспался, теперь зеваю, – возвращаю ей опять-таки нейтральный никакой взгляд. Иди, а?

– Ой, развлекались всю ночь, наверное? Ох, как там наверняка было весело, да?

– Работать надо, а не развлекаться!

Решительно ставлю точку в этой пикировке. Девчонка гаснет и выходит, слегка дернув щекой. Руза, что ли? Марта? Кто там на меня запал еще? Кто еще комиссарского тела хочет? И ответ пришел немедленно.

– Клайд...

О, хоссподи...

– Сдавай колечко и на место иди.

– Клайд!

– Я кому сказал? Работай спокойно и внимательно, и перестань на меня все время смотреть. Кину записку, прочти.

И подмигиваю, улыбнувшись. А то она уже явно собиралась «капнуть».

– Иди, солнышко. Я тут.

Получаю в ответ робкую улыбку, бледную такую, но все же. Давай, Берт, вперед. Протягивает колечко. Забираю, слегка сжав ее пальчики и ободряюще кивнув. Улыбка становится немного смелее. И Роберта исчезает. А я перехватываю внимательный взгляд с еще одного стола... Уу, змеюки...

Так. А что это за колечки вообще? Хотя нетрудно догадаться – одно колечко, одна пачка. Сдельщина. Значит, где-то это должно собираться и складироваться по именам, иначе не подсчитать. Таак... И где тут у нас это? А можно и перед глазами держать, кстати. Перед глазами... Что-то начинает вырисовываться... Но это потом. А, вот... В ящике сложены этикие низки с этикетками. Выкладываю их рядком на стол, точно, 24 штуки. Пока пустые. Ясно. Принесла колечко – нанизываем на нужную этикетку. Нахожу Роберту и присоединяю. Мамочки... Тупо смотрю на два колечка, сданных первой девчонкой. Безымянных. А их куда? Черт! А сейчас же понесут чередой, я ещё никого не знаю и такого наворочу... Хватаю лист бумаги и подхожу к окну. Быстро! Быстро! Мгновенно наношу план помещения, столы... Ну-

мерую. Быстро! Минус Роберта. Уфф... Теперь хоть не перепутаю. Засаекаю первую девчонку и на плане на ее столе ставлю две точки. Нет, слишком мелко. Беру два листа, для двух рядов. Квадраты-стоны рисуеу побольше. Вот, теперь схема комфортнее. И похрен, буду спрашивать имя у каждой, план все равно теперь менять, надо выручать Роберту из переплета, увольнение нельзя допустить. Не из-за потери заработка, это как раз меня вообще не волнует. Нельзя, чтобы она увидела журнал и записи, после них – не отмыться.

-Доброе утро, Клайд!

А это кто у нас такая фамильярная? Высокая довольно породная девушка лет двадцати пяти, лицо в боевой раскраске. Ну-ну...

– Доброе утро и вам. Как результаты с утра, как всегда отлично?

Заготовленную неотразимую улыбку эти слова сбивают влет.

– Ну, Клайд, что на вас нашло с утра? У нас уже шепчутся, что вы не с той ноги встали и мечете громы с молниями. А это так вам не подходит...

И девушка кокетливо потупилась, типа, но я-то могу ваших молний не бояться, правда? А ты бойся.

– Видишь, сколько работы свалилось?

Показываю на заваленный журналами стол. А девчонка обалдевает от того, что обратился на «ты».

– А хотите, я вам помогу чем-нибудь?

Ага, и так помогу, и этак, и еще вот так. Аж копытом уже бьет... Да что тут у вас, дефицит мужского общества?

– Спасибо, я уж сам пока разберусь. Сдавать колечко будем?

– Два колечка!

– Имя!

– Ну, Клайд...

– Вводится новая система учета, нельзя ошибиться. Полное имя!

– Марта Бордалу. А то вы не знаете... – деваха обиженно надувает губы и уходит, вильнув на прощание правым галифе.

Один из квадратов на плане получает имя. Кольца – к этикетке. Что там у Роберты? Медленно работает, лицо бледное, круги под глазами. На общем фоне выделяется. Я ей ещё и ночью спать не дал, дай Бог, час подремала... На каком она месяце? Примерно на четвертом, не много, но при этом явно недоедает. Депрессия. Анемия. Экономит, откладывает на роды и ребенка. Угу... Вдруг мелькнула досадливая мысль – на шоколадные конфеты у нее нашлось... Поморщился, отогнав ее, там и ста грамм не было, порадовала себя девочка центов на десять, и на здоровье. Думай о реально важном, она в шаге от увольнения, подготовленного нашим Клайди-маленьким. Это бы ее добило, на что и рас-

считывал. А хрен вам. Имена я и так узнаю еще до обеда, хотел красиво обыграть и незаметно, а придется напролом. Все обидятся, простите, девчата. Но спишут на настроение, работу, ночью не дала и прочее... Не страшно. Так. В общих чертах я освоился, только разобраться с итоговым подсчетом сданных колечек. Не вопрос. Теперь записку Роберте.

" Улыбнись, солнышко. Все хорошо. Вечером у тебя. Будет большой разговор. Обо всем. Дай понять, что прочла. ВАЖНО! НЕ ПОРТЬ ВОРОТНИЧКИ!»

И вот еще что... Прикладываю записку к странице журнала, под докладной Клайда. Да. Почерки разные. Надо потренироваться, полного сходства не требуется, но что могу – сделаю. Критически осмотрел третий вариант, сойдёт.

Записку вкладываю между пальцами и неторопливо выхожу в цех, надо же являть себя подчиненным. Делаю круг, все сосредоточенно штампуют. Приглядываюсь к столам, стульям, к тому, как сидят. Отмечаю некоторые моменты. Роберта снова ковыряется. Вечером получит, ох получит. Проходя мимо, легким движением скидываю записку ей на колени и иду на второй круг. Кстати, а туалет тут где, не мешало бы его обновить, так сказать. Ладно, это мы узнаем вскоре. Да вот уже и узнал – смотрю в спину Берты, идущей на выход, ну куда еще она может сейчас пойти? Или ей надо,

или просто записку спокойно прочесть. Значит, и мне в том направлении. Спасибо, солнце, выручила.

Возвращаюсь к себе и начинаю складывать журналы на место, поглядывая, не возвращается ли Роберта. Принял еще кольца от двух работниц, спросив строгим тоном полные имена. Явно принимают это за некую то ли игру, то ли блажь невыспавшегося начальника. И ладно. А вот и она. Садится на место, я подхожу ближе, к самому стеклу. И вижу ее распахнутые глаза, в них плещется волна такого счастья, что на миг захватило дыхание. Все будет хорошо. Обещаю.

Глава 8

Обещаю. Это слово медленно и четко произнес одними губами, убедившись, что никто не видит, кроме Берты. Расцветающую ответную улыбку не досматриваю, отворачиваюсь к столу. Опасно. Не удержался, а она совершенно собой не владеет, мы ходим по грани. Но почему-то улыбаюсь сам и об эскападе не жалею. Прорвемся. Покачал головой, снова подойдя к окну на реку, как же Роберта зависит от каждого знака внимания и участия, как же он перепахал и искалечил ее...

– Мистер!

У двери воздвигается монументальная девка, охренеть. Таким тоном Рагнарек возвещать, мигом определяю скандинавскую породу. Норвегия?

– Да? Сдавать?

Молча кладет аж четыре кольца, ничего себе стахановка...

– Имя?

– Йордис Хагеман.

Молча киваю и отпускаю. Ни вопросов, ни удивления, ни попытки соблазнить. Представил себе этот пикантный мо-

мент и поежился, тут и конец бы мне пришел, или придушит или затрахает вусмерть. Это мои прежние кондиции надобны, таких валькирий нежить. А время уже к десяти и чувствуется все усиливающийся голод, утренним чаем сыт не будешь. Тут завтраком кормят, есть какой-нибудь кафетерий для работников? Девчонки то одна, то другая, отходят куда-то и возвращаются с аккуратными сверточками. Ясно. Обед в столовой, завтрак на рабочем месте. Что-то стало тоскливо, ишь, раскладываются... Салфеточки, упаковочки домашние. Рот наполняется слюной. А что Роберта? Продолжает штамповать, вижу, записка подействовала, вошла в ритм, не отвлекается, контролирует себя, на меня не смотрит. Стопка готовых воротничков быстро растет. А завтракать ты сегодня собираешься вообще? И приходит понимание – не собирается. Она не завтракает, экономит деньги. А обед? Тоже пропустит? Она ест раз в день? А это что еще? К Роберте подходит невысокая девушка, сидит через три места. Открыл журнал и из-под бровей наблюдаю. Девушка держит что-то в руке, наклоняется к Роберте и кладет это перед ней на стол. Фокусируюсь и навожусь... Сэндвич. Просто маленький сэндвич. Во рту внезапно пересохло, ах ты... Роберта поднимает на незнакомую еще мне девушку глаза, благодарно улыбается... И отодвигает сверток. Девчонка настаивает, склоняется и явно уговаривает. Замечаю перестрелку взглядов – Марта и еще трое наблюдают с каким-то нехорошим вниманием. Ну спасибо, жизнь стано-

вится все увлекательнее. Разговор тем временем заканчивается, Роберта покачала головой. Отказалась. Сэндвич забран и девчонка медленно возвращается на место, Марта и ее товарки сопровождают все это отнюдь не дружескими взглядами. Так... А сценка-то явно разыгрывается не в первый раз. Боже ж ты мой... И я тут сидел всю дорогу, наблюдал, как Роберта не ест, худеет, бледнеет, ее на моих глазах пытается подкормить безвестная добрая душа... И копил деньги на Двенадцатое озеро или еще какой курортник... Отлично. Замечательно. Нет. Не я это сидел. Ты это был, мразь. Был. Понял? Хорошо понял?

Однако надо что-то предпринять прямо сейчас. Уже вижу, что без завтрака тут только Берта. Хочется встать, куда-то пойти, купить ей здоровенный трехпалубный бургер... Или их ещё не делают? Короче, ее надо накормить. А как? Все уже видели, что она пустая. И мистер Клайд сейчас встает, ага, куда-то там выходит, а куда идти вообще? Никаких закусовых я рядом с фабрикой не видел. И приносит Роберте покушать, прихоть милого начальника, все так делают. Сходить поискать столовую, взять там что-нибудь типа для себя? Нет и нет. За дверями цеха – незнакомая и в силу этого недружественная территория, как я там найду столовую, по запаху? Понимаю, что придется сидеть сиднем, терпеть до обеда и идти с общим потоком. А если она и на обед не пойдет? Губы сжались. Пойдет. Но кто эта девчонка, что по-

дошла к ней? Подруга? Тогда почему Берта отказалась? Гордость с упрямством, в такие моменты их хорошо видно.

– Мистер Грифитс!

Очередные колечки.

– Имя?

– Ох, вы с этой новой системой учета, Марта уже всем рассказывает, что вы что-то тут затеваете.

Ах ты драная крышка!

– А, ничего серьезного, но дело есть дело. Итак?

– Оливия Симмонс, мистер Клайд. – и делается кокетливый книксен, явно рассчитанный не столько на меня, сколько на зрительниц снаружи.

Они там что, конкурс устроили, «получи самый тупой ответ от мистера Клайда»? А в качестве приза с полки пирожок? Большой такой, с мясом... Жрать хочу все больше. А уж Берте там каково... Чай с конфетой ночью, утром снова чай. Держись, солнце, и если ты не пойдешь на обед, я тебя убью.

Оливия сдает сразу восемь колец. Логично, зачем бегать с каждым, можно сдавать оптом. А то я уж начал думать, что ошибся. Берта...

– Клайд...

– Кольца есть?

Губы ее дрогнули и протягивает два. И все? Ага, на голод-

ный желудок и даже не пила ничего, только сейчас это понял.

– Ты почему не ешь ничего? Ни глотка воды с утра!

– Клайд...

– Молчи! И делай вид, что я тебя распекаю, ясно?

Берта растерянно заморгала.

– Только не реви, а? Пожалуйста... Солнышко... Все хорошо и ничему не удивляйся.

Нерешительно кивнула, глаза уже на мокром месте... Беру в руки журнал и начинаю ходить, чувствуя себя полным идиотом, а что делать? Роберта не спускает с меня настороженных глаз, что только добавляет в ситуацию неуместного драматизма.

– Значит, так. Сейчас идешь в дамскую комнату, умываешь лицо. Выпиваешь пол-литра воды, разом. Ну, сколько там в стакане, короче, четыре стакана влить в себя, как лекарство!

– Клайд, я не хочу, я в порядке...

Еще вот споров на глазах у всех нам тут и не хватало...

– Молчать!

Лицо Роберты омрачает обида, от окрика она вздрогнула, с ней так раньше не разговаривали. Почувствовал раскаяние за этот выпад, эта бледность... Эти широко распахнувшиеся глаза, уже наполненные слезами... Сердце сжалось, настолько захотелось подойти к ней... Обнять... С трудом беру себя в руки, ещё мне не хватало сейчас раскиснуть.

– И когда у нас тут обед, через часа два?

Нарочито небрежно посмотрел на часы, надеясь, что ей сейчас не до моих странных вопросов и просто ответит.

– Обед в час дня, – не знает, куда деть руки и теребит какую-то тряпочку.

– Вот и отлично. Идешь на обед и ешь его! Ешь, а не ковыряешь! Поняла?

Лицо Роберты вспыхнуло, резким движением отерла глаза. Она поняла, что я все заметил и обо всем догадался.

– Обед стоит денег. У меня нет. Ты раньше никогда не замечал этого, Клайд. Я не пойду.

И тут я не сдержался, прорвалась досада на этот ненужный и опасный спор, на ее неожиданное упрямство, дало о себе знать и постоянное напряжение, чего греха таить... Я тоже не железный.

– Не могла хоть кусок хлеба с сыром взять из дома? Или конфеты, на них тебе... – прикусил язык, вот же идиот...

Она вздрогнула, как от пощечины, глаза сверкнули. А мне стало не по себе... Вспышка внезапно прошла, Роберта поникла, взгляд погас, голова опустилась. Тихий шепот...

– Я совсем немного купила, на восемь центов всего...

Прошептала скороговоркой, сгорая от стыда и обиды, вдруг испугался, что перегнул палку, что просто развернется и выйдет. Сцена затягивается, пора ее заканчивать. А что не замечал, не напоминай, я и так хочу кого-нибудь прибить. Кого-нибудь? Себя я хочу прибить, кто за язык тянул? Конфеты ему глаза застили, черт, черт...

– Понял. На обед ты пойдешь. Сейчас пить воду, это правда важно. Не сердись, прошу. За конфеты прости, нехорошо я сказал. Помнишь первую записку?

– Да.

– Что там было написано?

– Держать себя в руках и ничему сегодня не удивляться.

– И «ничему» я написал печатными заглавными. Помнишь?

– Ты придёшь вечером, как обещал?

– Да.

– Правда?

Такая надежда в этом наивном вопросе и такой страх, что снова ложь... Такой свет в этих серо-голубых глазах... Невольно сделал движение подойти к ней, Берта заметила и поняла, улыбнулась, смешно шмыгнув носом. Невольно улыбнулся в ответ, утратив всякую серьезность на лице. Напряжение вдруг исчезло, на душе стало легко и светло.

– Правда, Берт. Теперь иди пить воду, ясно? И имей в виду – я смотрю, куда идёшь. Не зли меня.

Делаю ну очень грозное лицо, Роберта прыснула, вдруг украдкой показав язык, и быстро выскочила в цех, заметил трассы скрестившихся на ней взглядов. С места срывается Марта, и почему я не удивлен...

– Сдавать будем?

На стол плюхаются три кольца. А Марта оглядывается, как

будто надеется что-то уловить, услышать, ощутить. Как же ей интересно, о чем шла речь... Краем глаза вижу, что Роберта идет в сторону туалета. Молодец.

– Мистер Грифитс, почему вы не завтракаете, бережете аппетит на обед?

И глазками этак дзыньк! И ближе подходит... Еще ближе. И явно напоказ. Нет, там другой конкурс – "кто первый мистера Грифитса доведет до убийства с отягчающими и с особым цинизмом".

– Оу, дорогая, как раз насчет аппетита...

Таинственно замолкаю, посмотрев со значением...

– Даа?

Уже веет теплом от пышного тела, которое явно не прочь прямо тут, а хоть бы и на столе.

– Кушать что-то очень хочется, а я у вас видел нечто очень соблазнительное явно французской выделки. Пирожки, наверное?

Демонстративно сглатываю и умильно смотрю на слегка вытянувшееся лицо коварной соблазнительницы. А ты думала, что? Видывали мы виды и покруче твоих телес, подружка. А вот пирожки у тебя реально должны быть вкусные. Пирожки, точно? Да, пирожки! Произношу это про себя заглавными печатными буквами.

– Угостите бедного голодного мелкого начальника, а?

Марта в полной растерянности ретируется, на лице смятение чувств. Идет к своему столу и возвращается со сверт-

ком. Осторожно поглядываю в сторону туалета, не идёт ли Берта. Если она увидит эти маневры или Марта потом расскажет... Уже жалею, что затеял эту провокацию. Потерпеть до обеда не мог?

– Но вы непременно мне скажете, понравились ли вам мои пирожки, не правда ли?

– Непременно, леди. – одаряю ее ослепительной улыбкой.

На выходе ее накрывает неприязненный взгляд Рузы Никфорич, с этой я уже знаком, отметилась трижды. Вообще удобно отслеживать, кто тут работает, а кто крылом возле меня чертит – кто работает, носит по многу колец. А кто еще чего хочет – носят по одному-два. Вон Йордис, лапочка просто – молотит, как штамп-машинка, и ей на мистера Грифитса начхать с драккара. Ну, Роберта с утра дважды всего, боялся, что начнет бегать. Нет, старается. Ну, а эти...

– Мистер Грифитс...

Медленно оборачиваюсь. Этот акцент не спутать ни с каким другим. Она. Первый раз с утра. Кладет на стол сразу горсть колец. Невысокая, хрупкая, слегка вытянутый овал матового лица с легким румянцем. Высокие скулы, глубокий спокойный взгляд карих глаз. Четко очерченные губы, ни следа косметики. Темно-русые волосы собраны в узел на затылке. Скромное аккуратное бежевое платье, отметил, что все пуговицы на воротнике застегнуты и рукава не засучены. Издали она мне показалась совсем молоденькой, вблизи ви-

жу, что ей лет двадцать семь.

– Оу, вы просто молодец. – с доброжелательной улыбкой пересчитываю. Четырнадцать. Однако...

– И ваше имя?

– Ольга Мещерская.

Надо видеть этот взгляд... Да. Не из простых она Мещерских...

И она же – «девушка с сэндвичем».

Глава 9

Задумчиво смотрю вслед Ольге, молча вернувшейся на свое место. Тяжко тебе тут приходится. Впервые за все время позволил себе подумать о том, что здесь вообще-то 1922 год. И все, что с этим связано. Только-только отгремела Гражданская. Революция. Еще жив Ленин. Гитлер только начинает вынашивать свои планы. Сталин начал движение вверх. С каким-то отстраненным удивлением отметил, что все перечисленное не вызвало в душе никакого особого отклика, никакого желания поучаствовать, вмешаться, помочь. Кому помочь, Родине? А это как, собственно? Оставить Роберту и на пароход? Или сказать ей – Берт, я вообще-то не Клайд, а... И, знаешь, поехали со мной в Россию. Усмехнулся. Мне этого хочется для нее, для себя? Это и будет тем счастьем, которое хочу ей дать? Нет. Отогнал непрошенные мысли, огляделся, словно еще и еще раз хочу убедиться – я здесь, все вокруг – существует. Россия... Сталин... Ленин... Гитлер... Все это так далеко... А что я знаю и помню о США этого времени, кто тут сейчас президент, например? Тафт? Гардинг? Кулидж? Вот на такой мелочи и можно провалиться. Нужно купить пару больших толстых центральных газет, пару местных. Что сейчас за океаном – неважно. Вникать в здешние реалии – и побыстрее. Снова посмотрел на сосредото-

точно работающую Ольгу. Кто у нее дома? Старый предводитель дворянства из-под Рязани? От хорошей жизни на фабрику воротничков штамповщицей не идут. И местные ее явно не жалуют. Но она – единственная, кто видит, как плохо Роберте и не боится проявить что-то хорошее. И на меня виды точно не имеет. Порода. Боже, может, она и про беременность знает? Очень даже может быть. Надо будет расспросить Роберту, что у них там. Был бы не против, если бы они подружились. Роберта... После внушения и выпитой воды на ее лице немного прибавилось цвета. И молодец. Снова посмотрел на Ольгу, заметил, что они слегка улыбнулись друг другу, когда Берта проходила возле нее. И еще... Глаза. Карие спокойные глаза... Взгляд. Такой же я вижу, когда смотрю в зеркало. Такие же окружали меня за столом в последний вечер, там...

– Вот, примите.

Еще одна незнакомка, впервые с утра. Вся в веснушках, глаза голубые, лицо смешливое, задорный носик так и просится, чтобы по нему игриво щелкнули. Ирландка? И представилась без напоминания, все явно уже в курсе, что начальство блажит сегодня.

– Кэтрин О’Хара, мистер Клайд.

– Спасибо, Кэтрин, молодец. – двадцать три кольца.

Девушка улыбается в ответ, забавно щуря глаза, а на ру-

мяных щеках ямочки. Славная девчонка. Выбежала, и что-то напевая, весело продолжила штамповать. Время к обеду. Пирожки уже давно оприходованы, Берта, надеюсь, не видела. Она на воде, а я сладости лопаю. Но если я буду голодать вместе с ней, это делу не поможет. Ничего, сейчас на обед спроважу, даже если ее придется туда тащить. Только подумал, Роберта поднимается и идет сюда. Видимо, это последние колечки перед перерывом. Молча заходит и кладет на стол. Шесть. С утра – девять. Вздыхаю только... Хорошо хоть, ничего не запорола. Надеюсь, после обеда хоть немного наверстает. Грустная опять, видимо, Марта там распустила язык, как мистер Гриффитс от ее угощения слюнки пускал и пальчики облизывал. Черт, черт... Солнышко, я знаю, ты опять ничего не понимаешь и боишься. И обижена на меня. Особенно после вчерашнего, она надеялась на что-то хорошее... А я тут на нее чуть ли не ору и с девицами хороводы затеял насчет имен и прочего. А что за обедом будет... Так. Обед.

– Берта, я сейчас пройду мимо тебя. Готовь коленки. Не забудь пойти на обед.

– Клайд, у меня нет денег! Я не пойду.

Сказано шепотом, но сколько в этих словах гордости и обиды... Бледное лицо заострилось, глаза смотрят строго и даже с каким-то вызовом. Ей даже в голову не приходит попросить у меня доллар...

– Я дам. И не спорь! Иди.

Она закусила губу и быстро вышла. Молча. Смотрю на ее фигурку и вижу, как же она устала за эти полдня. Мои непонятные маневры и странное поведение. Ещё эти пирожки... Досадливо дёрнул щекой, от души обозвал себя идиотом... Это уже который раз, кстати, не третий ли? Обещал прийти, все обговорить... Приду? Или опять обману, и все вчерашнее – такая же блажь, как мои сегодняшние выходки. Держись, Роберта, пожалуйста. Ты только продержись до вечера. Доносится негромкий звуковой сигнал, звонок, и явно по всему корпусу. Обед. Девушки зашевелились, складывая принадлежности и наводя порядок на столах. Выхожу и я, быстрее, пока не встали все, сигнал застал врасплох, не ожидал. Проходя мимо Роберты, кидаю ей на колени свернутую пятидолларовую бумажку. И неспешно иду следом за девушками, мне же тоже надо пообедать, не правда ли? А если мне в другую столовую? Для небожителей? Да нет, это же не Голдман Сакс какой-нибудь, просто в большой столовой должны разделить площадь на залы. Этот – для простых, а этот – для остальных. Не будут тут строить отдельное здание. Ну, я так думаю. И оказался прав. Спустились в потоке людей на второй этаж и вошли в большой зал. Так... Девушки и большинство народа ушли налево, там немаленькие прямоугольные столы. Оглядываюсь по сторонам... Где Роберта? Ну, зараза, если не пришла... А, вот она. Идет вместе с дев-

чонками, о чем-то общаются, выглядит опять бодро, улыбается. Эти ее перепады настроения... Ну, приятного аппетита, солнышко. А я к небожителям, нет?

– Мистер Клайд!

Мне дружелюбно машет некто в сером костюме, небольшого роста, отмечаю лысинку и усики. Ты кто? Но надо идти.

– Хэлло, как поживаете?

Ну почему у них нет карточек на пиджаках, а? Подать идею, может?

– Отлично, мистер Грифитс, отлично. Сегодня все соби-
рался к вам зайти проведать, но никак не выходило. Решил
поймать вас здесь на обеде.

Из этого вывод – Клайд ходил на обед регулярно. А Р-
берта... Стоп. Он продолжает.

– Как сегодня работают ваши подчиненные, Клайд?

Разговаривая, мы продвигаемся в негустой толпе костю-
моносцев в небольшой зал с правой стороны компаунда.
Ненавязчиво пропускаю господина вперед себя. Уважение,
заодно посмотрю на его действия. И повторю.

– Все в порядке, никаких происшествий.

– Рад это слышать, в последнее время вы сообщали о ра-
ботницах, портящих воротнички, небрежно относящихся к
обязанностям.

Это Лигет. Он получил докладную. Ну, держись, Клайд.

Тем временем в беседе наступил очень своевременный перерыв – добрались до кухни. Давай, Лигет, выбирай. Я за тобой. И обдумаю будущую беседу. Ничего особенного, обычная раздача. Очень демократично все грузим на подносы и приземляемся в углу. С нами здороваются и раскланиваются еще несколько персон. А с чего бы это со мной так вежливый и предупредительный? Из-за фамилии? Только? Приходит понимание – и до этих дошли слухи о моих успехах в местной тусовке. Гилберт рвет и мечет? Это да, но дядя терпит и не отсылает племянника. А значит, пусть Гилберт злится, его право. А наше право – быть просто вежливыми, мало ли как оно повернется. Начинаем обед не спеша. Ох, суп хорош... Толстая вермишель, курятина и картошка. Какой я голодный, это ж сколько я не ел? Конфета у Роберты вчера и чай утром. А, пирожки... Ох, глаза бы не видели... Лигет тоже принялся за суп, но ждёт ответа.

– Мистер Лигет, я, несомненно, помню те докладные, что были вам своевременно переданы. – не спеша подношу ложку ко рту, не забыв положить салфеточку на колени, скопировав движение начальника.

– Да, да, Клайд, так что там с браком? Помнится, речь шла о десятках воротничков... Это немалый ущерб.

Ну, удружил, скотина... А я вовремя тут очутился, день-два, и Роберта уволена. И, вот что... Мелькнуло тревожное – такого в этом Мире не было, не писала крыса докладные.

Или все не так просто и есть в истории невидимое второе дно... Или с моим появлением события дали вилку, а это значит – Мир стал другим и возможны сюрпризы, самые разные. Очередная невесёлая мысль... При этом невозмутимо продолжаю есть суп, не меняя выражение лица. И вижу, что Лигет малость обескуражен, не той он ждал реакции.

– На самом деле ущерб не так уж велик, воротнички были посланы на повторный цикл, промаркированы заново, с работницей была проведена мотивационная беседа, был подан рапорт на вычет из жалованья. Таким образом, невольно причиненный ущерб был устранен силами отделения и самой работницы, которая с того момента работает без нареканий.

Произнесено не торопясь, спокойно, на грани наглости. А он понял вообще, что я сказал? На миг мелькнуло беспокойство, оценил ли? Оценил. Пока говорил, глаза его все внимательнее смотрели, становясь все удивленнее. Спокойно жду ответа, принимаясь за второе. Ух, какая котлета! Ее ножом или просто вилкой? Вилкой буду. Тут Штаты и вообще ноги на стол – наше все.

– Так, так... – Лигет отложил вилку и побарабанил пальцами по столу.

Он явно потерял нить и не знал, как дальше со мной говорить. О Роберте он уже точно забыл.

– А как зовут эту работницу?

Ах ты рваная покрывка...

– Роберта Олден, мистер Лигет.

Прости, малышка, но уходить в отказ нельзя. Не бойся, я тебя не сдам.

– И как вы думаете, Клайд, имеет смысл её оставлять на работе? Ну, после такого проступка...

Подхватываю...

– Не станет ли она плохим примером для остальных в плане того, что можно проявлять небрежность и при этом не быть уволенной?

Я уже выиграл этот поединок, Лигет принял навязанный мной тон. Я теперь в его глазах – темная лошадка с непонятными возможностями. Тот Клайд им в рот смотрел и при-танцовывал от усердия. Свое мнение, аргументы? Да полностью... А Лигет становится все более неуверенным.

– Да, именно это я хотел сказать. Работницы там бывают своенравные, их надо держать в руках. А такой пример покажет им, что можно остаться безнаказанной – Лигет пытается обрести почву под ногами. А я рано расслабился.

– О, мистер Лигет, она достаточно наказана и все это видели.

Прости, солнышко. Он вопросительно приподнял бровь, вот как?

– Вычеты из жалованья, думаю, изрядно ее подкосили, теперь она будет изо всех сил держаться за это место.

Прости...

– Клайд, почему вы так ее защищаете?

Кто-то стукнул... И не зря он меня тут подловил сегодня. Усмехаюсь, этот вопрос я предвидел и к нему готов.

– А разве это защита? Если не ошибаюсь, именно я написал все докладные на Роберту Олден, в количестве одиннадцати, последняя – позавчера, и весьма подробно.

Спасибо тебе, крыса. Правда, ты не думал, что твои телеги не уволят Роберту, а железно прикроют от увольнения? Ибо на это Лигет не нашел, что сказать. Рассмеялся и развел руками.

– Ну ладно, ладно, убедили.

Вежливым жестом салютую Лигету стаканом шерри. Получаю ответный шуточный салют. И иду на добивание.

– Более того, мистер Лигет, не далее как сегодня я внимательнее, чем обычно, присматривался к тому, как работают девушки.

– И? – Лигет уже не скрывает любопытства.

Я сумел его удивить и заинтриговать. Серая бездарность, работающая по милости дяди, внезапно изменилась...

– Вы позволите поделиться некоторыми соображениями в любое удобное для вас время? Речь идет об увеличении производительности труда, о более эффективной и точной системе учета. В конечном итоге – речь о деньгах для компании, мистер Лигет.

И это его добило. Уже не скрываясь, он снял очки и нервно протер стекла.

– Я, право, не знаю, мистер Грифитс...

Не перегнул ли я палку? Испугается Гилберта?

– Обычно такие совещания проводятся только в присутствии мистера Гилберта, вашего двоюродного брата.

Ну, а ты на что рассчитывал, умник? И принимаю решение.

– А вы думали, я вас в заговор вовлекаю?

И приглашаю Лигета присоединиться к моему вежливому смеху, что он и делает с немалым облегчением.

– Нет, конечно, Боже упаси... Просто сами понимаете, субординация...

Лигет промокает лоб платочком. Да, бедняга...

– Итак, я буду счастлив в любое удобное для всех время поделиться соображениями, мистер Лигет.

– Я вас извещу, как только поговорю с мистером Гилбертом.

И мы встаем из-за стола. Я – в состоянии полной адреналиновой накачки, руки мелко дрожат, незаметно прячу их, одну в карман, другую за спину. Лигет, думаю, прямо сейчас помчится к Гилберту. По дороге к выходу кладу в свою копилку мистера Смили, окликнувшего нас. Раскланялись и я быстро направился к себе. Что там Роберта? Надеюсь, пообедала нормально. Девочки уже на местах, работа кипит. Явно спешат во второй половине сделать побольше. На стол кладутся все новые кольца. Низки тяжелеют, почти все уже

сделали более сорока упаковок. В каждой – сто воротничков, попросил одну пачку у Йордис на пять минут, отдала без вопросов, даже не утрудила меня придумыванием отмазки. Ну какая лапочка, запомним ее. Итак, по сорок пачек на нос. В день – около ста тысяч воротничков, однако... Как там дела у Роберты? Да, я сразу по возвращении подошел к окну и, поймав ее взгляд, вопросительно поднял бровь, ну? Обедала? Опустила глаза утвердительно, хорошо. Отворачиваюсь и начинаю считать. Сейчас у нее двадцать четыре, надо нажать. Черт знает, Лигет прямо сейчас может свалиться с визитом, проверкой, Гилбертом. А тут Роберта ковырялась весь день. Хорошо хоть не испортила ничего. И, кстати... Ну запрет она воротничок, десять, сто... Неужели нет схемы это прикрыть? Да быть не может. Как-то раскидать, анонимно спустить на стирку? Тут сотни тысяч единиц, и нельзя среди них упрятать сотню воротничков? Клайд, Клайд... Ты предпочел ее сдать, крыса.

– Клайд...

– Ты обедала?

– Да, спасибо тебе, милый.

– Шш, без «милых» тут.

– Ну ладно, ладно, – Берта, наконец, нормально улыбается, – я тебе сдачу принесла, ты много дал, обед меньше доллара стоит.

Закатываю глаза, ну что ты будешь с ней делать...

– Не здесь, ты что... Вечером отдашь.

Она не сумела скрыть огромного облегчения, с которым услышала про вечер. Значит, все в силе, не обманул, приду. Сердце сжалось, как же она надеется, как ждёт...

– Когда ты придёшь, Клайд?

– Как стемнеет, будь готова. Сигнал – камешек в стекло.

Роберта радостно закрывает глаза и вздыхает, на губах заиграла улыбка.

– А пока поднажми на воротнички, Берт. Я серьезно. До конца дня чтобы было больше тридцати пачек. Поняла? И без порчи, смотри внимательно, куда штамп ставишь.

– Да, милый, я не подведу, вот увидишь!

И Берта быстро выходит. До конца дня еще два часа. Я уже знаю, что каждый день приходят из бухгалтерии и забирают низки колец, оставляя взамен пустые. Там они все пересчитывают и вносят в расчетную ведомость. Откуда я это знаю? Так нашел в столе еще один гроссбух, там бухгалтеры удостоверяют получение колец и их поименное количество. Так выходит одна копия тут и одна у них. Просто и эффективно. Только кольца эти... Варварство какое-то, право слово. Добиваю время, прохаживаясь по цеху, да, нашел и туалет по ходу. Все обычно, мальчики налево, девочки направо. Время к шести. Сейчас придут забирать низки. Роберта, давай, еще чуть-чуть... У нас уже тридцать две. Не рекорд, но улучшение. А завтра она сделает сорок. Обязана.

По корпусу разносится звонок тоном пониже, девушки одна за другой сдают кольца, я уже весьма сноровисто с ними управляюсь. А вот и из бухгалтерии пришли. У Роберты в итоге тридцать три пачки. Без брака. Молодец она у меня, сильная и упорная. Донёсся приглушённый шум встающих с мест, собирающихся девушек, слышался смех, начались разговоры.

Работницы потянулись на выход, о чем-то щебеча и на ходу сбиваясь в стайки. Пойдут кто куда, по домам, развлекаться, на свидания. Я двигаюсь позади и держусь на расстоянии. Роберта идет сначала с группой девушек, заметил там Оливию и Кэтрин. Потом они разделились, Роберта медленно пошла в сторону своей улицы, вот оглянулась. Я медленно кивнул ей и повернул в направлении Джефферсон. Уже вечер и мне надо кое-что приготовить. Захожу в комнату, зажигаю свет. Снова осматриваю все. На плечи ощутимо давит. И зеркало это... Нет, мне категорически не хочется тут находиться. Тут все пропитано им, надо переезжать. За окном стремительно темнеет, неподвижно стою посреди комнаты и смотрю прямо в сгущающиеся сумерки. Решение принято и меня ждут. Я готов. Нет. Еще нет. Снова выдвигаю проклятый ящик, осторожно достаю два небольших свёртка. Письма Сондры Финчли. Письма Роберты.

Глава 10

Пора выходить. Все. Я принял решение и легко не будет никому, Роберте – особенно. Другого варианта не вижу, не нахожу. И, буду честен сам с собой – я и не хочу его искать. Каким-то наитием подхожу к зеркалу, в котором увидел это лицо всего сутки назад. Мое лицо. Мое? Тонкие изящные черты, хорошо очерченный рот, прямой нос. Глаза... Смотрю прямо в глаза. И слышу на самой грани, за горизонтом событий – эхо. Голос? Меня кто-то зовет? Кто?

- Ты знаешь, что будет.
- Не делай этого.
- Хочешь мне помешать?
- Вернись домой.
- Я дома.
- Твой дом далеко.
- Мой дом – здесь.
- Оставь Берту ее судьбе.
- Не смей ее так называть. Ты потерял это право.
- Все просто, не иди никуда, останься здесь. Ляг, не думай о ней. Она даже не особо надеется на твой приход, сколько уже так было... Еще только один раз. Не ходи. Просто засни – и очнешься дома. Ты ничего не будешь помнить, обещаю.

Тишина сгустилась еще больше, до звона в ушах. Почувствовал, как сердцебиение тяжело отдается в висках, на лбу выступил пот. Лицо в зеркале, его исказила жалобная гримаса, не моя... Как он хочет, чтобы я остался, никуда не пошел... Вдруг зеркало исчезло. Вижу Роберту. Вот подходит к окну, за ним уже глубокая вечерняя темнота. Никого. Смотрит. Долго смотрит... Никого. Она возвращается к столу, там накрыт ужин на двоих, уютно горит лампа. У губ ложится горькая складка, по щекам медленно текут слезы... Тихий вкрадчивый шепот...

– Эти слезы – не о тебе, а обо мне. Она сейчас ждёт меня, не тебя. Со мной она хочет ужинать, не с тобой.

Молчание. Шепот становится все убедительнее, слова о том, чего страшусь больше всего... Бьющие в самое сердце...

– Она любит меня, видит меня. Не тебя. А когда узнает правду – каким ужасом исказится ее лицо, подумай об этом... Ты для нее – мой убийца, ты похитил мое тело. Роберта никогда тебя не полюбит, она возненавидит тебя. Вот такая она – любит только один раз, только одного. Меня. Несмотря ни на что. Берта уйдет, навсегда. И что тогда ты будешь делать? Годы одинокой беспросветной жизни в чужом враждебном тебе мире... И где-то – она, не желающая

тебя даже видеть. Представил? Ведь представил и знаешь, что будет именно так. Зачем тебе это? Зачем эти бесполезные страдания? Не иди. Задерни занавески, погаси свет... Ложись, укройся с головой. Засыпай, засыпай... И все закончится, мы все, каждый – пойдем своей дорогой... Своей.

Медленная тихая слеза на щеке... Тихий вкрадчивый шепот... Я больше не могу смотреть... Не могу, не хочу слушать! Не могу! Этого не будет, мразь! Картина исчезает, шепот замолкает, и снова вижу лицо. Жалобного ожидания больше нет, губы сжаты, глаза... Мои глаза, мой взгляд. Тебя больше нет, крыса! Это лицо теперь – мое! Все здесь – мое! Роберта – моя! Моя! И все, что будет или не будет – это только между ней и мной! Слышишь? Все меня слышат? Ты, кто меня сюда перенес, ты ведь тоже слышишь! Мой шепот, со свистом вырывающийся из перекошенных судорогой губ, ладони упираются в стену, лицо к лицу... Я и... Я.

– Если я почувствую, что ты пытаешься вмешаться... Вернуться...

– Ты не посмеешь. Не сможешь.

– Ты знаешь, кто я?

– Да.

– Я посмею? Я смогу?

Молчание.

— Ты понял меня, Клайд.

В тишине комнаты раздается звук удара, так лезвие пробивает дерево. Еще несколько секунд смотрю в свое отражение. Молча поворачиваюсь и выхожу на улицу. В середине стола покачивается нож для писем, доска пробита насквозь. Безжалостный удар пригвоздил небольшую фотографию весело смеющейся девушки в изысканном вечернем платье.

Быстро иду уже знакомой дорогой по улицам, заливаемым вечерними сумерками. Шляпа низко надвинута, никого сейчас не хочу видеть, ни с кем не хочу здороваться. Потом, все потом. Роберта там, наверное, думает, что не приду, уже стемнело, а меня все нет. Вижу кондитерскую, еще открыта, взять пирожных? Нет, не сейчас, не задерживаться. Становится прохладно. Вот и ее улица. Темно на ней, редкие окна горят кое-где. Вот и знакомый дом, солнышко, я пришел. За окном виден силуэт, останавливаюсь поодаль, приглядываюсь. Сидит за столом, как и вчера. Вот встала, походила немного, подошла к окну, осторожно выглянула. Опустила голову и вернулась за стол. Огляделся по сторонам, осмотрел улицу, пока никого. И через мгновение Роберте в стекло летит камешек. Послал почти с двадцати метров, ближе подходить рискованно, не все еще легли, да и Гилпины, скорее всего, не спят. Вчера я заявился куда позже. Судя по звуку,

я чуть не высадил Берте стекло. Ещё один круговой взгляд, никого. И броском пересек улицу, выпрямился, прижавшись к стене, легонько стукнул по раме. Я – здесь! Я!

– Клайд, это ты?

Окно уже открыто, лицо Роберты смутно белеет в полумраке.

– Берта, можно лезть, все в порядке?

– Давай, только очень тихо.

Да, Гилпины еще не спят. Быстро и бесшумно втягиваю себя в окно, попадаю прямо в объятия.

– Милый, я так рада!

– Берта, свет! С улицы видно...

И пригибаю нас к полу.

– Давай пригасим немножко, ладно?

Роберта убавляет накал лампы, а я задерживаю занавески. Вот, закрылись и затаились. Поворачиваемся друг к другу и не знаем оба, что сказать, слова вдруг потерялись. Роберта робко улыбается и показывает на стол. Там накрыт ужин, чувствую аппетитный запах чего-то мясного. Милая... Все, как в видении у зеркала. Кроме слез. Ведь я пришел и той картины – не будет. Не будет! Как же он боялся, что я приду сюда, как не хотел этого... Ведь если он прав – зачем меня удерживать? Наоборот, дай прийти, признаться, получить свою ненависть. И уйти обратно к себе, забыть. Ложь. Все,

что он сказал – ложь! А правда в том, что после сегодняшнего вечера – все станет иначе, появится новый мир, новая жизнь. И места в ней ему – не будет. Не будет!

– Вот, подумала, ты опять голодный придёшь и мы поужинаем.

– Я страшно голодный, Берт, ты умница.

Слегка напрягшееся лицо Роберты при этих словах ослабилось, улыбка стала смелее, она боялась сделать что-то не так... С половины хозяев донёсся приглушённый разговор, засмеялись. Кивнул в ту сторону.

– Не спят ещё?

– К ним гости приехали, из Сиракуз, какие-то родственники. Они и меня звали, еле отговорила, сказала, что устала.

Роберта вдруг легко коснулась моего плеча, шепнула.

– Клайд, я сейчас.

Подошла к кухонному шкафчику в углу, открыла створки и что-то бережно достала. Вернулась с большим тяжёлым на вид свертком, осторожно положила его на стол. Я заинтересованно присмотрелся, подойдя поближе. Заглянул Роберте через плечо, почувствовал тепло, запах волос. Ее руки дрогнули, она тоже почувствовала меня, замерла. На мгновение закружилась голова, захотелось ее обнять, прижать к себе, зарыться лицом... Шепнул ей, чтобы как-то снять возник-

шее между нами напряжение... Ожидание...

– Что это, Берт?

Она вздохнула, словно очнувшись, медленно, словно не решаясь, развернула тяжёлый трехзвенный футляр темно-синего бархата, вытертого на сгибах. В свете тусклой лампы мягко забликовало старое полированное серебро. Вот оно что... Смотрю на его содержимое. Долго. Поднимаю взгляд, Роберта молча смотрит на меня, ее глаза лучатся тем же вчерашним нездешним светом.

– Бабушкино?

– Да, Клайд. Мама дала мне с собой, сказала, приданое...

И смущенно пожала плечами, улыбнувшись, подошла ко мне.

– Клайд...

– Что, солнышко?

– Ты не думай, я ничего такого не имела сейчас в виду...

– Шш, не надо так, Берт...

– Нет, ты послушай...

– Слушаю.

– Просто захотелось тебя встретить вот так. Ужин... Лампа... Бабушкины ножи и вилки...

– Ты очень правильно все сделала.

Роберта, решившись, осторожно обняла меня, как будто сомневаясь, опасаясь чего-то. И я так же осторожно отвечаю на это объятие, мы оба боимся что-то сделать не так, словно... Как будто мы незнакомы и ищем пути, ниточки друг

к другу. И не хотим случайно разорвать те, что между нами уже протянулись. Так и стоим возле стола с нетронутым ужином.

– Знаешь, – шепнула.

– Что?

– Я уже один раз доставала этот футляр для тебя... Давно.

– Когда?

Берта слегка потерлась щекой о мое плечо, устраиваясь поуютнее.

– Давно... На прошлое Рождество.

Молчание.

– И я тогда не пришел...

– Не пришел.

Молчание.

– Я сейчас решила, пока тебя не было и ждала... Было мгновение, я почувствовала... Очень сильно почувствовала...

– Что, Берта?

Она глубоко вздохнула и закусил губу, сжала мою руку горячими пальцами. Тихо произнесла.

– Что ты не придешь.

Она почувствовала разговор у зеркала...

– И я решила...

– Что решила?

Она помедлила с ответом. Подняла голову и посмотрела мне в лицо, ее строгие глаза совсем близко. Голос прозвучал

еле слышно, но твердо и упрямо.

– Если не придёшь, то ты больше никогда меня не увидишь.

Порывисто вздохнула и зарылась лицом в мою грудь.

– А ты пришел... Пришел...

Плечи ее вздрогнули, крепко прижал Берту к себе, сам зарывшись лицом в пушистые каштановые волосы, отбросив все страхи и сомнения.

– Все хорошо будет, маленькая.

– Мне уже хорошо, Клайд, милый. Так бы и стояла, стояла...

– И ужин бы остывал и остывал...

Тихонько рассмеялись, глаза Роберты лукаво блеснули, она прижала палец к губам, покосившись на дверь. Я отодвинул стул и галантным жестом пригласил Роберту садиться.

– Давай ужинать, чем угощаешь?

– Я по семейному рецепту приготовила мясной рулет, мама научила. Я старалась, попробуй!

Смешно закусив губу и нахмурившись от усердия, хозяйка отрезала и положила мне на тарелку солидный кусок. Аппетитный запах усилился и ударил прямо в нос, я непроизвольно втянул воздух...

– Вкусно!

Берта смотрит, улыбаясь и подперев ладошкой подбородок. Себе она положила кусок поменьше, я заметил и показал пальцем, так не пойдет.

– Это ужин на двоих?

– Да.

– Тогда бери еще, тебе есть надо как следует.

Роберта послушно отрезала себе еще кусок, внимательно на меня посмотрев. Есть все не начинается...

– Ешь давай! И не ковырять!

Она прыснула от смеха, с аппетитом принимаясь за еду. О чем она вдруг задумалась?

– Знаешь, как девушки из цеха сегодня удивились, когда я на обед пошла?

– Представляю...

– А я правда такая голодная была, взяла и первое, и второе...

– И компот, – это у меня вырвалось непроизвольно.

– Что?

– Ээ, ну запила ты это все чем?

– Сок взяла, вишневый, вкусный.

– Умница ты у меня.

Рулет тем временем исчез с обеих тарелок. Роберта занялась чаем, выложила давешние конфеты. Смотрю, как она хлопочет... Щеки разрумянились, и куда бледность делась, глаза блестят весело и задорно. Хорошо... На этот раз не хочется хозяйничать, пусть сама... Вижу, как ей радостно за мной ухаживать...

Наливает мне и себе горячего от души заваренного чая,

Роберта, по-моему, очень любит неспешные основательные чаепития. И я люблю эти моменты, когда все вокруг тихо, спокойно. Проблемы и вопросы смиренно ждут, когда ты соизволишь до них снизойти. Осторожно поглядываю на Берту, а она снова начинает волноваться. Время идет, я обещал прийти и пришел. Ужин вдвоем, объятия... Время идет, она ждет обещанного разговора. Ждет, что я сдержу свои слова о том, что все будет теперь по-новому, что ложь закончилась. Что страх и отчаяние – позади. И я знаю – если не сдержу обещание, то никогда ее больше не увижу. Так она решила.

– Собираем посуду, Берта?

– Ну что ты, не надо, я сама...

С теплым чувством дома смотрю, как она собирает тарелки, чашки. Все пока аккуратно складывается на століке в углу, мыть не будет, ведь Гилпинам сказано, что устала и отдыхает.

– Клайд...

Роберта садится на кровать, зябко обнимает себя за плечи. Накидываю на нее шерстяную шаль, укутываю и сажусь рядом.

– На эти выходные мы едем с тобой в Олбани, Фонду, Утику... Решим, куда.

Поворачиваю ее к себе и беру лицо в ладони. Ее глаза вспыхивают радостью, надеждой, неверием. Всем сразу. От

прикосновения к гладкой прохладной коже снова чувствую головокружение...

– Клайд, милый...

Уткнулась лицом в плечо и обняла, прижалась так доверчиво и счастливо. Господи, дай сил, дай уверенности в том, что я делаю... Мама... Если ты видишь, слышишь... Попроси за нас...

– Да, Берта, на эти выходные мы обвенчаемся. Это решено.

– Клайд, это правда? Правда? Ты правда поедешь со мной туда?

– Да. Игры закончились, и все, что было до вчерашнего вечера – закончилось.

А теперь...

– Я все тебе расскажу, Роберта. Все.

– О чем ты говоришь?

В ее глазах снова плеснулись беспокойство и неуверенность. Как же она боится, что снова что-то случится, что-то помешает, что-то не позволит... Нет, ещё не сейчас, пока поговорим о другом. Улыбнулся, взял ее за руку, слегка сжал пальцы, стараясь ободрить и успокоить.

– Сначала о наших планах и твоём положении, да?

Наших. При этом слове беспокойство в ее взгляде улеглось, она кивнула и приготовилась слушать, сжав мою руку

горячей ладонью. Усмехнулся и подмигнул.

– Помнишь первую записку? Ничему не удивляться. Эти слова все ещё в силе, Берт. Я тебя спрошу, а ты не стесняйся и не удивляйся, как будто ты сейчас у доктора.

Поймал себя на том, что говорю с ней, как с ребенком, которого надо успокоить. Что же, так оно и есть пока... Ох, меня бы кто успокоил... Берта кивнула вторично, слегка покраснев.

– Ну, Клайд...

– Надо знать, на каком мы свете с беременностью, какой точный срок.

– Нуу...

Роберта нерешительно замялась, я же продолжаю, и с каждым следующим сказанным словом все больше успокаиваюсь. Все, наконец, сдвинулось, я действую правильно, все будет хорошо. Я – дома. Передо мной – моя невеста.

– Первый день последних месячных когда был, помнишь?

Она покраснела уже всерьез, закусил губу и наморщила лоб, стараясь сообразить поточнее.

– Вспоминай, так определим срок более-менее точно.

– Ну... Примерно в первых числах Рождества. Клайд...

– А что Клайд?

– Ну я точные числа не помню, наверное, так... Ты никогда меня об этом не спрашивал... – она смутилась окончательно и потупилась, став такой забавной, что мы оба прыснули от смеха. Прикидываю даты, да, почти угадал.

– Ты примерно на четвертом месяце, дорогая. Надеюсь, ты оставила мысли избавиться от ребенка? Это делать уже поздно, опасно... И... Не нужно.

При этих словах глаза Роберты широко раскрылись, она пристально на меня посмотрела. Таких слов она ещё не слышала...

– Клайд, а ты сам...

Роберта нерешительно остановилась. Начала снова.

– Клайд, а ты сам хочешь... нашего... ребенка? Ты правда так думаешь? Что... Не нужно...

Слова произнесла с усилием, видно, что она до сих пор не освоилась, до сих пор не верит, что все закончилось, что теперь все будет хорошо. Ждет подвоха, обмана? Прошла уже неплохую школу...

– Да, Берта. Я этого хочу.

Она задумалась, снова на меня посмотрела, ее лицо вдруг стало собранным и строгим. И задала вопрос, которого я боюсь со вчерашнего вечера, с момента, как появился в ее доме. Боюсь. И жду его. Хочу его. И снова – боюсь.

– Скажи мне, милый... Что произошло вчера?

– О чем ты?

Вот и все. Я сто раз думал, что ответить на этот вопрос, и так и не решил ничего. И сначала наивно рассчитывал, не спросит. Обрадуется переменам и побоится что-либо портить. Побоится копать. Не побоялась. Значит, придется идти

до конца, прямо сегодня. За разговором о беременности как-то перестал об этом размышлять, прозвучавший вопрос вернул меня в реальность. Я – не он. Снова увидел проклятое зеркало, свое искаженное ненавистью лицо. Мое лицо. Мое!

– Ты очень переменился, Клайд. Внезапно. Так не бывает. Еще позавчера...

Берта осеклась, отвела взгляд, осторожно высвободила руку. Я не пытаюсь удержать, смотрю, как она снова зябко сложила руки, закуталась в шаль... Вот и оно, милый. Пора. Пока молчание не разрушило все то хрупкое и незримое, что появилось между нами. Пора. Так надо. Чувствую, как где-то там, за гранью небытия, ждёт он...

– Да, все переменилось.

– Скажи мне, почему? Ведь что-то произошло, случилось? Только не лги мне, прошу, умоляю...

Положила ладони мне на плечи, такие горячие ладони... Ее лицо близко-близко, дыхание так согревает...

– Я люблю тебя, Клайд. Всегда буду любить. А ты? Ты любишь меня, хоть немного? Вот смотрю в твои глаза, и они такие странные... Твоё лицо... Твоя улыбка...

– Что ты видишь?

Она чувствует, что я – не Клайд. Но не знает, как это сказать. Она чувствует это сердцем, душой, шестым, десятым чувством. И это мучит ее. Не дает полностью отдаться сча-

стью, не даёт успокоиться. Она хочет понять.

– Я не знаю, как сказать... Просто чувствую. И чувствую твою боль. Тебе тоже тяжело, ты чего-то боишься... Очень боишься...

– Но мы ведь справимся с этим, солнышко? Вместе.

Она помолчала несколько мгновений. Я же все ещё не решаюсь сказать. Что она сделает, как поступит...

– Ты правда хочешь быть со мной?

– Да.

– И ты не сказал, что оставишь меня после рождения ребенка.

– Я никогда тебя не оставлю.

– Обещаешь?

– Да.

– Я согласна стать твоей женой, Клайд.

– Я беру тебя в жены, Роберта.

– Клянешься?

– Клянусь. Идем.

Встаю и поднимаю Роберту следом. Все, теперь только вперед, до конца.

– Куда идти?

– Покончить с прошлым. Я обещал тебе, что ты все узнаешь. Одевайся. Пошли.

И через несколько минут мы быстрым шагом идем к Могауку ночными тихими улицами. Рука Роберты крепко дер-

жит мою. Она не спросила больше ничего, молча оделась и безропотно пошла со мной, как верная жена идёт за своим мужем.

Эту ложбинку у самого берега я заприметил вчера, со стороны не должно быть видно.

– Иди сюда, давай руку, осторожно.

Роберта спускается ко мне, усаживаю ее на ствол упавшего дерева.

– Посиди пару минут, хорошо?

Холодно, поправляю на ней шарф и шляпку. Касаюсь щек и носа, холодные, не простудить бы ее... Сейчас... И через несколько минут вспыхивает костер. Заплясавшее на ночном ветру пламя бросает таинственные отсветы на лицо Роберты, глаза ее мерцают золотистыми отблесками среди причудливых теней.

– Садись ближе, отогрейся.

Протянула руки, осторожно наклонилась. Сел рядом, обняв ее за плечи, Берта уютно прижалась ко мне щекой и задумчиво посмотрела на огонь. Вечная магия ночного одинокого костра и двоих возле него. Слышу тихий шепот.

– Совсем как в детстве...

– Расскажи...

– Я любила ночью выйти в сад и там зажигать костер. Сидела возле него и мечтала...

– О чем?

– Что вот сейчас на его свет выйдет из тьмы прекрасный принц...

– И что он сделает? Увезет на белом коне в прекрасное королевство?

Берта тихо смеется.

– Нет, милый. Он сядет рядом со мной, просто сядет. Молча. И я больше никогда не буду одна.

Легонько толкаю ее в бок.

– Небось, сейчас на ходу придумала?

Мы негромко смеемся и огонь весело потрескивает, говоря – мы вместе, и нам не страшны холод и тьма окружающей ночи.

– Клайд, зачем мы здесь?

Открываю небольшую сумку, взятую из дома. Медлю. Страшно.

– Что там у тебя?

Ну! Давай, так надо. Покончи с этим. Назад дороги не будет. Пусть. Я принимаю это.

– Берта...

– Что, любимый?

Сердце заколотилось, гулом отдаваясь в ушах... Любимый... Первый раз она так меня назвала. Меня? Меня! Ведь она все поняла и ждёт признания. Решилась... Время решаться и мне. Я – не он. Слышишь меня, крыса? Я – не ты!

– Ты должна знать. Слушай.

Молчит. И только ее погибельные глаза так близко... В них танцуют языки тихо потрескивающего костра. Мой негромкий голос.

Я рассказываю. Страсть... Желание обладать ей... Как легко убедить себя, что это и есть любовь... Как бывает легко в это поверить... Роберта поверила... Вот она, любовь... Вот оно, счастье... Как все было радостно и светло... И как же быстро пришли тьма, отчаяние и одиночество... Как быстро сладкие речи сменились торопливыми отговорками... Как быстро воцарилась ложь... И все это – ради богатства, и, разумеется, радужного будущего с другой девушкой. Сондра Финчли... А Роберта... Быть ей брошенной, ибо что может она дать, кроме постылой беспросветной жизни на задворках такого прекрасного мира. До него рукой подать, надо только сделать маленький шаг, оставив позади опрометчиво совершенную ошибку. Ошибку... Роберта страдает? Ей страшно? Одиноко? Она обречена на позор и бесчестие? Что же, ей ведь ничего не обещали... Пусть замолчит, исчезнет навсегда, словно ее никогда не было! Отчаяние... Никого рядом... Одиночество... Тьма за окном... И стук камешка в стекло. Небо услышало... Откликнулось на отчаянный зов...

Замолчал. За все время Роберта не произнесла ни слова,

только все крепче и крепче прижималась ко мне. Осторожно заглянул ей в лицо, глаза крепко зажмурены. Текут слезы... Медленно и тихо текут, оставляя золотисто блестящие в свете костра дорожки. Мои губы прижимаются мягко и ласково, соленая влага жжёт. Делаю это со страхом. Вот сейчас отстранится... Встанет... Молча уйдет, не оглянувшись, не сказав ни слова. И я никогда не найду ее в этой проклятой ночной тьме. Никогда не возьму за руку, не обниму, не услышу ее голос. Никогда. Никогда.

– Не уходи. Пожалуйста...

– Я не уйду. Никогда.

– Правда?

– Правда.

– Клянешься?

– Клянусь.

Мы встаем рука об руку над гаснущим костром. Что сказать ей после всего? Не знаю... Просто чувствовать ее рядом, тепло руки, наши сердца бьются одним пульсом в крепко переплетённых пальцах. Не отпущу, никогда.

– А знаешь... Я ведь еще вчера что-то почувствовала.

– Что ты почувствовала?

Роберта посмотрела на меня, задумалась, заговорила, осторожно подбирая слова, словно опасаясь произносить за-

претное.

– Что ты совсем другой. Сначала я подумала, что ты... Нет... Он изменился, что-то понял, одумался... Потом решила, что это просто какая-то игра, очередная ложь. Но... Сегодня, на фабрике... Твой голос... Твой взгляд, у тебя совсем другой взгляд. Там, внутри, не он – совсем другой человек, смотрит так прямо, внимательно. От этого мне бывает страшно. И так хорошо. Он никогда так не смотрел, никогда не умел заботиться о других. Он умел говорить так ласково... И как он был жесток при этом... А ты... Ты говоришь совсем иначе, иногда даже жестоко. Твое лицо иногда пугает, твой взгляд может замораживать... Как ты говорил со мной, когда отправил пить воду, как смотрел... Я испугалась, правда. А когда шла в дамскую комнату, подумала – он ведь хочет мне хорошего, беспокоится и волнуется. И улыбалась, – она порывисто вздохнула, чуть беспомощно пожав плечами, – когда же ты сегодня заговорил о венчании, о ребенке... Я окончательно поняла, что ты – не он. Он был совсем другой и никогда бы так не сказал. Я молила о чуде, о помощи, о спасении. Значит, и вправду Небо услышало... Или... Не знаю, милый... Но, пусть...

Вот и все. Пока я колебался и сомневался, Берта все сделала за меня сама. И что теперь? В голове пустота, я не знаю, что сказать. Мне кажется, что мир вокруг стал хрупким и прозрачным, произнесу что-то – и все исчезнет, развеется

дымом, полночным видением после пробуждения. Не хочу.
Не хочу!

– Берта, я...

– Шш, любимый... Не надо ничего говорить.

Роберта внимательно смотрит мне в глаза, поднимает руку. Пальцы осторожно касаются самыми кончиками, медленно очерчивают глаза, скулы, брови... Такая неожиданная ласка...

– Берта, я...

Пальцы ложатся на губы, останавливая.

– Ничего не надо говорить, не надо.

– Что мы будем со всем этим делать?

– Ничего не будем. Мой милый любимый... Клайд.

Я замер.

– Клайд?

Она положила ладони мне на плечи и наклонила к себе, глаза в глаза. Шепнула.

– Ты – Клайд. А он... Тень. Без имени, без следа, без памяти. Да?

Долго, очень долго молча смотрим друг другу в глаза. Ти-

хо прошептал в ответ, хриплый голос с трудом находит дорогу в пересохшем горле.

– Да. Знаешь...

– Что?

– Перед тем, как я вышел из его дома, он... Он заговорил со мной.

Почувствовал, как Роберта напряглась, обнял и прижал ее к себе. Она спрятала лицо у меня на груди и тихо спросила.

– О чем?

– Убеждал не идти к тебе. Что ты...

Я запнулся, не решаясь продолжить. Она шепнула.

– Не молчи... Что – я?

– Что ты ждёшь и любишь его, не меня. Что узнав правду, ты меня возненавидишь, как его убийцу, что... Уйдешь. Он говорил так убедительно, так вкрадчиво...

Послышался горький смешок.

– Да, он умеет уговаривать... Но ты не поверил ему. Ты пришел. Почему?

– Ведь я люблю тебя... И никогда тебя не отдам, ни ему, ни... Никому.

– Не отдавай... Никогда.

И я, наконец, достаю из сумки два свертка. Небольшие свертки, перевязанные шпагатом.

- Что это?
- Письма. Твои и...
- Сондры?
- Да.
- Зачем?

Мы стоим рука об руку над гаснущим костром. Я смотрю в ее широко раскрытые глаза, в них любовь, радость, в них обещание. И через секунду оба свертка падают в огонь.

Глава 11

Угасший было костер, приняв новую пищу, вспыхнул и выстрелил снопом искр. Слишком сильным для двух небольших свертков бумаги... Рука Роберты вздрогнула, я сжал ее крепче, удерживая. Она склонила голову к огню, глядя, как языки пламени пожирают листки бумаги и с ними слова. Слова радости, надежды, любви. Слова отчаяния, безысходности, одиночества. Все они, такие разные, сейчас были одним, соединенным огненным венчанием. Эти слова уходили в небытие, в прошлое. Очищающий огонь подводил черту подо всем.

Мы рука об руку стояли над угасающим костром. Роберта повернулась ко мне и заглянула в глаза, близко-близко, наклонив мою голову к себе.

– Милый, зачем?

Я ласково погладил ее по холодной на ночном ветру щеке.

– Эти письма – из прошлого. Огонь сжёт их, отправив в небытие. Мы же – останемся, вместе. Навсегда.

Бережно обнял и дальнейшие слова шептал, зарывшись лицом в каштановый аромат волос, шляпка куда-то упала, но я уже не обращал внимания. Роберта прижалась щекой к груди и слушала, слушала...

– Это страшные письма. Каково тебе было их писать... А каково их читать, если я – не он... А рядом – письма Сондры, такие радостные и беззаботные. И все это – твоя боль, милая моя девочка. И все это я решил предать огню. Здесь. Сейчас. Предать огню прошлое. Сжечь твое отчаяние, твое одиночество.

Слегка отстранил от себя Роберту и охватил взглядом всю её маленькую и беззащитную фигурку, волосы рассыпались. Внезапный порыв ветра разметал их в стороны, пальцы крепче сжались на хрупких плечах. Смотрю и не могу насмотреться...

– Твоя детская сказка сбылась. Из тьмы пришел совсем не принц, но тот, кто никогда не оставит тебя, никогда не отдаст. Слышишь?

– Слышу, любимый. И я никогда тебя не оставлю, обещаю. Не отдам... Не отдам тебя...

И ее губы уже не внезапным порывом отчаяния, а ласково и мягко нашли мои, руки обвились вокруг шеи и привлекли к ней. Время остановилось для нас и сколько его прошло, уже никто не замечал. Только слышно потрескивание погасшего костра, налетевший ветер развеял пепел сгоревших писем.

Мы медленно идем по тёмным безлюдным улицам и молчим. Осторожно посматриваю на ее улыбающееся лицо, о чем она сейчас думает? Старается привыкнуть к тому, что

за знакомым обликом – кто-то совсем другой? Ей должно быть не по себе, вот так идти с незнакомцем, неведомо как здесь оказавшимся. Даже моего имени не спросила. Бойтись? Сколько же ещё вопросов, сколько сомнений... И их все затмевает чувство простого тихого счастья – она теперь знает. Не будет лжи, притворства, пусть с самыми благими намерениями – наша жизнь была бы тем самым сакраментальным адом, куда они ведут. Годы лжи... Их не будет. И это – главное. Роберта полюбила меня, не ушла, не прогнала, не испугалась. Она поверила мне, в меня. Все остальное – решаемо, мы справимся. Ладонка Роберты уютно устроилась в моей руке, она полюбила так ходить, жаль только, что это пока доступно лишь ночью. Мимо неспешно проплывают спящие дома, кроны высоких деревьев провожают нас тихим шелестом ветвей, шепчут вслед – вы не одни, мы смотрим, мы охраняем вас. Ничего не бойтесь. Элм-стрит. Вот и номер 34. Останавливаемся поодаль за группой деревьев, где я ждал Роберту прошлым утром.

– Домой? – почему-то более ничего не сказалось.

Роберта улыбнулась.

– А ты домой?

И мы рассмеялись, обнял её за плечи и потерся щекой о мягкие волосы.

– Да, пойду...

И не закончил фразу, смех оборвался. Домой? Серьезно?

– Клайд, что с тобой?

Берта встревоженно заглянула мне в лицо.

– Ты так замолчал... Что-то случилось? Клайд, не пугай меня! Ну, пожалуйста!

– Шш, перестань!

Встряхнул ее легонько за плечи, ну что ты с ней будешь делать...

– Чего испугалась?

– Ты стал такой... Такой...

– Просто мне туда нельзя.

Роберта поняла сразу. Широко раскрыла глаза и прижала ладонь ко рту.

– Там все принадлежит ему, все им пропитано. Я был там, Берта, чувствовал, это прямо давит. И я не хочу туда идти.

– А если пойдешь, что произойдет? Он вернется? Вернется? Боже...

Берта поникла, отвернулась, сразу став маленькой отчаявшейся девочкой наедине с опять обманувшим ее надежды миром. Как же я хочу посчитаться с ним за нее, с миром, со всеми... Резко повернул ее к себе. Лицо к лицу. Глаза в глаза. Медленно произнес, чеканя каждое слово.

– Я не отдам ему тебя. Поняла?

Ее лицо зарылось мне в грудь, плечи затряслись.

– Не хочу... не хочу... Не отдавай меня...

Тихие всхлипывания заглушили отчаянную мольбу.

– Не отдавай... Не уходи... Не иди туда...

Решение пришло вместе с огромной досадой, напугал ее, да и себя самого... А все ведь просто.

– Берта, я останусь у тебя сегодня. Можно?

Роберта удивленно и радостно вскинула на меня глаза, быстрым движением отерла уже выступившие слезы. Как же все оказалось просто...

– Милый, конечно оставайся, я тебя туда не пущу!

– Не бойся, я уйду раньше, чем все встанут. Уйду тихо, никто не услышит и не увидит.

– Страшно только... – Берта протянула совсем по-детски, – а если мы проспим?

Я только усмехнулся.

– Не проспим, я умею просыпаться когда надо.

Роберта с забавным сомнением посмотрела искоса, ой ли? Я с притворной озабоченностью закусил губу, стараюсь ее отвлечь, развеселить этой шутливой пикировкой. Нагнали тут драматизма...

– Нет, я могу, конечно, пойти куда-нибудь под забором пристроиться, дорогая...

Произношу это с нарочитым смирением, хотя могу и там, без особых проблем. Но под крышей и рядом с Робертой – лучше. А вот на Джефферсон я не пойду. Берта решительно указала на свое окно.

– Нет, милый, никаких «под забором», мы идём ко мне. Только будем тихо, хорошо?

– Конечно, Берт, тише мыши. Так, никого... Тсс! Я пер-

вый, давай за мной!

И мы шмыгнули к окну, как помянутые мыши. С невольной улыбкой отметил, что она и не подумала входить через дверь. Бесшумно открыл ставни и перемахнул подоконник, даже не коснувшись его, Берта не сдержала тихого восхищённого возгласа. Меня обнимает гостеприимный полумрак комнаты, такой домашний запах... Разворачиваюсь и принимаю руки Роберты, подхватываю подмышки.

– Колено на подоконник, забыла?

– Ну, Клайд... Я не умею...

– Учись, тютя!

И мы вваливаемся в комнату. На часах около двух, времени отдохнуть полно, вздыхаю с облегчением, быстро задергаю занавески. Поворачиваюсь к Роберте, улыбаюсь и спрашиваю так просто, как будто и не было мрачного разговора пару минут назад.

– Спать или чай сначала? Предлагаю чай, я уже вижу, что мы оба любители.

Она улыбнулась в ответ и пошла хлопотать, уютно зашипел примус, через несколько минут мы снова сидим друг против друга за столом в жёлтом круге неяркогo света. Смотрю на БERTY, согревая ладони чашкой. Она смотрит на меня, держа свою так же, мы оба это заметили и тихонько рассмеялись. Как же хорошо... Медленно провожу ладонью

по скромной зелёной скатерти, оглядываю комнату. Теперь можно не делать вид, что все тут знаю. Так уютно. Взгляд неторопливо скользит по столу, по фаянсовому чайнику с отбитым носиком, простеньким светло-голубым блюдам и чашкам. Коричневые обои, такие же занавески. Старые и выцветшие, но аккуратные половички. Вазончики с цветами висят на стенах. Речной пейзаж в рамке под стеклом. Кровать... Отвел взгляд, вижу, что Роберта с улыбкой смотрит на меня, поняв мои мысли. Шепнула, обведя рукой комнату, ее глаза таинственно блеснули в свете тусклой лампы.

– Незнакомо все?

Улыбнулся в ответ, пожал плечами.

– Уже немного знакомо, Берт.

Она посмотрела на меня, подперев ладонью подбородок, снова шепнула.

– Как тебе тут, милый?

– Это дом. Так чувствую, – твердо повторил, глядя ей в глаза, – это дом.

– Да, Клайд. – Роберта накрыла ладонью мою руку, ласково погладила, – ты дома. Хочешь ещё чаю?

– А рулета больше нет? – жалобно так спрашиваю.

Берта рассмеялась и показала язык, вот ведь смешная...

– Ты все съел, обжора!

В ответ делаю умильное лицо раскаивающегося Робин Бобин Барабека, Берта смеется еще веселее. Отходит, слава Бо-

гу...

– И конфеты съели...

– Все съели и спать теперь хочу, – она сладко зевнула, прикрыла рот ладонью.

Увидев это, я тоже внезапно ощутил, насколько устал... Адреналин схлынул, захотелось тишины и покоя, и Роберта чтобы мирно сопела рядом, положив голову на плечо. А она посмотрела как-то странно, пальцы затеребили платок, глаза нерешительно забегали по комнате.

– Спать идем?

– Клайд, я...

Берта оглядывается, беспомощно и робко, на угол, где кровать. Второй в комнате нет. Дивана нет. Кресла тоже нет. А она, такое впечатление, ждет, что они сейчас из воздуха появятся. Ее пальцы оставили платок и начали бесцельно перебирать бахрому скатерти... Лицо очень сосредоточенное стало, серьезное, подбородок заострился. Милая ты моя... Накрываю ее руку ладонью, остановив. Почувствовал, что она слегка вздрогнула, вот медленно высвободилась. Шепнул.

– Берт, что с тобой?

– Клайд, я...

– Боишься чего-то? Из-за кровати? Я на полу лягу и ничего страшного. Хорошо?

Роберта только головой качнула, глаза подозрительно заблестели. Молчит.

– Солнышко, ну что с тобой? Если в этом дело, то...

– Отвернись, пожалуйста, – и ее щеки заливает густая краска.

Не говоря больше ни слова поворачиваюсь к окну, пряча улыбку. Хотя это не смешно, она сейчас одна с незнакомцем и ситуация, что ни говори, на грани абсурда... Ей сейчас нелегко приходится.

– И не поворачивайся, пока не скажу, – в комнате гаснет свет и до меня доносится характерный шелест снимаемого платья. Делаю шаг к окну. Шелест испуганно затихает...

– Берта, ты же просила не поворачиваться, я и не повернусь, пока не скажешь.

Подхожу к окну и раскрываю занавески.

– Клайд, закрой!

Тональность шелеста из жесткой стала мягкой, саржа явно сменилась шелком.

– Не бойся, у нас же темно, снаружи видно только черное стекло. Не спать же с закрытыми занавесками, как в коробке.

Не отвечает, и мягкий шелест устраивается под чем-то толстым, негромко скрипнуло.

– Поворачивайся.

Занавески распахнуты, в комнату проник уютный серебристый свет дальних фонарей, тени причудливо исказили привычные очертания мебели, стен. Кровать в дальнем углу, в ней лежит Роберта, спрятавшись под толстым одеялом,

натянутым до подбородка. Смутно белеет серьезное лицо и глаза блестят, смотрит на меня внимательно и немного настороженно. Ей сейчас не очень спокойно тут со мной, не по себе, возможно, и просто боится... Но пора и мне располагаться, вот, как раз под окном будет хорошо и от кровати подальше. Взялся за край ковра, намереваясь сложить его вдвое и просить Роберту поделиться подушкой. Не проблема, скоротаю до утра, бывало куда хуже... И только выпрямился, из угла донёсся громкий шепот.

– Иди сюда.

Роберта откинула край одеяла, отодвинувшись к стене. Я замер, не веря тому, что увидел и услышал. Берт... Ну, не надо, не сейчас...

– Я правда могу на полу, все в порядке.

– Иди...

И она плотнее завернулась в одеяло. Ну что, подождать, пока в третий раз позовет? Так ведь в итоге и на пол отправит. Это додумываю, уже снимая пиджак... брюки... Поглядываю на Роберту, надеясь угадать по ее реакции, когда надо остановиться. Отвернулась... Оставил рубашку и, разумеется, все остальное. Медленно подошёл к кровати, вижу, как ее пальцы сжали край одеяла, словно стараясь ещё плотнее его натянуть. Тихо скользнул к ней. Оба вытянулись в паре сантиметров друг от друга, молчим. И как же трудно преодолеть эти сантиметры так, чтобы без страха, без стыда, без сомне-

ний и тревог. Лежим такие близкие... И пока далёкие, оба словно ждем чего-то. Кончики пальцев коснулись ее руки, почувствовал, как она чуть вздрогнула. Замер... Заберёт? Оставит? Может, не надо? Пальцы не слушают голос разума, медленно находят ее ладонь, касаются... Маленькая, теплая... Чувствую, как ее пальцы несмело, осторожно сжали мои, переплелись с ними. Прикрыл глаза, напряжение ушло, стало тепло, спокойно. Ее рука в моей... Нежное, ласковое прикосновение...

– Как твое имя?

А ведь я ждал этого вопроса.

– Скажу тебе его, обязательно скажу.

– Но не сейчас? Почему?

– Ты можешь случайно меня им назвать при других, а этого допустить нельзя. Ведь для всех, кроме тебя, я – это он... Ты все узнаешь, Берта, обещаю, только... Дай нам время... Немного времени...

Слышен вздох и в нем чувствуется многое – она немного разочарована, обижена. Ей любопытно и страшно. Да, она немного боится меня и это естественно. Угадываю даже облегчение в этом вздохе, потому что назови я имя – и это позволение спрашивать дальше. Она боится и отступила. Пока отступила, а ведь еще не все опасные вопросы заданы. Самый главный, боюсь, впереди. Она задаст его, когда-нибудь. Хорошо бы лет через десять...

– Обними меня... Клайд... Только... Только обними...

И она, решившись, повернулась ко мне, робко прижалась, положив голову на плечо, такая теплая и домашняя. Никаких мыслей о чем-то большем, не сейчас, ещё не время. Я подожду, сколько нужно, мы подождем. Вот легонько и ласково поцеловала, затихла, успокоившись. Под моей ладонью – гладкий шелк рубашки, ее ладонь – на моей груди и щека – на плече. И глаза близко-близко. Дыхание смешивается с моим... Щекочущее прикосновение волос... Мы – одно, так будет всегда. И горе тем, кто посмеет помешать. Шепнул ей.

– Что не засыпаешь?

Она заворочалась, устраиваясь удобнее, обнял ее немного смелее. Почувствовал, как и она немного расслабилась, прижалась доверчивее.

– Не засыпается, милый... Скажи...

– Что?

– Здесь, у меня... Ты ничего не чувствуешь? Страшно... А если... – она замолчала и уткнулась лицом в мое плечо, – страшно так... На миг обрести счастье и...

– Тсс... – положил палец ей на губы, остановив, – перестань, не чувствую я ничего. Тут – только мы, ты и я. Здесь – наша крепость, дом. Пусть пока вот так, украдкой по ночам, но... Дом.

Роберта задумалась, помолчала. И медленно кивнула, ее

глаза на миг осветились странным огоньком.

– Значит, ему ничего здесь не принадлежит, – она остановилась, ее пальцы слегка сжались на моей груди, – и не принадлежало по-настоящему...

Да, она права. И снова – все сказала сама. Какой же она может быть сильной... Решившись, идёт до конца. Не умеет ни лгать, ни кривить душой. Невольно прислушался – ничего. Ни эха, ни зова. Ничего. Ему нет здесь места, оно – наше с Робертой. Она принадлежит мне, а я – ей.

– Да, Берт. Ему здесь больше ничего не принадлежит. Он не вернётся. Никогда.

– Обещай мне это.

– Обещаю. Веришь?

– Да. Обними меня крепче... Хочу чувствовать даже во сне, что ты рядом.

Усталость и все пережитое взяли свое – ее глаза закрылись, послышалось тихое спокойное дыхание. И еле слышно, шепотом, не просыпаясь – "не отдавай..."

Роберта заснула. Еще долго смотрел на ее лицо, ставшее детски безмятежным. Когда последний раз она спала так спокойно? Бог весть... Спи, солнышко. Спи, а я еще на тебя посмотрю...

Глава 12

Тихое дыхание Роберты убаюкивает. Мои пальцы осторожно гладят шелковистые волосы, медленно, опасаясь разбудить. Смотрю на ее лицо и вижу, что оно становится еще более умиротворённым, губы даже слегка улыбаются, видит какой-нибудь хороший сон? О чем? Может, она сейчас сидит у своего детского костра, мечтает о принце... Или венчается в красивой церкви под звуки органа, рядом счастливые родители, друзья, гости... Девочка... Ничего этого не будет. Орган, быть может, и заиграет, но будем мы, священник и наши свидетели. Не о том ты мечтала... Отгоняю грустные мысли. Спать пора... Спать... Последнее, что слышал, медленно проваливаясь в теплую дрему, было мерное тикание стенных часов.

Сон ушел мгновенно, нахлынул страх, веки судорожно сжались, вместо того, чтобы открыться. Страх... Вот открою глаза – и увижу, что все было жестокой игрой воображения, я никуда не переносился, не было ничего... Ничего. Роберта, ночные улицы Ликурга, горящие письма, клятва над огнем, ее теплое дыхание в полумраке тихой комнаты, щека, доверчиво прижавшаяся к плечу – все это было сном, наваждением. Внезапно проснувшейся памятью о книге на коле-

нях, слезах, детской наивной любви...

Открываю глаза. В окно заглядывает серый сумрачный рассвет, в комнате холодно, под утро все еще подмораживает, несмотря на конец апреля. Роберта крепко спит, по-моему, за все время она даже не пошевелилась, обнимая меня и положив голову на плечо. Словно боялась отпустить даже на миг... Оох... «Неврит влюбленных» на сегодня мне обеспечен, рука совсем онемела, не удерживаюсь и тихо смеюсь, откинув голову на подушку. Это не сон, я здесь, я дома. Дома? Снова накрыл страх – сейчас Роберта проснется и... Что будет? При свете наступающего утра многое иногда видится и чувствуется иначе. Что, если она передумает? Вот откроет глаза, а в них появится страх... стыд... смущение... досада... Да что угодно, кроме того, что было ночью. Пожмет плечами, потупится, отвернется – и попросит уйти. И что тогда? Уговаривать, убеждать? В чем? Страшно... Роберта пошевелилась... Ее голова приподнялась, глаза с отчетливым усилием разлепились, сухие со сна губы прошептали.

– Клайд, уже утро?

Прикрыл глаза, не веря тому, что услышал. И все? Все? Незаметно перевел дух и осторожно высвободил руку. Шепот прервался сладким зевком, поспать бы ей минут триста. Хотя это мне пора, а Берте еще рано вставать.

– Утро, милая, но ты поспи часик, это мне надо исчезать.

Она привсталала, прикрывшись одеялом, и посмотрела на стенные часы.

– Ой, как рано, пять утра, – упала обратно на подушку, совсем по-детски подложив ладонь под щеку и свернувшись клубочком, глаза закрылись, послышалось тихое сопение.

Наблюдаю за метаморфозами сонной Роберты с улыбкой, совсем вымоталась за эти два дня, а до этого... Когда вообще она последний раз нормально спокойно спала?

– Берта, я встаю, надо идти.

Молчание. Заснула? Не пытаюсь проверить, сажусь на кровати и начинаю быстро одеваться, поглядывая на окно и прислушиваясь к тишине за стенами комнаты. Нет движения, хорошо. Быстрее. Надо бы посетить заведение за дверью слева, туда Берта отлучалась. Скосил на нее глаза, спит. Осторожно подоткнул одеяло, ладно, потерплю до квартиры, все равно надо туда забежать. Не будем Берту шокировать таким нарушением приватности, она ко мне привыкнуть должна, да и я к ней. Ну, двинули? Будить, прощаться? Жалко. Спи, родная, только не проспай у меня. Осторожно наклоняюсь и мягко целую доступное местечко за ушком, она заворочалась и закопалась с головой. Взгляд привлекли резче проступившие очертания тела под одеялом, тряхнул головой, не о том думаю... Усмехаюсь и подхожу к окну, две половицы скрипят, засек вчера, автоматически перешагиваю через них. Оглядываю улицу, никого. Право – чисто, лево –

чисто. Прямо – чисто. Еще один круг. Чисто.

– Клайд...

Застываю. Медленно оборачиваюсь. Роберта стоит передо мной, завернувшись в одеяло, волосы в беспорядке падают на лицо, убирает их ладонью. Глаза широко открыты и никаких следов сна, от этого взгляда по спине прошел озноб. Сердце упало... Вот, сейчас...

– Берт, что случилось, почему вскочила?

Подошла совсем близко и взяла мои руки в свои.

– Ты идешь туда?

Понял сразу, о чем она и почему...

– Мне же нужно переодеться и кое-что взять, умыться, побриться, в конце концов.

В подтверждение провожу по щеке пальцем, в самом деле надо.

– Берта, это ненадолго, полчаса максимум и бегу на фабрику. Не волнуйся.

– Я иду с тобой.

Ничего себе...

– Перестань, ничего со мной не случится, не бойся.

– Я иду с тобой. И кончено.

Ее знаменитое упрямство... Роберта подошла к шкафу, вытащила из него платье и еще какие-то принадлежности. Подошёл к ней, тихо обнял сзади. Она вздрогнула и вдруг обернулась ко мне, одеяло упало на пол, даже не попыталась

его подхватить, оставшись босиком, в рубашке.

– Шш, девочка моя, ну что с тобой... – ласково шепчу и глажу по голове, укутываю снова, привлёк к себе, пытаюсь успокоить.

– Клайд, милый, я...

– Что? Не молчи, говори...

Время уходит, сейчас проснутся Гилпины, по улице пойдёт движение, уже совсем светло. Но как уйти...

– Говори...

– Клайд... Я не знаю... Я хочу пойти с тобой. Чувствую так.

Берта сильнее прижалась ко мне, как будто не хочет отпускать. Вот оно что, вдруг понимаю...

– Ты хочешь увидеть, кем я оттуда выйду. Да?

Она ничего не ответила и только кивнула. Маленькая моя... Теперь новый страх. Когда же это кончится, что мне сделать, чтобы ты обрела покой и просто счастье... Но пора брать себя в руки. Берту – тоже, того и гляди расплачется... При этом чувствую совершенно идиотскую радость от того, что она на грани слез – ведь это из-за меня. Меня!

– Слушай меня внимательно, Берта.

Снова молча кивает.

– Вместе мы пойти не можем, нас неминуемо увидят. А этого допустить нельзя. И мне через несколько минут надо выйти. Одному. Поняла?

Кивок.

– Он ничего мне не сделает и вернуться не сможет, если ты этого опасаясь. Он – не вернется. Я этого не допущу.

– Как ты это не допустишь, как?

Роберта сжала кулачки и подняла руки так, как будто захотела меня ударить.

– Все просто.

– Скажи мне, я должна знать.

– Если почувствую, что он берет верх, успею убить себя.

Я не дам ему вернуться, Роберта.

Тишина. Прежде, чем Роберта что-то успела сказать или сделать, крепко взял ее за плечи и встряхнул.

– Он. Ничего. Нам. Не. Сделает. Поняла? Ты веришь мне?

Веришь?

Взял ее лицо в ладони и крепко-крепко поцеловал в губы. Так, чтобы дыхание захватило, чтобы от мягкого влажного прикосновения закружилась голова... Чтобы в глазах потемнело, в широко открытых серо-голубых глазах... Роберта коротко простонала, дыхание участилось, я с усилием заставил себя отпустить ее... Несколько мгновений мы оба не могли ничего сказать.

– Я верю тебе. Но знай и ты...

– Говори.

– Если все же... Нет, дай сказать. Не делай ничего. Если я увижу, почувствую, что тебя нет... Просто сразу уеду, далеко-далеко... Но сначала – уничтожу его, я расскажу всем. Всем! Как он со мной поступил... Расскажу его дяде, Сон-

дре... Молчи! Не бойся за меня, я сильная и справлюсь. Теперь – справлюсь. А ты... Если когда-нибудь вернешься... Ты найдешь меня? Ведь найдешь? И однажды вечером в мое стекло ударит камешек. Я буду ждать. Буду ждать хоть всю жизнь. Молчи! Да, мы вместе всего два дня, это очень мало, я ничего о тебе не знаю... Это, наверное, безумие, но... Так решила. А если... Обещай, что вернешься, что найдешь меня. Ты обещал! Обещал, что никогда меня не оставишь! Ты поклялся!

В последних словах так сильно прозвучала обида, отчаянная обида ребенка, чьи мечты в очередной раз рухнули, что сердце отозвалось болью, ноющей тоскливой болью. Ее губы задрожали, закусила их, сдерживаясь из последних сил.

– Не оставлю тебя. Никогда. Обещаю.

Глаза к глазам. Видишь, родная, веришь?

– Поцелуй меня еще раз и иди. Я буду ждать тебя на фабрике.

– И я буду тем же, что и сейчас. Обещаю.

Роберта только вздохнула и обвила мою шею руками. Долгий-долгий поцелуй, как же кружится голова от объятия, тепла ее тела, запаха волос, прикосновения губ...

– Иди.

И в следующую минуту я выскользнул на безлюдную улицу, быстро зашагал в сторону центра города. Образы чередой пошли перед мысленным взором. Вот стол и письма... Вот

зеркало, это проклятое зеркало. Шкаф с вещами... Вся комната целиком... Черт, я же просто иду умыться, побриться и переодеться. Что нашло на Роберту и меня следом за ней? Он... Что он может, кроме шепота в голове на грани слышимости? Ничего? А если я ошибаюсь и он может как-то напасть изнутри, вернуться, изгнать меня обратно? Ну, пусть рискнет. Я пойду до конца. Он знает, кто я и на что способен. Так что... Но все равно что-то мешает полностью успокоиться. Пришло понимание – это только начало. С Клайдом надо кончать. Убить. Уничтожить. Как? Священника позвать, индейского шамана, колдуна, негра-вудуиста из Нового Орлеана? Бред какой... Уверен, что бред? Пока не знаю. И это прощание, ее слова, взгляд... Ведь всерьез собралась бежать, если что... Мотнул головой, надо прийти в себя, вот и Джефферсон. Это – мой последний сюда визит в качестве жильца, сегодня я перееду. Не знаю куда, но подальше отсюда. Да хоть и к Роберте, не проблема какое-то время у нее ночевать, пока все не наладится. Это додумываю, уже быстро умываюсь. Бриться... Намыливаю лицо и беру бритву, опасная, хорошее лезвие. Приближаю лицо к зеркалу и смотрю в глаза своему отражению. Не хочешь попробовать сломать меня, крыса? И подношу бритву к шее. Ну! Одно движение, и все. Давай? Кто быстрее? Держу боевым хватом, я всерьез готов действовать, прости меня, девочка, если что... Ты узнаешь, что я был с тобой до конца и не дал ему вернуться. Лезвие аккуратно ложится на шею, сбоку, артерия прямо под ним.

Ну! Молчание. Звонящая тишина. Слабое эхо. Слова? Голос? Тишина. Еще несколько секунд пристально смотрю в глубину зеркала. Тишина. И безмятежно начинаю бриться, мельком глянув на часы. Скоро выходить, как там Роберта, тоже уже собирается, надеюсь, не проспала. Вымотали ее наши ночные похождения, да и все предыдущее, пора входить в нормальный режим. Питаться получше, гулять побольше, свежим воздухом дышать. И поменьше нервничать, оо, ну да, ну да... Блажен, кто верует...

Быстро одеваюсь, собрал вещи из шкафа, связал их в большой узел. Опустошил стол, сформировал второй узел. Рывком выдернул глубоко засевший нож, взгляделся в фото Сондры, запоминая лицо. Красивая девочка. Жаль тебя, ты ни в чем не виновата. Но никому не будет легко, прости. Тебе – тоже. Быстро оглядываю опустевшую комнату. Вроде, собрал все. Два больших узла оставляю прямо на полу посреди комнаты. Взгляд падает на почтовый ящик, он прикреплен к двери и миссис Пейтон просто кидает в него письма через отверстие, очень удобно. Заглядываю, там письмо, пришло вчера. Смотрю на адресат. И кладу его в карман пальто, не распечатывая, нет времени. Пора на выход, половина восьмого. Берта уже идет на фабрику и вся извелась, небось меня похоронила уже и прикидывает, куда бежать при виде вернувшегося Клайди-маленького. Застегнул пальто и снова подошел к зеркалу, с усмешкой посмотрел в него и тихо

произнес.

– Ты угадал, Клайд, она готова уехать. Подальше от тебя, если сумеешь пролезть обратно. А перед отъездом – уничтожит тебя, расскажет про твои подвиги. Дяде. Сондре. Всем. Она сможет это сделать, мальчик. Теперь – сможет. Что скажешь, крыса? Понимаю, что тебе уже плевать на позор и последующую нищету, лишь бы вернуться... Но ты – не вернешься.

Тишина.

Вышел на улицу, уже заполненную утренним рабочим людом, и спокойно влился в поток, надвинув шляпу на лоб, не надо мне пока встреч и разговоров, я не готов. А вот ты мне нужен как раз...

– Хэлло, мистер Шорт! Как поживаете?

Хозяин магазина одежды обернулся на мой голос, улыбнулся и вежливо поклонился, оставив жалюзи витрины, которые он поднимал, когда я подошёл.

– Отлично, отлично, мистер Гриффитс. Вчера думал, вы заглянете.

– Много дел на фабрике, но сегодня зайду непременно и озадачу заказом. Готовы?

Шорт расцвел улыбкой и готовностью свернуть ради меня

горы и достать луну с неба.

— Буду вас ждать с нетерпением и всем нашим ассортиментом.

Приподнимаю шляпу и слегка кланяюсь, одарив его поощрительной улыбкой. Отмечаю, что жесты вежливости уже идут практически на автомате, хорошо.

А вот и ворота фабрики, выглядываю в толпе Роберту. Вижу моих девушек, вон Марта, свят-свят, ниже надвигаю шляпу. Вон Йордис, ее издалека видно, валькирия шествует, витая в Валгалле. Невольно ухмыльнулся, пройдясь взглядом по статной фигуре, внушительные достоинства которой не скрывает легкий весенний плащ. Оливия... Кэтрин... Идут, щебечут о чем-то... Начинаю волноваться, где Роберта? Уже вошла? Еще идет? Проспала? Да нет, какое там спать, я ее в полном драматизме оставил, провожала бриться, как на войну... Ох, солнышко ты мое... Вон идет. Все то же пальтишко... Надо новое покупать... Кто это с ней? Слегка ускорюсь, чтобы обогнать параллельным курсом. Так... Ольга. Идут рядышком и о чем-то тихо говорят. Точнее, сейчас говорит Ольга, Берта пытается слушать, но ее мысли далеко. Вот односложно ответила, явно невпопад, Ольга вздохнула, и молча пошли дальше. Однако что там между ними, надо будет спросить, обязательно. Если они дружат, я только за. Лицо Роберты мне не очень понравилось, бледная, хмурая, губы сжаты, глаза так и бегают по сторонам. Меня ищет...

Вот и моя выгородка, на этот раз незаметно обошел Роберту, пусть она меня увидит сразу, когда зайдет в цех. И так уже наверняка в голове себе всяких ужасов нарисовала, вроде Клайди, восседающего в конторке и пустым взглядом смотрящего мимо нее. Ну-ну... А ведь, если что, очень недолго ему тут доведется сидеть. Вспоминаю сдвинутые брови и решительно сжатые губы. Прямо сейчас бы пошла к Гилберту? Берта, не нужно никуда идти, вот он я, жду тебя и все в порядке. Она накрывает меня прямо от входа своими прожекторами, на полную мощность. Ой, мама... Может, просто кинешься при всех на шею? Одернул себя, она же сейчас всерьез гадает, это я или уже не я. Надо дать ей понять, что все в порядке, пишу записку.

«Берт, солнышко, все в порядке. ЭТО Я. А теперь работай спокойно и хорошо. Сегодня 40 упаковок. Это приказ. Единственный и неповторимый Клайд.»

Выхожу в цех и неторопливо делаю первый обход, пошел поток воротничков. Еще раз приглядываюсь к столам, стульям, проверяя вчерашние наблюдения. Да, я не ошибся. То одна, то другая делают остановки, и вызвано это не ленью. Отлично. Поравнялся с Робертой, она опять ковыряется, ну что ты будешь делать... Нельзя ей сейчас нарываться. Я, конечно, прикрою ущерб, уже и схему придумал. Но лучше

просто сидеть тихо и вырабатывать норму. Вижу, как ее глаза так и впились в меня. Старается угадать, я ли это? Или уже нет... Кидаю на коленки записку и прохожу к себе. Раскрываю для вида журнал и смотрю. Уже прочла, не утерпела. Опускаю лицо в журнал, скрывая улыбку при виде Роберты, которая замолотила штампом не хуже Йордис. Переждав пару мгновений, поднял взгляд и успел увидеть показанный мне кончик язычка, нахмурился и сделал грозное лицо, она прыснула и снова уткнулась в воротнички. Ну не отшлепать ее? Давай, работай...

Так прошло два часа, я уже вполне освоился, по ходу кое-что набросал на листе бумаги, уже на автомате распределяя кольца. Берта взяла отличный темп, к завтраку уже двенадцать упаковок, так будет даже больше сорока. Так, скоро десять, что с завтраком? Как это подумал, мне захотелось себя от души выmaterить. Завтрак? Так она вчера запасы на ужин пустила и я все сожрал. Опять на водичке сидеть будет. А деньги на обед она хоть с собой взять догадалась? Сдача со вчерашней пятерки должна быть в сумочке. Больше на самотек это пускать не буду. И вообще, милый, не делай-ка из нее совсем уж несмышленную малышку, она взрослая девица, ей двадцать три года, и... Мысли оборвались.

В цех вошли несколько человек. Трое. Девчонки подтянулись и стали еще сосредоточенней штамповать. Трое. Ли-

гет. Взглянув на второго, я как будто увидел свое слегка измененное отражение. Гилберт. Третий. Полный неторопливо шествующий господин, небрежно поигрывающий цепочкой часов. Мой дядя. Сэмюэл Грифитс.

Глава 13

Медленно встаю из-за стола. Лигет идет первым и мне хорошо видно его лицо, оно может сказать очень многое. На нем должно быть отражение реакции Гилберта на доклад о нашем разговоре. Ну и каково оно, это отражение? Лигет спокоен, враждебности не излучает. Но и только. Будет выдерживать нейтралитет, меня не поддержит, пока не убедится в благожелательности Гилберта. Мысли проносятся одна за другой, наперегонки с приближающейся троицей. Роберта вскидывает на меня испуганные глаза, ничего, переживём и это. Прикрываю веки и коротко киваю – работай! Все хорошо. Берт, только держи себя в руках, прошу. И последняя мысль перед тем, как они вошли – кто я? Остаться прежним в их глазах и тихо существовать дальше, вежливо презираемым ничтожеством? Или – поднять голову, быть собой? Роберта так смотрит... В ее глазах страх... И вера. Вера в меня, что не подведу, не обману. Она так смотрит... Остаться прежним? Перемениться? Я ведь уже все решил. Просто сейчас надо делать первый шаг длинного пути, необратимый шаг. После него отыграть назад – не выйдет. Мысли прочь, они уже тут.

– Ну, здравствуйте, дорогой племянник! – дядюшкин ба-

ритон, казалось, заполнил собой всю комнату.

Обмениваемся рукопожатием, отмечаю, что оно вполне дружеское. Хорошо. Гилберт руки не протягивает, останавливается поодаль, наособицу. Вот и они. Отец и сын. Глаза у обоих – серые, с холодком. Только у старшего они уже выцвели, стали прозрачными – и оттого с налетом благодушия. У Гилберта – глубокий насыщенный цвет стали, никакой мягкости. Острота, ирония, жесткая непреклонность. Впечатление усиливают острый подбородок, слегка впалые щеки и плотно сжатые губы. Светло-серый костюм, кремовая рубашка, безукоризненно повязанный галстук, прическа волосок к волоску. Мысленно хмыкнул, покосившись на свой пиджак, кривовато висящий на спинке стула, на свои руки и закатанные до локтей рукава. А, еще рубашка расстегнута на две пуговицы, галстук же вообще упрятан во внутренний карман пиджака, не люблю их...

– Добрый день, мистер Гриффитс!

Лигет занимает позицию на равном удалении от всех, лицо подчеркнуто внимательное. Ко всем. На всякий случай. Дорого бы дал, чтобы узнать, что Лигет сказал Гилберту и что услышал в ответ.

– Добрый день, сэр.

Возвращаю приветствие дяде и киваю Гилберту, Лигет получает самую нейтральную улыбку, не будем подставлять беднягу. Гилберт на кивок не реагирует. Присаживаюсь на

краешек стола и спокойно жду продолжения. Молча. Что-то промелькнуло в глазах двоюродного брата, удивленное. Конечно, я же тебя скопировал сейчас, родственничек, узнал повадку? Умница. Нет, он хорош, крепкого замеса парень. Начинает нравиться. Молчание затягивается и я не проявляю ни малейшего нетерпения или неловкости. Ко мне пришли – начинайте. Дядя намек понял, улыбнулся, оглядев всех нас.

– Как тут у вас идут дела, Клайд?

– Все в порядке, работа идет без отклонений и происшествий.

Произношу эту простую фразу, наблюдая за лицом Гилберта. Оценит? Оценил, его глаза слегка расширились, голова склонилась набок, пригляделся внимательнее. Клайд никогда так себя не вел и никогда так не говорил, Лигет не преувеличил – эти мысли без труда читаю в его взгляде.

– И как вам работа в этом отделении, не кажется монотонной, скучной?

– Отнюдь, ведь хоть это и маленькое подразделение в рамках цеха мистера Лигета, но именно через него идет поток воротничков далее на упаковку и к розничным продавцам. Таким образом, здесь – одна из ключевых позиций производства.

Легкий поклон в сторону мистера Лигета.

Стало очень тихо. Пауза затянулась и решаю ее прервать.

– Очень давно хотел при случае поблагодарить вас, дядя,

и вас, Гилберт, за оказанное мне доверие.

Легкий поклон в сторону дяди и братца.

– Лигет, оставьте нас. И позовите мисс Тодд, пожалуйста, – Гилберт произнес это отрывисто и властно.

Меня сейчас уволят? Дорогая, не бойся, я и грузчиком могу. Или научу тебя чистить пистолеты, станем «Бертой и Клайдом», возьмём банк и рванем в Канаду. Я серьёзно.

– Почему вы считаете это отделение таким важным, Клайд?

Дядя принял тон. Как и Лигет. Победа? Нет. Тут рулит Гилберт, пока он не даст отмашку, дела не будет.

– Возможно, вам просто слегка вскружило голову руководство? – Гилберт вмешался, решительно перебив доброжелательный настрой беседы откровенно насмешливым тоном.

– Скорее, видимость руководства, не так ли? – позволяю себе слегка улыбнуться.

Краска прилила к бледным щекам двоюродного брата, он набрал воздух явно для какой-то ответной резкости.

– Стоп, стоп, прекратите, слышите?

Дядя повысил голос и положил руку Гилберту на плечо, успокаивая.

– Вы, племянник, тоже держитесь в рамках, настоятельно прошу вас об этом.

А ведь ему нравится происходящее... Потому и пришел вместе со всеми, позиции Гилберта незыблемы и таковыми

останутся, несомненно, но почему бы слегка не щелкнуть сына по носу? Чтоб служба медом не казалась.

– Отец, я тебе говорил...

Дядя властно поднял руку, его светло-серые глаза потемнели. Гилберт замолчал. Сразу. Ого... Вот тебе и добродушный хозяин – во взгляде словно грозовая туча сгустилась, шарахнет молнией – мало не покажется. Никому из присутствующих.

– Племянник, сказать вам, что мой сын думает касательно вас и вашего пребывания на фабрике? Он сообщил мне это по дороге сюда.

Молча киваю. Не надо сейчас говорить. Гилберт бесстрастно смотрит в окно.

– Он посоветовал мне выкинуть вас прочь. Что вы на это скажете?

– Скажу, что не удивлен, – ответил нарочито спокойно.

– Вот как? Почему же? Разве у вас тут были проблемы, нарушения, происшествия, недочеты?

Умеет дядя давить, умеет. Однако не надо о проблемах, еще журнал откроет, а там...

– Не удивлен потому, что мое положение тут очень непрочное и всецело зависит от расположения семьи. Сегодня я тут, а завтра – уволен.

Губы Гилберта презрительно скривились, он снисходительно посмотрел на меня – а что же ты ждал-то, приبلуда?

– Ошибаетесь. Клайд, вы меня не слушаете?

Попался. Попался!

– Слушаю очень внимательно, дядя.

Гилберт побледнел – я только что впервые обратился к Гриффитсу-старшему по-семейному.

– Ваше положение здесь всецело зависит от того, как вы исполняете свою работу, как работает вверенное вам отделение, достойно ли вы представляете семью, наконец. Вы это понимаете?

– Разумеется. И именно поэтому я позволил себе в разговоре с мистером Лигетом упомянуть о некоторых соображениях касательно улучшения работы этого самого отделения.

Гилберт скривился вторично.

– Какими соображениями вы можете нас обогатить, Клайд? Вы же ничего не знаете, нигде не учились, не имеете никакого образования! Даже эту должность вы получили не по заслугам, а случайно.

А ты горячишься, братец. Где твоя бесстрастность?

– Потратьте толику времени и сами решите, обогатят они вас или нет. А диплом, в конце концов, это просто красивый кусок типографской бумаги, не более. Родоначальники Морганов не блистали образованием и не учились в Принстоне.

Дядя с братом переглянулись. И в конторке раздался громовой хохот мистера Гриффитса-старшего. Я правильно вспомнил, Принстон? Девчонки в цеху от неожиданности прекратили работать и разом подняли головы. Глаза Робер-

ты нашли меня и я постарался ответным взглядом передать – все хорошо! Она опустила голову и бодро застучала штампом.

– Получил, сынок?

Отсмеявшись, дядя прошелся по кабинету, выглянул в цех. Как раз вернулись Лигет и мисс Тодд. Незаметно кинул на нее внимательный взгляд. Вот и она – этакая матрона, плотная, невысокая, в очках, поджатые тонкие губы. На мгновение стало неуютно в ее присутствии.

– Ну вот, мисс Тодд, последите пока тут за порядком, мы забираем мистера Клайда на некоторое время.

– Конечно, я все сделаю, – она зашла внутрь и по-хозяйски заняла мое место. Стало тоскливо, вернусь ли сюда вообще? Поединок в разгаре и исход очень неясен, Гилберт в ярости. И кто за язык тянул с этим Принстоном? Переговорщик, твою мать...

– Итак, Клайд, мы вас слушаем. Говорите вы красиво, но пока это только слова. Излагайте ваши таинственные сообщения. Лигет, оставайтесь!

Я подошел к выходу в цех и сделал приглашающий жест. Мы вышли к девушкам и я начал обход.

– Последние недели я наблюдаю, разумеется, не за счет основных обязанностей, за тем, как распределяется рабочее время девушек.

Как раз во время этого вступления я поравнялся с Робер-

той. Услышав про «последние недели», она сделала круглые глаза от удивления. И прыснула от смеха, поняв, что я делаю. Украдкой показываю ей кулак, она утыкается в воротнички, плечи ее трясутся. Ну, я тебе задам, девчонка...

– Иными словами, я хотел узнать, нет ли неоправданных простоев, замедлений работы.

– То есть, нет ли нарушений дисциплины, не ленятся ли девушки? – дядя остановился и стал присматриваться к тому, как работает Марта. Ты на что там загляделся, а?

– О, нет, проблем с дисциплиной у нас нет и не было.

– Тогда о чем идет речь? – нетерпеливо спросил Гилберт. Интересно стало?

– Речь о том, что я заметил остановки в работе, вызванные не ленью, не нерадивостью.

Делаю паузу.

– Чем они вызваны, Клайд?

И вам стало интересно, мистер Гриффитс?

– Болью, дядя.

– Чем?

Он явно обескуражен.

– Болью. Усталостью. Болью в спине и руках, усталостью в глазах.

Гилберт пренебрежительно усмехнулся.

– Тоже мне открытие, работницы устают... Ради этого мы тут тратим свое время?

– Работницы могут уставать меньше и производить боль-

ше, их руки могут работать с меньшей болью и не делать остановок посреди рабочего процесса, Гилберт.

И усмешка медленно исчезла с его лица. Резко я... Но пора ставить себя.

– Поясни еще раз насчет остановок работы, Клайд.

Гилберт удивленно посмотрел на отца, я тоже. Он обратился ко мне на «ты». Впервые. Не расслабляться.

– Сюда идет поток воротничков, около ста тысяч в день, так?

Дядя вопросительно взглянул на сына, Гилберт кивнул.

– Очень важно, чтобы процесс был ровным и непрерывным. Каждая работница штампует около четырех тысяч воротничков в день.

Говоря это, я начал неспешно прохаживаться по цеху.

– Рабочий день составляет девять часов или пятьсот сорок минут. Таким образом, средняя поминутная выработка составляет около семи воротничков.

Лигет достал блокнот и ручку, ничего себе проняло. Смелый он, однако.

– Когда работница останавливается хотя бы на минуту, это минус семь воротничков из ее возможной выработки в этот день.

– На сколько останавливается работница в день, ты подсчитал?

Дядя подался вперед, он уже все понял. Ну, девочки, простите. Ничего личного.

– В среднем простой составляет около часа.

– Лигет!

Начальник цеха лихорадочно начал подсчет. Он тоже уже все понял. Дядя нетерпеливо посматривает на его блокнот. Я деликатно молчу. Роберта восхищенно на меня смотрит, забыв про всю нашу конспирацию. Кулак показан вторично. Но при этом сердиться на нее совершенно не хочется, ведь этот лучащийся взгляд, этот румянец на щеках, эта улыбка – мне. Мне!

– Более десяти тысяч в день, мистер Грифитс.

Лигет вытирает выступивший на лбу пот.

– То есть мы теряем пятьдесят тысяч воротничков в неделю или двести тысяч в месяц?

Лигет молча кивнул. Гилберт ничего не сказал.

– Не теряем, дядя, – позволяю себе вмешаться.

– А что же?

– Мы их недополучаем. Если бы не этот простой, девушки могли бы вырабатывать больше.

Все, меня тут возненавидят... Переживу.

– Так. Хорошо. Теперь изложи причину простоя и почему бы мне не выгнать всех работниц и не набрать новых, порас-
торопнее.

Грифитс-старший шумно выдохнул воздух и грозно посмотрел на девчонок. Те дружно опустили головы и постарались уйти в работу. Получалось ни шатко, ни валко.

– Выгонять бессмысленно, новые работницы также будут простаивать этот час.

– Почему же?

Уфф... Проняло железную душу, Гилберт вмешался. Не радуемся, рано.

– Потому что вы замените людей, но не замените то, на чем они сидят и на чем они работают.

– Ты хочешь сказать...

Все. Это Гилберт. На «ты». Я выиграл.

– Да, я хочу сказать, что если сделать стулья удобнее, столы пониже, свет помягче – работницы перестанут страдать от болей в спине, усталости в руках и жжения в глазах. И не будут простаивать по часу в день. Более того, повысится и текущая поминутная выработка, не буду слишком смел, если заговорю не о семи, а о десяти-двенадцати в минуту.

И я набрался нахальства и посмотрел на мистера Лигета, кивнув на его блокнот. Он послушно углубился в подсчеты. Все терпеливо ждут.

– Около ста пятидесяти тысяч в день.

Дядя и Гилберт переглянулись. И оба посмотрели на меня. Лигет нервно затеребил блокнот.

– Клайд, всего лишь переделать стулья, столы и лампы?

– Да.

Ответил коротко и максимально уверенно.

Гилберт подошёл ко мне вплотную и посмотрел в глаза.

– И ты, конечно, готов поручиться за результат?

И я бесстрастно отвечаю ему.

– Нет, не готов.

Удивления он уже не скрывает.

– Не готов, но предлагаю попробовать. Если я неправ – вы решите, что со мной делать.

– А если прав? – дядя кладет руку мне на плечо и разворачивает к себе.

– Вы решите, что со мной делать.

– А ты наглец, – старший Грифитс поворачивается к Гилберту, – ну, что, выгоним его?

– А мы посмотрим на результат его «соображений».

– Значит, так тому и быть, сын.

Грифитс прошелся вдоль столов, приглядываясь, слегка пожал плечами. И вдруг спросил Марту...

– Милочка, вы сильно устаете на штамповке? Может, болит у вас что-нибудь?

Ах ты... Я затаил дыхание. Гилберт подошёл ближе. Марта переводит взгляд с одного на другого. И молчит.

– Она скажет, что все в порядке, дядя, – успел вмешаться, пока не заговорила сама, – они все скажут, что все хорошо. Никто не хочет терять работу.

– Да, ты прав, их ответам доверять не стоит, – сказал Грифитс, подумав, – хорошо, начинай перестраивать отделение. Гилберт, Лигет, содействуйте и держите меня в курсе. И, Клайд, на эти выходные приходи на обед, поговорим еще, я пришлю приглашение с точным временем.

Оо, черт... Хорошо, Берта это слышит сама и не решит, что и я теперь бегаю от нее «к дяде на обед». Но что же делать? У нас совсем другие планы...

За этими мыслями не заметил, что дядя и Лигет уже вышли, о чем-то разговаривая, и ко мне подошёл Гилберт.

– Пройдемся немного, Клайд?

Глава 14

– Давай, милый, рассказывай мне все-все.

Роберта подперла ладошкой подбородок и с улыбкой приготовилась слушать. Тихий вечер за плотно задернутыми занавесками, уютно в треть накала горит лампа. В комнате полумрак, освещен стол, на нем наш уже привычный чай и пирожные, все-таки я зашел по дороге в кондитерскую. Как же хорошо... На Берте ее домашнее платье, то самое, бежевое с полосками, что было надето на ней в первый вечер, когда я к ней так неожиданно ввалился. Чудные пушистые волосы так же, как и тогда, светятся под лампой каштановым ореолом.

– Клайд, ну что ты...

– Что?

– Смотришь так, – Берта смущенно оправила платье и провела ладонью по волосам, – перестань.

– Перестать на тебя смотреть? – склоняю голову набок и делаю жалостное лицо.

– Смотри, но...

– Что?

– Я не знаю, – она окончательно смутилась и покраснела, взяла чашку и отпила чаю, закрыв лицо, – рассказывай.

– Ох, сколько всего было, с чего начать... Пожалуй...

– Клайд, я могу поверить, что ты, встретив отца в Денвере и получив его приглашение, решил почитать о производстве воротничков, дабы не выглядеть тут совсем уж олухом поначалу. Кстати, что именно ты читал? Как называется руководство, кто автор?

Мы медленно идем по дорожке вокруг фабричного корпуса, Гилберт решил не разговаривать в офисе. Услышав этот неожиданный вопрос, я не нашелся, что ответить. Впрочем, Гилберт и не ждет ответ, он продолжает.

– Я могу поверить, что ты, приехав сюда и попав в декатировочную, решил выждать и не суетиться, ждал момента проявить себя.

Я молча иду рядом и не отвечаю, монолог Гилберта пока не предполагает ответа, версия изложена, теперь пусть говорит. Не суетиться, как верно заметил только что двоюродный брат.

– Я опять-таки могу поверить, что, получив это отделение, ты решил, что настал подходящий момент и стал готовиться.

Мы дошли до поворота за угол корпуса и Гилберт остановился, повернувшись ко мне лицом. Чуть наклонился и заглянул мне прямо в глаза. А мы похожи, ох как похожи. В другое время, в другом месте мы бы... Наши взгляды скрестились – темная серая сталь и... Мой взгляд, и я знаю, как он выглядит на этом милом юношеском лице.

– Но я не могу объяснить себе другое, Клайд. Может, ты мне поможешь?

Я слегка отступил, Гилберт подошёл слишком близко. Поймал себя на том, что неосознанно вывел его на расстояние удара, он опасен. И он мне нравится, черт возьми.

– Так задай вопрос, Гилберт.

Он выпрямился и сунул руки в карманы, посмотрел искоса, склонив голову, как будто рассматривает интересный экспонат.

– Хорошо.

Пауза. Я знаю, что он собирается спросить.

– Клайд, как получилось, что ничтожество вроде тебя, которое еще два дня назад пританцовывало не хуже дрессированной собачки перед третьестепенным фабричным начальством и смотрело мне в рот так, что хотелось тебя пнуть...

Гилберт цедил слова с обдуманном холодным презрением, не сводя с меня ледяных глаз. Силен. Я ждал подобного, но чтобы так... Ох, силен, тяжело бьет. Где учили, кто? Но он продолжает.

– Как получилось, что полное ничтожество, которое даже никчемные хлыщи с Двенадцатого называют между собой не иначе как «пудельком Сондры»...

Он заметил, что я вздрогнул, его губы брезгливо скривились.

– Как получилось, что это ничтожество внезапно не просто осмелилось поднять голову, не просто внятно сумело из-

ложить действительно дельные предложения по производству... Как оно внезапно изменилось внутренне настолько, что я готов пожать ему руку прямо сейчас? Ну? Что скажешь, пуделек Сондры? Что скажешь, Клайди-маленький?

Я уже взял себя в руки. "Пуделек Сондры"? Кто-то метко припечатал, интересно, кто?

– Скажу, что ты не задал свой главный вопрос, Гил.

Они не дрогнув принял обращение по-семейному, чего уж там, раз пошел разговор глаза в глаза.

– Как интересно... И какой же вопрос я избегаю тебе задать, Клайд?

– Почему я явно не собираюсь проявлять свои внезапные таланты на фабрике пылесосов Финчли через всего-то четыре месяца, Гилберт.

Глаза его расширились, он побледнел.

– Ах ты...

– Тихо, братец!

Гилберт набрал воздух и медленно выдохнул, не произнеся ни слова.

– Так, хорошо. Считаю, что этот вопрос прозвучал.

– Гил, ты же умный человек. Сам не догадываешься?

Никаких оправданий, никаких развернутых объяснений. Пусть думает и додумывает сам. А я помогу. Аккуратно.

– Клайд, ты уже почти официальный жених Сондры, разве не так?

Я рассмеялся, подбавив в смех обдуманную дозу горечи.

– Ничего подобного, ее родители и слышать не захотят о таком зяте, как я.

– Это всем известно, но когда Сондре исполнится восемнадцать, им придется принять ее решение.

И тут Гилберт понял. Решил, что понял.

– Ты передумал и хочешь с ней расстаться?

Ну, давай. Давай!

– Да.

– Но почему? Она действительно любит тебя, конечно, в ее понимании, но любит!

– А ты не допускаешь мысль, что мне надоело быть «пудельком»?

– Допускаю. В свое время она хотела сделать таким пудельком меня.

– И?

– И с тех пор она меня ненавидит. Опять-таки, в ее понимании. На самом деле и ее любовь, и ее ненависть – игра. Игра в любовь, игра в ненависть. Игра в куклы. Дети играют в куклы. Дети ломают куклы.

Мне показалось или в голосе Гилберта появилась горечь? Он продолжает.

– А когда появился ты, так на меня похожий, возродилась мечта о Гилберте-пудельке. Да! Ты не знаешь, но изначально она задумала игру, игру, чтобы больше ударить меня.

Я молча угрюмо усмехнулся в ответ. Игра... Перед глазами встал темный дом и в окне одинокая тусклая лампа. Иг-

ра... Дети ломают куклы...

– Но девочка заигралась, Клайд. И получила сполна, любовь, чувства, яркие эмоции, романтику. И теперь она получит боль. Наверное, первую настоящую боль в ее беззаботной пустой жизни.

Гилберт заговорил горячо и тяжело, как будто вынося приговор.

– Что же, это будет справедливо.

А у меня перед глазами так и стоит окно и в нем силуэт Роберты. Она сидит одинокая, брошенная на позор, отчаявшаяся. Уже приговоренная к смерти... По щеке ее стекает слеза. Она ждет. Ждет. Да, Сондра ни в чем не виновата, но это будет справедливо. Знал бы Гил, насколько он сейчас прав...

– Да, Гилберт, это будет справедливо.

– Хватит ли у тебя духу, Клайд? Она возненавидит тебя. Она будет ненавидеть нас обоих.

– Мы справимся.

И я протягиваю ему руку. Он несколько мгновений неподвижно смотрит на неё. Руку не убираю, держу твердо, глядя в глаза. Ответный взгляд остается ледяным, но он протягивает руку таким же твердым жестом.

– Не друзья. Запомни это.

– Запомню.

– Иди сейчас домой, завтра начинаем перестройку твоего отделения.

– Гилберт...

– Да?

– Я не приду на обед в эти выходные, не затруднит дипломатично передать дяде?

Он несколько мгновений смотрит мне в лицо, раздумывая. Коротко кивает, резко разворачивается и уходит, через минуту мимо меня пронесся синий автомобиль, успел заметить мертвую хватку пальцев на руле и сжатые губы. Глаза как будто смотрят в прорезь прицела.

Тишина в комнате. Роберта держит чашку двумя руками и задумчиво смотрит на меня.

– Он страшный человек, Клайд. Я боюсь.

– Он несчастный человек, милая. Он испытывает боль. Он знает, что такое страдать.

– Все равно... Страшно...

– Иди ко мне...

Берта нерешительно оглядывается, медленно ставит чашку на стол. Вижу ее смятение, посерьезневшее лицо.

– Устала ты на стуле сидеть, давай ляжешь, а я посижу рядом.

С явным облегчением она вздохнула и улыбнулась, начала собирать чашки и тарелки. Встал и попытался ей помочь.

– Нет, я сама, сиди.

Смотрю, как она хлопчет и еще раз вспоминаю разговор с Гилбертом. Его глаза, горящие ледяным пламенем. Он

ненавидит. Кого? Почему?

Тихо прикрылась дверь, та самая, Берта все еще немного стесняется туда заходить при мне. Отхожу к окну и смотрю на темную тускло освещенную улицу. Всего пару дней назад я влез сюда такой же ночью и с того момента прожита целая жизнь.

– Клайд, постой так еще минутку, пожалуйста.

Свет гаснет и слышу, как Берта юркнула в кровать.

– Иди сюда, – громко шепчет из-под одеяла, – садись рядом.

И ее теплая уютная ладонь находит мою руку, ласково глажу волосы, провожу кончиками пальцев по гладкой прохладной после умывания щеке. Берта замирает, остановив меня, ее пальцы накрыли мои...

– Рассказывай дальше, милый.

Глава 15

Глаза Роберты таинственно поблескивают в полумраке комнаты, на улице послышался шум проезжающего автомобиля, по стенам пронеслись отблески фар. Мы оба невольно проследили за их неуловимым движением. И посмотрели друг на друга. Ее пальцы легонько сжали мои, побуждая говорить.

– Рассказывай, что было дальше, Клайд, ты так быстро вернулся в цех и сразу исчез.

– Прости, что так получилось, слишком много всего сразу началось.

Берта ласково погладила мою руку, задержавшись на плече, я замер вместе с ней. Мгновение... И она снова вложила свою ладонь в мою, тихонько вздохнув.

– Ты исчез на весь день, ничего мне не сказав, – укоризненно шепнула из темноты.

Я улыбнулся, услышав этот тон. Вот ведь собственница... Со всей нашей невероятной историей – уже чувствую, как она понемногу осваивается и начинает брать меня в свои маленькие, но сильные руки. То, о чем она всегда мечтала – ее мужчина, ее муж. То, чего так панически боялся Клайди... Для неё вновь все становится ясно и понятно, хотя бы в ос-

новном – она принадлежит мне, а я – ей. Разбитый вдребезги мир начинает строиться заново...

– Мисс Тодд, я уйду до завтра, вас не затруднит продолжить контроль за работой отделения до конца дня?

– Конечно, мистер Гриффитс, не беспокойтесь, я останусь и все будет в порядке.

Мисс Тодд ободряюще кивнула мне и встала из-за стола, подошла к окну в цех, обведя глазами усердно работающих девушек. Роберта увидела меня в пальто и взглядом задала вопрос. Нужно известить ее, нельзя так уходить. Но тут мисс Тодд... Сделаю так... И просто на ее глазах пишу несколько строк, могу же я это сделать, в конце концов, не правда ли?

"Берт, мне необходимо уйти, появилось очень много дел. Ни о чем не волнуйся, все хорошо. Вечером у тебя."

Через несколько минут свернутая записка испытанным путем падает Роберте на колени. И я быстрым шагом выходжу из цеха.

– Я все равно испугалась и весь день не находила себе места. Ты так быстро ушёл, как будто что-то случилось.

Берта заворочалась, устраиваясь поудобнее, потянула меня на кровать и усадила рядом с собой, положив голову на плечо, я обнял её и закутал в одеяло, снова прохладно.

– Случилось, разговор с Гилбертом произошел несколько раньше, чем я рассчитывал.

– И что это значит, Клайд?

Я медлю с ответом, так хорошо сидеть тут с ней сейчас, слушать ее негромкий нежный голос, чувствовать, как она доверчиво прижимается к плечу...

– Клайд?

Достаю из кармана брюк письмо, пришедшее вчера на Джефферсон.

Достаю из внутреннего кармана пальто так пока и не распечатанное письмо, положенное мне в ящик миссис Пейтон еще вчера. Стою у ворот фабрики и раздумываю, с чего начать, раз неожиданно получил сегодня выходной. Смотрю на адресат и не решаюсь открыть конверт. Изящный конверт дорогой бумаги. Давай, надо. В голове прозвучал холодный голос Гилберта – «она возненавидит тебя». Сжимаю зубы, что же... Хорошо.

«Тысячи поцелуев моему дорогому Клайди! Он скучает, очень скучает, не так ли? Его маленькая лепетунья скучает по нему очень-очень и ждет не дождется его на Двенадцатом озере. Я обо всем сговорила с Бертиной, она вот-вот пришлет вам приглашение провести у них выходные и вы непременно, непременно приедете! Сондра так этого ждет! Мальчишки посмеиваются, когда же приедет моя верная тень?

Она ведь очень хочет приехать и поцеловать свою маленькую Сондру? Она обещает гадкому мальчику множество поцелуев! Вот столько, сколько я ставлю точек на этом письме..... Но мне пора, я слышу ржание лошади Бертины, мы сейчас поскачем на почту и я отправлю вам эту весточку.

Я люблю вас, Клайд!»

Что же ты творишь, Сондра...

– Хочешь прочитать его?

Письмо у меня в руке, ощущение, что оно жжёт. Роберта посмотрела на него и покачала головой, тихо произнесла

– Нет, не хочу. Оно – не тебе.

Молчание.

– Что ты будешь делать, Клайд?

– Пусть идет своей дорогой, все закончено. У нас же – свой путь.

– Ей будет больно и Гилберт, наверное, прав, она возненавидит.

– Мы справимся.

– Обещаешь?

– Да.

– Поцелуй меня...

Мягкие теплые губы находят мои и долго, очень долго не

отрываются, с каждым разом всё труднее и труднее отпустить ее... Роберта порывисто вздохнула и крепче обняла меня, прижавшись щекой к щеке. Ласково потерлась, вдруг отстранилась и удивленно шепнула.

– Ты же брился сегодня утром? А уже колешься...

Она осеклась... Я неслышно вдохнул. Выдохнул. Ничего, бывает... Оба сделали вид, что ничего не было сказано. Роберта поспешила вернуться к разговору, увидел, как она досадливо закусила губу.

– Что было дальше?

– Не устала, спать не хочешь?

– Нет, я хоть всю ночь буду слушать, – шепот горячим дыханием щекочет ухо.

Сердце захлестывает волна такой нежности, что чувствую настоящую боль. Солнышко мое, все будет хорошо, обещаю. Последние слова безотчетно прошептал вслух.

– Милый мой незнакомец, пришедший неведомо откуда, – негромкий голос Роберты эхом прозвучал в ночной тишине, – я не знаю твоего имени, не знаю кто ты, не знаю сколько тебе лет... Только чувствую, что ты меня намного старше.

Роберта замолчала, вздохнув.

– Ты боишься меня?

– Иногда боюсь. Правда.

Взъерошил ей волосы и усмехнулся, заглянув в лицо, причудливо измененное полумраком и тусклым светом уличного фонаря из окна. Роберта улыбалась и глаза ее таинственно

искрились.

– Я люблю тебя, Клайд, мой настоящий и единственный Клайд.

И снова время потеряло счет, провалившись между нашими слившимися губами, дыхание Роберты участилось, она тихонько простонала и я почувствовал, как ее ладонь вдруг уперлась мне в грудь. Останавливая мои губы, прося остановиться мои руки.

– Милый... пожалуйста...

Я кладу голову ей на плечо и она ласково гладит волосы, лицо, проводя кончиками пальцев по губам, целую их один за другим, а она их снова и снова подставляет под ласку.

– Прости, пожалуйста, я...

Берта останавливается, не находя слов. Накрываю ее губы пальцем.

– Шш, родная моя, не надо. Не за что просить прощения, я и сам... Все хорошо и всему свое время. И у нас его – полно впереди. Да?

Слышу, как Берта тихо вздыхает в ответ.

– Ты правда не сердит на меня?

И такая нежность и забота в ее голосе...

– А вот сейчас как тебя отшлепаю! – произношу это нарочито грозно, – а ну ложись на живот! Ух, как я зол!

Роберта захихикала, но на всякий случай вцепилась в рубашку, готовясь защищать угрожаемую территорию. А я шутливо протянул руки, скроив ну очень страшную рожу.

– Ай! Клайд! Ну перестань сейчас же!

И со смехом шлепнула меня по рукам.

– Тсс, сейчас хозяев твоих разбудим!

– А ты не лезь с лапами! – и Берта в изнеможении откинулась на подушку, сотрясаясь от смеха, – рассказывай, куда ты потом пошел, от фабрики.

– От фабрики я пошел...

Этот небольшой газетный киоск заметил еще в первый ночной поход по Ликургу.

– Дайте, пожалуйста, что-нибудь с разделом объявлений.

– Вас интересует что-то конкретное?

– Съем квартиры, все, что есть. И карта города, если не затруднит.

– Восемь долларов в неделю, мистер Гриффитс, это включает и стирку с глажкой.

Оглядываю комнату, довольно большая, светлая, стены почти без трещин и пятен. Что хорошо, первый этаж, отдельный выход в сад и уже оттуда – на улицу. Шкаф, стол, кровать, пара стульев и шикарное старое расшитое кресло. Сел в него и вытянул ноги, утонув в плюшевых глубинах. Вот бы сейчас Роберту мне на колени...

– Я согласен, миссис Портман, и перееду сегодня же. Вот плата за неделю.

– Очень рада принимать у себя такого серьезного и воспитанного молодого человека, как вы, мистер Грифитс.

– Клайд, просто Клайд, миссис Портман, еще возрастом не вышел. Или мистер Клайд.

Мы вежливо смеемся и пожилая хозяйка шутливо грозит мне пальцем. Получаю ключ и раскланиваюсь. Комната моя. Медленно прохожу вдоль стен, как тихо тут и спокойно. И ничего не давит. Выхожу, от двери неровная тропинка к калитке на улицу, через изрядно заросший сад. Калитка скрипит, исправить вечером же. Нет, не надо. А то выйдет, только вселился и выход на бесшумное открытие настроил. Что я, не смогу ее без скрипа открыть? Выхожу на улицу и останавливаюсь, глядя вдоль аллеи высоких деревьев. Смотрю на табличку с моим новым адресом, "де Кальб, 45". Снова оборачиваюсь и смотрю в конец аллеи. Глубоко вдыхаю прохладный воздух, хорошо тут дышится, свободно. Неторопливо иду в сторону перекрестка, он виден от моего дома. Перекресток де Кальб и Элм-стрит.

– Клайд!

Роберта взвизгнула от радости, рискуя всех перебудить.

– Ты теперь живешь тут рядом, около меня?

Она подскочила в кровати и повалила меня, усевшись сверху и прижав руками.

– Клайд, Клайд, как это замечательно!

Счастливый смех Роберты отразился от стен и потолка, за-

полнив всю комнату, которая, казалось, беззаботно рассмеялась вместе с нами. Я положил руки ей на плечи и залюбовался лицом, разметававшимися волосами, четко обрисовавшейся под гладким шелком небольшой грудью, блестящими бездонными глазами. Смотрел снизу на эту красоту и улыбался...

– Милый, а твой дом далеко отсюда?

Берта успокоилась и только сейчас заметила, что одеяло с нее свалилось и она сидит на мне в одной тонкой рубашке, пронизанной светом из окна. Пронизанной насквозь. И что хоть мои руки спокойно лежат на ее плечах, не пытаясь отправиться в интересное путешествие, я откровенно любуюсь представшей передо мной картиной и глаза мои отнюдь не так спокойны. Ощущение сладкой тяжести ее тела... Нарастающее тепло от сжимающих меня бедер... Во рту внезапно пересохло, мои руки дрогнули... Берта испуганно замерла...

– Ой... Клайд, ну что ты... Перестань так смотреть... – смущенно прошептала и быстро завернулась в одеяло, – вот так. Садись рядом и обними меня.

Но прошло ещё несколько мгновений, прежде чем я смог продолжить рассказ. Мы становимся все ближе – и нам все труднее сдерживаться. И мы оба чувствуем, знаем – ещё не время. Как и с моим бритьем, сделали вид, что ничего не произошло.

– Так где твой дом, далеко отсюда?

– Нет, тут совсем рядом, минут пять быстрым шагом, возле перекрестка, улица де Кальб.

– Хочу посмотреть, – Роберта завозила, устраиваясь поудобнее.

– Прямо сейчас?

Она замолчала, явно призадумавшись.

– Хочется, милый, очень. Но я так хорошо согрелась... Завтра?

– И в гости зайдешь? – произношу это с шуточной надеждой.

– Ну, Клайд, ты что... Нельзя... Если кто-то увидит... Ну тебя... – и она игриво пихает меня в бок, ласково потершись щекой о плечо, – рассказывай, что ты делал дальше?

– Дальше...

– Очень жаль, что вы так неожиданно решили съехать, мистер Гриффитс.

Миссис Пейтон неодобрительно поджимает губы, ей не хочется терять хорошего квартиранта с влиятельной фамилией. Ей непонятно его внезапное решение.

– Прошу не обижаться, миссис Пейтон, это ни в коем случае не связано с вами или с домом.

– Почему же вы переезжаете?

Делаю слегка смущенное лицо и смотрю в стену.

– Неудобно признаваться, но мне сейчас слишком дорого жить у вас, приходится экономить, и повезло найти прилич-

ное жилье, но дешевле.

– И где же?

Скажу правду, хоть и не хочется.

– де Кальб, вполне приличная улица, и как раз по дороге на фабрику.

Миссис Пейтон не отвечает и только качает головой.

– Как знаете, мистер Грифитс. Когда вы выедете?

– Я уже собрал вещи и их вскоре заберут.

– Не забудьте оставить ключ.

Хозяйка уже не пытается казаться доброжелательной, и ладно. Еще немного, и мы расстанемся.

– И, вот что, миссис Пейтон...

Уже выходящая из комнаты, пожилая хозяйка обернулась.

– Да?

– Я хочу купить у вас вот это зеркало.

– Зеркало?

– Да, милая.

– Зачем?

Я несколькими энергичными гребками вывел лодку на середину Могаука, огляделся, никого. Взгляд неспешно обвел оба берега, блестящую гладь медленно текущей реки. Никого и ничего. Перевожу взгляд на дно лодки. Два больших узла. И круглое зеркало в старой потрескавшейся раме. Все уже готово. Беру его в обе руки и несколько мгновений смотрю

в глаза своего отражения. Звонящая тишина пропасти. Молчание. Осторожно кладу зеркало обратно. Через секунду оба узла уходят в темную воду, тяжелые камни надежно припечатывают их к илистому дну. К зеркалу крепко привязывается тяжелый обрезок рельса, подобранный на берегу. Изнутри нарастает низкий гул, как от усилившегося тока крови. Зов?

– Разбей! Разбей его!

Усмехаюсь. Еще раз оглядываю окрестности, все еще никого. Быстро раздеваюсь. И бесшумно ухожу вертикально вниз, зеркало в руке, кусок рельса – отличный балласт. В зеленоватом полумраке медленно текущей воды вижу оба узла, уже начавших уходить в донный ил. Еще секунду смотрю на свое мутное отражение. И зеркало следом за узлами ушло в рыхлую вязкую массу. Ты все понял, крыса? Зов обрывается. Навсегда? Нет, не так все просто, чувствую, ещё не конец.

Тишина в комнате. Роберта садится, обняв руками колени, уперевшись в них подбородком.

– Когда же будет конец, милый мой...

Склоняет голову набок и задумчиво смотрит на меня.

– Он наступит, Берта. Обещаю.

– Только тогда я окончательно успокоюсь... Только тогда.

Тишина.

– Устала? Вставать рано.

– Нет. Хочу закончить этот очень длинный день. Продолжай.

– Уверена?

– Да, любимый. Что было потом?

– Добрый вечер, мистер Грифитс! Рад видеть вас снова.

Шорт ослепительно улыбается, увидев меня еще на улице, перед входом в его магазин.

– И вам доброго вечера, мистер Шорт! Как видите, без вас, как без рук, то есть – невозможно.

Кладу шляпу на прилавок и доверительно склоняюсь к нему, подмигнув.

– Костюм великолепен и сидит превосходно, даже подгонка не понадобилась.

– Очень, очень рад это слышать, – Шорт довольно потирает руки, – и все сопутствующие принадлежности так же вам подошли? Рубашка, белье, у нас только высшее качество.

– Несомненно, Шорт, несомненно.

Перехожу на фамильярную форму, он уже созрел.

– Итак, чем могу, мистер Грифитс?

– Можете, уверен.

Шорт изобразил на лице внимание и безусловную готовность на все.

– Еще два костюма со всеми принадлежностями. Один официальный, второй – легкий, для прогулок. Пальто. Два галстука. Шляпа.

Мистер Шорт задумался, побарабанил пальцами по прилавку.

– Думаю, у меня есть то, что вам нужно.

– Рассрочка, Шорт, три платежа. И забираю прямо сейчас.

Хозяин растерянно воззрился на меня, явно выбитый из привычной колеи.

– Ээ, мистер Грифитс, я, право, не знаю...

– А я вам помогу. Сколько это все стоит?

– Около восьмидесяти долларов. И я никогда не даю рассрочки, как-то это...

– Сто долларов и четыре платежа. Двадцать плачу сейчас. Остальные в течение месяца и потом беру еще два костюма. Без рассрочки.

Уже готовые возражения, а то и отказ явно застряли у Шорта в глотке. Он уставился на деньги, положенные перед ним на прилавок.

– Как-то не принято так делать, мистер Гри...

– Не принимаю возражений и не пойду искать хозяина поговорчивей, я тут знаю только вас и ваш замечательный магазин. Итак?

Лицо Шорта отразило нешуточную внутреннюю борьбу.

– Итак, мистер Шорт? Мне эти костюмы очень нужны, потому я так настойчив.

– Уезжаете на выходные? Наверное, со всеми на Двенадцатое?

Шорт внимательно следил за светской хроникой, ибо там

фигурировали его реальные и потенциальные клиенты, и был в курсе сплетен и слухов, бродящих по салонам Ликурга.

– Сами понимаете, Орин...

Я сделал неопределенно-многозначительное лицо, дескать, и сказал бы, но... И это решило дело. Шорт шуточно-беспомощно развел руками.

– Как я могу отказать... Только вы уж не забудьте про два костюма в следующем месяце.

В ответ я так же шуточно развожу руками.

– Как я могу...

Через полчаса мы расстаемся, довольные друг другом, в руках у меня два объемистых свертка.

– А ты и не заметила, что я в новом костюме, тютя!

Слегка щелкаю Берту по кончику носа, она его смешно морщит и чихает.

– Не заметила, прости, я на тебя смотрела, не на костюм. Так ты...

И Роберта замолчала, поняв.

– Да, все новое. Мое и только мое.

Ее лицо в моих ладонях и наклоняюсь к нему близко-близко.

– Только мое.

И ответный шепот в полумраке ночной комнаты.

– Твоя... Только твоя.

Глава 16

Рассвет. Тихое дыхание спящей Роберты. Осторожно выскользнул из-под одеяла, положил ее голову на подушку, опять всю ночь проспала на моем плече. Как обняла, так и не убрала руку, словно опасалась, что вдруг исчезну. Как же она боится, как же я этого страшусь... Потому Роберта и стремится все время быть рядом, держать за руку, обнимать даже во сне. Удерживать, удерживать меня, не дать пропасть так же внезапно, как появился. Скорей бы выходные, мы обвенчаемся, станем мужем и женой. И сделаем последний оставшийся шаг друг к другу, станем одним целым. Навсегда. Долгий-долгий ночной разговор, как же быстро они вошли у нас в привычку – полумрак, тусклая лампа, чашки чая, какие-нибудь сладости, наши негромкие голоса. Ее глаза, прямо и доверчиво смотрящие, руки, так передающие настроение и мысли, держащие чашку, перебирающие бахрому скатерти в момент смущения или раздумья. Милая... Я появился здесь неведомо чьим попущением. Кто направил меня сюда? Бог? Какая-то другая сила, решившая все изменить? Тогда я проклял тебя, кто бы ты ни был. Смотрю в окно, туда, где слабый свет начинающегося дня. И говорю – прости за эти опрометчивые слова. Прости и спасибо тебе. За нее. Слышишь? Хорошо слышишь? Нам не нужна по-

мощь, ничего не нужно. Мы со всем справимся сами и через все пройдем, что бы ни предстояло. Одного прошу. Одного боюсь, стараясь засыпать как можно позже, с непреходящим страхом. Не дай мне уснуть и проснуться там, откуда я сюда попал. Не возвращай меня обратно. Не возвращай. Лучше просто убей.

Тихо одеваюсь, стараясь ничем не нарушить сон Роберты. Новый костюм «от Шорта» действительно удачен, сидит как перчатка, надеюсь, и остальные ему под стать. На столе остались пара вчерашних пирожных, в чайнике есть немного заварки. Нормально.

Радовался, видя, с каким аппетитом Берта уплетала пирожные, она возвращается к себе, какой была, веселой, задорной девчонкой, радующейся каждому мгновению жизни. С любимым человеком. Любимым. Она полюбила тебя, наш «милый настоящий и единственный Клайд». Улыбнулся, посмотрев, как она безмятежно разметалась во сне... Клайд... Мне придется им остаться для нее, хотя она и хочет узнать мое имя и откуда я... Вчера опять робко намекнула... Да робко ли? Она сильная и гордая, робости в ней не так уж и много. Намекнула... И опять отступила. Она еще будет пытаться... Отогнал эти мысли, не забегай далеко вперед, Клайд, есть вопросы и понасущнее. Допиваю холодный чай и на ходу, подходя к окну, дожевываю пирожное. На улице

никого, осторожно открываю окно, я его смазал вчера, теперь петли бесшумны. Надо забежать к себе сначала, переоденусь, умоюсь. Как Роберта обрадовалась, что мы теперь с ней практически соседи... Такой сюрприз получился для нас обоих, улыбаюсь еще шире, готовясь вылезать.

– Клайд...

Ну что ты будешь с ней делать... Вот она спит с таким видом, что хоть из пушки пали спокойно, и вот – стоит перед тобой и глаза совершенно чистые, как будто и не сопела всю минуту назад. Чудо в перьях...

– Берт, опять вылезла на холодный пол, ну что ты...

Она смущенно пожала плечами, переступив босыми ногами и поправив спадающее с плеч одеяло, подошла ближе.

– Я просто проводить тебя хотела, милый, и поцеловать в дорогу.

Еще одно пожатие плеч и такой чистый прямой взгляд, что отчитывать ее сразу расхотелось, улыбнулся.

– И что не целуешь тогда, а по полу переминаешься?

Протянул к ней руки, в следующую секунду она вдруг подпрыгнула, обняв меня за шею, мне пришлось поддержать ее снизу, совершенно непроизвольно. Ее ноги обхватили меня, мы так и замерли, плотно прижавшись друг к другу, одеяло упало на пол. Лицо Роберты оказалось совсем близко, щеки вспыхнули, по телу прошла волна дрожи... Мое тело отозва-

лось, настолько близко мы ещё ни разу не оказывались, во рту внезапно пересохло, почувствовал каждый изгиб, каждую впадинку, мягкую упругость прижавшейся ко мне груди... Роберта тихо прошептала.

– Отпусти... Клайд...

Мой слегка задышающийся шепот в ответ.

– А поцелуй?

– Отпусти и поцелую.

– Ты же сама мне на руки прыгнула... – мне всё труднее сдерживаться, Берта это почувствовала, ее тело напряглось. Она хочет высвободиться...

– Клайд... Пожалуйста...

С подчеркнутым вздохом сожаления опустил ее на пол, и она, не размыкая рук на моей шее, ласково поцеловала, вознаграждая за терпение. Мы ведь оба понимаем... Все будет хорошо, милая, и в свой срок. Но не удержался и вдруг снова поднял Берту на руки.

– Клайд!

Она испуганно замерла, а я положил ее обратно в кровать и укрыл одеялом.

– Не бегай босиком, простудишься!

Погрозил ей пальцем с видом строгого доктора. Мы тихо рассмеялись, но в ее глазах увидел и след чего-то... Она немного разочарована, вдруг понял. Хотела испытать меня? Хотела, чтобы настоял и пошел до конца? Нет. Все будет на

этот раз правильно, Роберта. Так, как ты всегда мечтала, сидя у своего детского костра. Мы оба – потерпим. Шире распахнул ставни, почувствовал взгляд и оглянулся, блестящие глаза смотрят из-под одеяла, усмехнулся.

– Я забегу к себе и потом встречаемся на фабрике. Не опаздывать!

И шагнул за окно.

– Мистер Грифитс, с чего начнем?

Мы вместе с Лигетом обходим отделение. Не успел я прийти и снять пальто, как он вошел ко мне в конторку. Его лицо на этот раз вполне доброжелательно и излучает готовность, в руках блокнот. Я же делаю вид, что весь в раздумьях, хотя все уже продумал заранее.

– Мы не можем начать сразу перестройку всех рабочих мест, это нарушит текущую работу, которую никто не отменял, не так ли, мистер Лигет?

– О, конечно, вы правы, – Лигет энергично закивал, – то есть вы хотите...

– Да, мы выберем, скажем, двух работниц, и начнем перестройку с них.

Говоря это, я остановился возле невозмутимо работающей Йордис и положил руку на спинку ее стула.

– Она.

Лигет кивает. Я выбрал норвежку по простой причине – она даже на явно неудобных ей по высоте и форме стуле и

столе вырабатывает почти пятьдесят в день. Если ее посадить на удобное рабочее место с хорошим светом – она и восемьдесят наколбасит, не моргнув глазом. Что мне и требуется наглядно показать, валькирия не подведет.

– И она.

Хотел указать на Марту, она при всей своей липучести работает отлично и быстро. Но безотчетно показал на Ольгу. Не знаю, почему. Все собираюсь спросить о ней Берту, но забываю. Девочка моя сегодня держится молодцом, успокоилась, работает быстро и аккуратно. Только вскидывает на меня глаза периодически, как бы говоря себе – он тут, все хорошо. И завтрак у нее сегодня с собой, и деньги на обед. Все в порядке. Мелькнула озорная мысль, может, Роберта будет второй? Нет, плохая идея, это после разговора с Лигетом будет выглядеть странно и слишком дерзко. Да и сколько там ей осталось работать, если по правде...

Ольга подняла на меня глаза и слегка улыбнулась, ничего не сказав. Через мгновение так же спокойно вернулась к работе. Она вырабатывает не меньше сорока в день и тоже не подведет. Кроме того, ее кондиции прямо противоположны норвежке, вот мы и получим по настоящему объективный результат.

– Иными словами, мистер Лигет, если мы получим ожидаемую прибавку выработки у обеих настолько разных по кондициям работниц после изменения на их рабочих местах, то

моя теория верна и мы сможем смело продолжить модернизацию. Согласны?

Лигет снова закивал, что-то усердно записывая в блокнот, наверняка пойдет потом к Гилберту.

– Так, мистер Грифитс, что же теперь?

– А теперь мы вызовем сюда... Есть же кто-то вроде фабричного плотника, мастера на все руки и прочего?

Лигет задумался.

– Полагаю, вам нужен Дайкс.

– Кто это?

– Это и есть наш мастер, он и плотник, и слесарь, золотые руки.

– Еще понадобится электротехник, нужно будет подвести к столам свет.

– Ясно, мистер...

– Лигет, зовите меня Клайд, просто Клайд...

Пора ломать дистанцию, да и устал я постоянно слышать и произносить это «мистер».

– Хорошо, Клайд.

Протягиваю ему руку с максимально дружелюбной и уверенной улыбкой.

– За дело, Лигет.

– Как ваше впечатление, Лигет, что он там затевает?

Гилберт опер подбородок на сцепленные руки и внимательно посмотрел на начальника цеха.

– Он только что передал Дайксу чертежи новых рабочих мест.

– Вот как, даже чертежи...

Грифитс встал из-за стола и прошелся вдоль стены кабинета, проведя рукой по конторским книгам, журналам, аккуратно стоящим на полках. Это всегда помогало ему приводить мысли в порядок, прикосновение к зримому воплощению системы и контроля.

– Так чертежи в единственном экземпляре и сейчас у Дайкса?

– Да, мистер Грифитс.

– Вы их видели? Что Клайд вообще задумал, конкретно?

– Новые рабочие места, новую форму стула и стола, регулируемая высота того и другого. Опора для ног. И индивидуальное освещение на каждом рабочем месте.

– Однако, он не мелочится. За наш счет...

Гилберт подошёл к широкому окну и задумчиво посмотрел на величественное течение реки, вздохнул, обернулся.

– Ваше личное впечатление, Лигет? Толк будет?

Начальник цеха замялся, без какой-либо цели открыл и закрыл блокнот.

– И забудьте сейчас его фамилию, говорите прямо и честно.

В голосе Гилберта прорезался металл. Лигет решился.

– Все это звучит дельно и может получиться. Клайд намеренно выбрал двух совершенно разных работниц, одна высо-

кая и крепкая, из Скандинавии, вторая – ее противоположность, полька или русская, не помню...

– И в чем цель такого выбора?

Гилберт помимо воли заинтересовался, он был любопытен, хотя и всячески скрывал эту черту.

– Клайд объяснил так, – Лигет открыл блокнот и взгляделся в заметки, – если у обеих работниц после усовершенствования рабочего пространства вырастет выработка, значит предложенная теория верна и независима от кондиций девушек.

Гилберт фыркнул.

– Подумать только, «Клайд объяснил...»

Лигет растерянно замолк, быстро закрыв блокнот, Гилберт заметил его смятение и коротко рассмеялся.

– Просто задумайтесь над занятой вещью, мистер Лигет...

Гилберт подошёл вплотную и посмотрел ему прямо в глаза.

– Ответьте мне...

Голос Гилберта звучал спокойно, но Лигету стало не по себе.

– Мой двоюродный брат приехал сюда ничтожеством, милостью отца. Вы сами видели его, сами говорили, что выше нынешнего места, которое он тоже получил случайно – ему никогда не подняться. Вы ведь говорили так?

Глаза Гилберта потемнели, их темная сталь заострилась.

Лигет сглотнул, он почувствовал настоящий страх.

– Отвечайте!

– Да, я так говорил. Но и вы...

– Именно!

Гилберт резко повернулся и сел обратно за стол, направил палец на собеседника.

– В точку, Лигет! Мы все считали его бездарным никчемным ничтожеством, а вы еще и опасались, что он наделает глупостей, оказавшись среди двух десятков девиц. Так?

– Так.

– Кстати, как там с этим дела? С глупостями? Слухов никаких не ходит?

– Я, право, не знаю, мистер Грифитс...

– Ой ли? – Гилберт насмешливо прищурился.

Лигет вытер выступивший на лбу пот и оттянул ставший тесным воротничок.

– Ну? Выкладывайте. Честь семьи превыше всего. Если есть что-то, я вышибу его отсюда через десять минут и даже отец мне не помешает, Богом клянусь!

– Есть там одна работница...

– Имя! Да что с вами, Лигет? Разучились докладывать?

– Роберта Олден.

– Так. Я слушаю.

Глаза Гилберта опасно сузились, Лигету был знаком этот прицеливающийся взгляд, он почувствовал озноб.

– Знаете, работницы всегда сплетничают, многим из них

Клайд нравится, они за ним следят, что сказал, кому, и так далее...

– Не отвлекайтесь и говорите яснее, – Гилберт нетерпеливо махнул рукой.

– Там есть несколько работниц, они информируют меня, что и как обстоит в отделении и цеху. Это бывает полезным.

Гилберт усмехнулся и повторил подгоняющий жест.

– И они мне сообщили, что есть нечто между Клайдом и этой Олден.

– Что-то конкретное? Их видели вместе?

– Нет, ничего такого, но... Знаете, женское чутье...

Гилберт скривился.

– Скорее, месть обиженной отсутствием внимания глупой девицы. Это все?

– Не совсем, мистер Грифитс.

– Ну?

– Роберта Олден начала работу очень хорошо, вырабатывала более сорока упаковок в день, я даже рекомендовал перевести ее в закройный цех с повышением. Вы отчего-то перевод не одобрили... Могу я спросить...

– Продолжайте.

– А потом как будто что-то произошло, она стала снижать выработку, портить воротнички целыми упаковками, путать маркировку.

Гилберт откинулся на спинку стула и снова прищурился, взявшись пальцами за острый подбородок.

– И что же было дальше?

– А дальше Клайд доложил об этом мне, написал подробную докладную записку.

– На Роберту Олден?

– Да.

– Докладная была только одна?

Начальник цеха замялся, ему вдруг стало душно. Лысина покрылась капельками пота, он суетливо промокнул ее платком. Тихо ответил.

– Десять или одиннадцать, мистер Грифитс...

Гилберт удивленно приподнял бровь и так же тихо спросил.

– Дата первой и последней докладной, Лигет? И как менялась их тональность? Вы понимаете, о чем я?

Лигет задумался, кивнул, облизнув пересохшие губы.

– Точных дат не припомню, но... Первая докладная поступила около четырех месяцев назад, а последняя – на прошлой неделе. И она была весьма подробна, в отличие от первых, довольно лаконичных. Я могу их всех вам показать, в журнале учета, в цеху. У меня даже сложилось впечатление, что...

Он запнулся, нерешительно посмотрел на Гилберта, словно спрашивая позволения продолжать. Тот коротко кивнул, не сводя с него пристального взгляда.

– Понимаете, такие докладные, в общем, обычное дело. Бывает, что хромает дисциплина, или испортили сколько-то

продукции. В масштабах такого производства те или иные ошибки неизбежны и мы...

– Вы решили прочесть мне лекцию о моей же фабрике, Лигет? – Гилберт нетерпеливым жестом прервал начальника цеха, – коротко, к чему вы ведете?

Лигет решился.

– Ваш двоюродный брат словно ополчился на Роберту Олден, мистер Грифитс. Его докладные... Я потому и не передавал их вам, что они выглядят слишком, слишком предвзятыми. А последняя...

Губы Гилберта искривились брезгливой гримасой.

– Крыса...

– Простите?

– Не обращайтесь внимания, продолжайте.

– Собственно, это все. Я имел на эту тему разговор с Клайдом буквально позавчера, за обедом.

– О Роберте Олден?

– Да, сэр.

– И что он рассказал?

– Что ущерб компенсирован и работница более не имеет нареканий и взысканий.

– А были и взыскания?

– Да, дважды по докладным все того же Клайда у нее стоимость испорченных воротничков вычитали из жалованья.

– Как сейчас она работает? В последние дни? Что вам сообщают ваши доносчицы?

– Нареканий на Роберту Олден нет, как нет и ошибок в работе, выработка повысилась.

Гилберт медленно поднялся и вновь подошёл к окну.

– Идите, Лигет. Продолжайте работать с моим братом по его проекту. О нашем разговоре – забудьте.

Взгляд Гилберта скользил по берегам Могаука. Клайд и Роберта... Клайд и Роберта... А ведь это все может объяснить, глаза его широко раскрылись. Если... Если это ничтожество потеряло голову и честь, соблазнило наивную девочку? Что с нее взять, влюбилась в красавчика начальника, да еще Гриффитса... Так, допустим, он это предвидел и даже ожидал чего-то подобного, как и того, что Клайди не устоит перед соблазном. Потому и портила воротнички, там что-то произошло, какая-то драма, кризис. Усмешка в который раз искривила губы, знаем мы эти кризисы и драмы... И как поступает наш братец? Надо взглянуть на журнал учета, на эти докладные, когда они пошли. Он готовил ее увольнение, внезапно пришло понимание. Грязно и подло. Пальцы Гилберта сжались в кулаки. Стоп. Что-то снова произошло, в последние дни, словно... Словно случилось нечто, что успокоило Роберту, она снова стала нормально работать. И это связано с Клайдом, он переменялся и ведет себя очень странно. Клайд переменялся... И Роберта сразу пришла в себя. Надо приглядеться к этой Олден. Если там происходила драма, то почему она молчала? Если Клайд поступил с ней непорядочно,

дочно – почему не обратилась за помощью, не пожаловалась, в конце концов? Старое патриархальное воспитание: доброе имя превыше всего. Мысли... Мысли... Новый Клайд решил расстаться с Сондрой, пуделек стал волком. Роберту это успокоило. Видимо, она беременна, другого объяснения всему быть не может. Клайд решил на ней жениться? Вот гаденыш... Гаденыш? Или наоборот, он внезапно перестал им быть? И стал... Кем? И еще – Клайд отклонил приглашение на семейный обед, впервые за все время. И эта выходка отлично вписывается в происходящие странности. Почему он не придет, чем будет занят, что для него важнее такого знака внимания? Ответ – Роберта. Выходные... Куда-то едут? Уж не венчаться ли? Все это так неожиданно... Очень странно и загадочно. И опасно. Этот новый Клайд – опасен. Но, черт возьми... Он мне нравится куда больше предыдущего. Что же делать... Что делать, Гилберт? Думай.

Глава 17

Запах свежей стружки просто опьяняет, работа закипела. Дайкс оказался и впрямь мастером на все его золотые руки. Мои незамысловатые чертежи он понял сразу и сходу же кое-что добавил.

– Мистер Грифитс, стоит сделать спинку сиденья регулируемой.

– Вот как? А и вправду... Сумеете?

Дайкс уверенно нанес на рисунок несколько дополнительных штрихов.

– Так... И здесь... И вот так. Что скажете?

А он силен, цены ему нет. Пара зубчатых опор на спинку, три степени свободы, сбоку ручка-регулятор.

– Пожалуй, достаточно сделать два положения, третье практически превратит рабочее место в шезлонг, Дайкс.

И я начальственным жестом зачеркиваю ненужные штрихи.

– Так, и закрыть дерево набивными подушечками.

– Какой формы и толщины, мистер Грифитс?

– Вот такие пусть будут.

Лист покрывается дополнительными рисунками, первоначальный чертеж уже почти исчез, не выдержав столкнове-

ния с профессиональным взглядом Дайкса. Наконец, эскиз закончен, мы оба критически воззрились на результат. Переглянулись.

– Думаю, мистер Грифитс, сначала стоит показать мистеру Гилберту. Я сделаю чертеж набело, подождете немного?

Несколько секунд раздумываю.

– Не стоит, покажу так.

– Ну, как знаете. Если это одобрят, я смогу немедленно начать.

Дайкс налил из объемистого графина стакан воды и залпом выпил, я киваю на второй стакан. Нальет? Вода холодная и приводит мысли в порядок, утираю губы и встаю, сложив листы вдвое.

– Как это, немедленно начнете, выходные же начинаются? Дайкс усмехнулся, вытерев платком вспотевший лоб.

– Я тут живу, прямо на фабрике, мистер Грифитс.

Однако...

– А дом, семья?

Что-то в его глазах останавливает дальнейшие вопросы.

– Здесь мой дом.

И это ставит точку в нашем разговоре.

– Толково, ничего не скажешь. Кстати, о подобном мне приходилось читать, когда был еще студентом, старая история, еще в прошлом веке какой-то чех или поляк написал исследование... Все это называлось «эргономика». Ладно...

Гилберт отодвинул чертежи на край стола и кивнул.

– Пусть начинают, я согласен. Что с вами, Лигет?

– Я все думаю о нашем с вами разговоре...

Лигет осекся, увидев похолодевший взгляд Гилберта.

– О каком разговоре вы думаете? Я ничего такого не припоминаю. Идите!

Гилберт несколько мгновений смотрел на осторожно прикрывшуюся дверь. Подождал еще минуту. И снял трубку телефона.

– Отец?... Да, все в порядке... Да, посмотрел, возможно, будет толк... Хорошо, как скажешь... И, да, Клайд просил передать, он очень извиняется, но не сможет прийти на обед в эти выходные... Отец, я не знаю, не подумал выяснить. Может, хочет над проектом посидеть... До вечера.

Гилберт положил трубку и задумчиво посмотрел на телефон. Открыл ящик стола и достал объемистую кожаную визитницу, ничего общего с декоративными игрушками светских молодых людей. Солидное изделие черной кожи, потертое от постоянного использования. Множество отделений и карманов, включая два потайных. Имена, адреса. Сэмюэла Гриффитса сильно, очень сильно удивил бы их список, попади он к нему в руки. Гилберт извлек совсем простого вида карточку. Имя. Номер телефона. Он знает их наизусть, но при-

косновение к четвертушке плотной бумаги, взгляд на имя – все это дисциплинирует, вводит беспокойные мысли в рамки холодного расчета. Думай, Гилберт, думай... Нет. Пока – нет. Карточка возвращается на место, ящик стола закрывается. Приняв решение, он снова снял трубку и набрал номер.

– Да, это я. Поужинаем, Ки?

Длинные коридоры фабрики быстро проносятся навстречу, на ходу со мной раскланиваются пока еще незнакомые мне люди, мимо, мимо. Началось. Наконец-то, началось. Гилберт согласен, Лигет только что принес чертежи и Дайкс приступил, обещает к понедельнику представить два новых рабочих места. Дайкс... Который живет на фабрике и не приемлет вопросы о семье и доме. Еще какая-то загадка. Вот тебе и тихий провинциальный Ликург. Ладно, это не мое дело. Меня это не касается. Не касается... Но помимо воли перед глазами снова предстало сухое узкое лицо с тонкими плотно сжатыми губами.

С интересом окинул взглядом неторопливо вошедшего человека в аккуратно пригнанной синей спецовке. Невысок, сухопар, привлекли бесстрастные зеленоватые глаза. Лигет немного суетливо сделал шаг ему навстречу и показал на меня.

– Дайкс, это мистер Клайд Грифитс, двоюродный брат ми-

стера Гилберта.

Пожатие его руки короткое, жесткое и сильное. Губы тронула лёгкая вежливая улыбка. Я покосился на Лигета, у меня ощущение, что ему в присутствии Дайкса неуютно. Почему? Ведь это просто рабочий? Пусть и с "золотыми руками" и в силу этого на особом положении... Но почему начальник цеха с явным облегчением оставил нас одних? Что-то здесь... Нет. Меня это не касается.

Вот и отделение, быстро прохожу на свое место, девушки работали это время одни, мисс Тодд болеет. Окидываю уже привычным взглядом ряды столов, все выглядит нормально. Роберта... Мне не нравится, как она выглядит... Что-то случилось, пока меня не было.

А это что тут на столе? Журнал учета. Подхожу и вижу, что это не текущий журнал, а предыдущий. Но и текущий лежит рядом. Оба раскрыты. Взгляд впивается в строки докладных на Роберту. Кто-то тут был в мое отсутствие... Кто? Кто может зайти сюда и спокойно открывать журналы учета? И писать в них... Очень медленно беру журнал и листаю его назад. На каждой докладной, на каждой записи о недочетах Роберты – птичка, кто-то прошел тем же путем, что и я. Беру текущий журнал и вижу – под докладной Лигету резким почерком написано имя – Гилберт Грифитс. Сердце дает четкий перебой и закрываю на секунду глаза. Нас раскрыли. Открыв глаза я вижу лицо Роберты, она смотрит

на меня и в ее взгляде страх. Гилберт... Ты был тут, пока мы работали с Дайксом. Ты так же, как и я, понял нехитрую грязную уловку Клайда и знаешь ее причину. Откуда? Кто? Взгляд медленно скользит по лицам... Марта? Руза? Оливия? Сам дошел? Гадать бесполезно, да и не нужно, к чему? Перевожу дух, снова ловлю взгляд Берты и вижу, что она собирается встать. Нет! Сидеть! Ответным взглядом пригвождаю ее к стулу. Вижу, как она закусывает задрожавшие губы. Только начала отходить, и на тебе... Нарвались на братца, мою практически полную копию. Думай, Клайд, думай... Клайд? Так и имя свое скоро забуду... Гилберт все знает о нас с Робертой и ясно сейчас дал это понять. При этом – он не собирается поднимать шум. Что у него за план? Ведь если он хочет от меня избавиться – давай, действуй, вызывай дядю, кидай обвинение. Да его даже обосновывать не придется, вызвать Роберту, информатора, меня. Никому эта грязь не нужна, дядя просто выкинет нас обоих за ворота и дело с концом, а меня еще и из города выпнет. Роберте, может, ещё и денег предложат, чтобы скандал не поднимала. Но Гилберт молчит. Значит, по такому сценарию он действовать не собирается. Что же ему нужно? Роберта перепугана, но что по факту? Ну даже если и... И что? Ей тут осталось совсем ничего, так что увольнение нам особо не повредит. Чего она так боится? Гилберт страшный человек, так она сказала. Ну, девочка, что он тебе, нам, может сделать? И пришло понимание. Она боится не за себя, не за место и заработок, да-

же не за свое доброе имя. За меня. Что меня раскроют. И чем это может закончиться, Бог знает... Она боится. Просто боится. Что-то может случиться и я исчезну. Этого боюсь и я. И допустить этого – нельзя. Лучше смерть. И если так... Я готов. Умереть или убить. Убить? Кого? Гилберта? Если понадобится, я убью. Без колебаний. А уже нужно? Остынь. Немедленно! Ты не один, с тобой Роберта, она верит тебе и в тебя, не подведи. Смотрю на нее...

"Я уеду далеко-далеко и буду тебя ждать. Всю жизнь. И если ты вернешься, то найдешь меня. Ведь найдешь? Ты обещал, что никогда меня не оставишь! "

Тихий голос Роберты снова произнес эти слова. Рука сжимается в кулак, стискиваю зубы до хруста. Я тебя не отдам. Ты – моя. Я – твой. Так будет всегда.

«Милая, я все знаю. Ничего не бойся. Придешь домой, собирайся, завтра мы уезжаем до вечера воскресенья. УЛЫБНИСЬ! И чтобы я видел.»

И я увидел, как высохли уже влажно заблестевшие глаза. Как мне была послана первая за сегодня робкая улыбка. Подмигиваю и утвердительно закрываю глаза. А открыв, еще успел увидеть, как Берта, шмыгнув носом и утерев глаза, снова уткнулась в воротнички. Слава Богу, успокоилась, ей

сейчас волноваться вообще нельзя. За все эти дни мы ухитрились почти не говорить о ее беременности, так, вскользь один раз. А ведь и этим надо будет вплотную заняться. Хотя что... Она здорова, все идет хорошо, и я не думаю, что тут есть женские консультации, куда надо ходить по графику. Ладно, дойдем до моста – перейдем.

Смотрю на часы, вот-вот обед. Посмотрел на вход в цех, уже полдня прошло и никакого движения. А чего я жду? Наряда полиции? Пастора с бутылкой святой воды и осиновым колом? Лично Гилберта? Нет, нет и нет. Что он собирается делать, я не знаю. И ладно, он аккуратно и грамотно дал понять, что знает про нас с Робертой. И – тишина. Бьет по траве? А мы сделаем вид, что не слышим и что нас вообще нет. Нас и вправду завтра утром тут уже не будет. Пусть делает ходы, а мы посмотрим. Но я знаю, уже знаю, чего братец делать не будет. Не сообщит дяде. Не поднимет шум. Не уволит ни меня, ни Берту. Он, как и я, будет осторожен и терпелив, что и требуется в этой ситуации от нас обоих. С ним приятно работать, вдруг пришла мысль. Что он понял, что заподозрил? Не поверил, что пуделек может внезапно стать волком? Пуделек... Пуделек Сондры. Кто так меня назвал? Меня? Ну да, меня, и хватит этих психоанализов, Клайд. Перед глазами проплыли имена... Лица... Трейси Трамбал... Его сестра Джил... Грэнт Крэнстон... Фрэнк Гарриэт... Стюарт Финчли... Да, я знаю их всех в лицо. Откуда? Это про-

сто. Подшивка светской хроники и полчаса времени. Именно столько, сколько потребовалось Шорту на упаковку костюмов. А я сидел в углу в уютном кресле и небрежно перелистывал страницы, сопоставляя тексты, фотографии и перекрестные ссылки. Рутинa. Итaк, пуделек, значит? Хорошо. Почему Гилберт их так ненавидит? Неужели просто из-за беззаботного образа жизни? Дайкс... Почему я опять вспомнил это узкое бесстрастное лицо? "Я тут живу." Это прозвучало, как захлопнувшаяся дверь. Дверь дома, которого нет. Дома Дайкса.

Смотрю на часы, снова на вход в цех. Ничего и никого. Звонок на обед. Девушки вскочили и шумной гурьбой устремились к выходу. Берта очень медленно берет сумочку, зачем-то ее открывает, заглядывает внутрь. Нерешительно оглядывается. Тянет время, что-то хочет сказать или спросить. Смотрит на меня, качнул головой, иди. Не сейчас. Коротко вздыхает, закусив губу, и быстро выходит. Обиделась. Вздыхаю сам... Скорее бы уже убрать ее отсюда, хватит работать. Пусть дома сидит и борщ мне варит. Невольно улыбаюсь, представив эту картинку. Зримо увидел Роберту с кастрюлей борща и захотелось основательно подкрепиться. Проблемы проблемами, а обед – по расписанию.

Лигет сидит напротив и как-то без особого аппетита ковыряет второе. Кстати, отличная вареная картошка, политая

маслом, салат и сакраментальная котлета. Поглядываю на его лицо, пытаюсь отыскать на нем следы того, что Гилберт сказал ему утром. Что-то там было... Начальник цеха ровен, доброжелателен, содействует, любезно сообщил, что проект одобрен и начат. Но что-то заряжено. Чувствую.

Вечер. Наконец-то подошел к концу и этот очень длинный день. Только что разнесли конверты с жалованьем за неделю. Четвертак. Смотрю, Роберта заглянула в свой. Там должно быть двенадцать. Будут немалые расходы в эти два дня, ничего, справимся. Максимум, выставим банк в Сиракузах. Берта и Клайд. Я смогу. А что... Возьмем штук пятьдесят и рванем в Канаду. План С. Нет, Роберта никогда не согласится. Так что считай-ка наличные денежки и справляйся как-нибудь. Быстро иду по темнеющим улицам, пошел не прямой дорогой, избегая соблазна на расстоянии проводить Берту до дома. Она, похоже, рассчитывала на это. Ох, девочка моя... Не обижайся, пожалуйста. Все будет хорошо.

Уже перед нашим перекрестком вижу замеченный еще утром почтовый ящик. И медленно опускаю в прорезь написанное на работе короткое письмо. Несколько мгновений смотрю в темноту, в которой исчез конверт. Все. Пора. Сначала домой, и после – к Роберте. Опускаю руку в карман пальто. Все на месте. Запрокидываю лицо к вечернему небу и с улыбкой смотрю на высыпающие яркие звезды. Пора ид-

ти.

Глава 18

С удовольствием открываю дверь в свою комнату, пройдя темной тропинкой через заросший садик. Стараясь не шуметь, умылся и переоделся. В общем, все. Вещи собраны еще вчера в большую сумку, безжалостно реквизированную все у того же бедняги Шорта. Чем хороши дорожные изделия этого времени – обилием отлично продуманных отделений, карманов и кармашков. В них без труда уместилось все мое невеликое имущество. Ставлю сумку возле стола, я готов. Расписание поездов в Олбани раздобыл в уличном киоске, поедem в 8.35, вторым поездом, Роберта сказала, будет меньше народа. Вкладываю его в путеводитель по Ликургу и окрестностям, основательно изучил его за эти дни, все улеглось в памяти и привязалось к сторонам света, так что не заблужусь и дорога на вокзал мне ясна. Ну и со мной Роберта, она местная. Вот и сбылось – она теперь поведет меня в этом практически неизвестном мире. Да, неизвестном и враждебном. Читал книгу? Владею языком и рядом очень специфических навыков? Все это – не волшебный ключик, за пределами штамповочной, на улицах Ликурга – я хожу по грани. Мелочи... Повседневные мелочи... И здесь помощь Роберты будет бесценна. Улыбнулся, вспомнив, как она смеялась от того, как надеваю шляпу. И тут же улыбка гаснет...

Да, она хотела, как лучше, она боялась, что люди заметят разницу... Это был момент, когда я сорвался.

Роберта стоит передо мной и нервно теребит платок, вот оглянулась на окно в цех, на девушек.

– Что случилось?

– Милый, я боюсь, что... Только не сердись! Но, знаешь...

– Берт, успокойся. И говори внятно. Что случилось?

Она собралась с духом и...

– Девушки там только и говорят о том, что тебя словно подменили, Клайд. Они все, все заметили – взгляд, манеру говорить, сидеть, ходить... Все другое! Да вот, ты карандаш в пальцах вертишь, а он так никогда не...

Роберта наткнулась на мой взгляд и испуганно осеклась, я откинулся на спинку стула и очень внимательно на нее посмотрел. Знаю, что неправ, знаю, что делаю ей больно, но... Не могу сдержаться. Тихо произнес, стараясь не замечать ее широко раскрывшиеся влажно заблестевшие глаза.

– Чего ты хочешь? Чтобы я себя вел, как он? Может, давай сядем и ты мне все подробно расскажешь? О нем, какой он был, как повязывал галстук, как держал вилку? Может, и еще что-нибудь рассказать хочешь? Хорошо все помнишь?

Ее лицо вспыхнуло. Я продолжаю, не в силах остановиться, меня накрыло...

– Давай, я послушаю. И изображу – ничтожество и подлеца. Я смогу, не сомневайся. Все изображу! Ну? Хочешь? Решай!

Я пожалею о каждом сказанном сейчас слове. Но я не владею собой. Плечи Роберты опустились, она вся поникла, губы задрожали. Прошептала, судорожно скомкав платок.

– Не смей так говорить... Никогда! Как ты не понимаешь, что... Что мне страшно! Что все обнаружится, что ты исчезнешь! Что тогда со мной будет? С тобой? С нами?

Все. Хватит. Провел ладонью по лицу, словно стирая липкую паутину. Я не железный... Угрюмо прошептал, покосившись в цех.

– Берт, прости, прошу. Я все понимаю, но... Я – не он. И изображать его – не буду. Конечно, перед всеми я должен быть им и так останется навсегда, но, – я внезапно улыбнулся, – Клайд теперь – другой. Пусть привыкают, милая. Пересуды? Не бойся, и это только начало, впереди много трудностей. Мы ведь вместе? Мы справимся?

Пока говорил, она немного успокоилась, глаза высохли, вот робко улыбнулась в ответ, кивнула.

– Справимся, Клайд. И ты меня прости, я испугалась и сразу побежала к тебе, наговорила со страху... Давай все это забудем. Давай больше никогда не ссориться! Это так больно...

И мы оба, не скрываясь друг от друга, перевели дух, я подмигнул.

– Все, теперь иди на место и спокойно работай. Спросят, что так долго – начальство ругало и метало молнии... И это правда.

Тряхнул головой, отогнав тягостное воспоминание. Больше ни она, ни я – к теме разницы между Клайдами не вернулись. Надеюсь, и не вернемся. Но я прекрасно понимаю, что так просто он из нашей жизни не уйдет, все еще будет – и воспоминания, и... Неизбежное сравнение. Тяжко... Оборвал себя. Тяжко мне? А Роберте сейчас каково? Может, хватит себя жалеть, милый? Тебе не двадцать лет, а... В общем, не двадцать. И Роберте сейчас куда тяжелее, при всем избавлении от позора, нищеты и бесчестия. Избавилась от этого – получила подарочек, незнамо кого в теле бывшего любимого человека. Нормально? Так что – хватит. Берта – только-только отходить начала, надо ей помогать, а не грузить собственными комплексами. Понял? Понял.

Стемнело окончательно, пора выходить. Надо успеть зайти в кондитерскую, Берта оказалась той еще сладкоежкой и подсела на заварные пирожные, их тут отлично готовят. И на здоровье, душа радуется, видя, как она их лопает, смешно запивая чаем, совсем по-детски. Берта... Что ты сейчас делаешь, думаю об этом, меряя улицу быстрыми шагами, вот уже

и угол. Наш угол, никак не привыкну, что мы практически теперь соседи. К Роберте направо, но сначала прямо, видны огни кондитерской, успел. Хозяин, мистер Тернер, меня уже знает и встречает улыбкой на широком добродушном лице. А запах тут просто умопомрачительный... Крем, сдобное тесто, кофе – я непроизвольно втянул носом воздух. Улыбка на лице мистера Тернера стала еще добродушнее, он подмигнул, споро укладывая в коробку сразу два вида пирожных – с белым ванильным и шоколадным кремом.

– Добрый вечер, мистер Грифитс, вижу, вижу, дела идут отлично... – он хитро прищурился, вложив коробку в большой бумажный пакет.

– И вам доброго вечера, – захотелось подмигнуть в ответ, но сдержался, – под ваши замечательные пирожные все может быть только отлично.

– Надеюсь, и та симпатичная мисс, что вчера взяла у меня такие же пирожные – думает так же... – кондитер покосился на меня с очень лукавым видом, протирая прилавок.

Ах ты, рожа твоя глазастая... Ну, Берта, конспираторша... Но настроение такое хорошее, а лицо напротив такое доброжелательное, что отпираться или разыгрывать непонимание – совершенно не хочется. И я таки подмигнул ему с видом заговорщика, что такого?

– Не сомневайтесь, мистер Тернер, пирожные пришлись очень ко двору.

В кондитерской стал свидетелем очаровательной сценки. Двое, мальчишка и девчонка, обоим лет по десять, судя по виду – уличные сорванцы "не разлей вода". Прибежали за обрезками еще теплой мягкой сдобы, кондитер с улыбкой вручил им полный пакет, добавив к нему шоколадное пирожное для девочки. На это пацан деловито пообещал завтра поутру помочь с разгрузкой муки, сахара и прочих принадлежностей. Элегантно приподнялась потертая шляпа, достоинство – превыше всего, особенно когда смотрят такие влюбленные голубые глазищи. А потом, уже на улице...

– Ешь, кому сказал! Это тебе!

– Ну, Кларк, давай пополам... Вкусное!

– Я завтра с него два возьму за работу и центов сорок заплатит. Сходим в "Глобс", на "Шейха"! Там твой Валентино то ли спасает красоток, то ли похищает. А сейчас – лопай, Мардж! Я сдобу погрызу, пока не остыла... И ты бери, дома шаром покати...

– Ой, Валентино... Правда сходим?

Весь короткий путь до дома Роберты я улыбался...

Вот и тускло освещенное окно, в нем силуэт. Роберте не сидится, стоит и высматривает, когда же появлюсь. Бросить камешек или показаться? Захотелось, чтобы заметила, что-

бы... Веду себя, как влюбленный мальчишка... Что же, я он и есть. Взгляд налево, направо, на окна Гилпинов. С наступлением темноты улица затихла, здесь рано ложатся спать. У Гилпинов светится дальнее окошко, там – спальня, Берта мне уже показала, что где. Соседние дома выглядят так, словно все там уже давно отдыхают. Слева – многодетная семья плотника, справа – коммивояжер мелкого пошиба, продает товары для дома. Было дело, попытался ухаживать за Робертой, и это при жене и троих детишках. Надо отдать должное мужику, получив вежливый афронт, с того момента отменно корректен и даже не приближается. А вообще, силен, чудака на букву "м" – жена в десятке метров, а туда же... Но, пора, пока я тут мечтаю, никто не прошел и не появился. Делаю шаг из-за дерева. Как раз снова подошедшая к окну Роберта заметила меня, встрепенулась, не удержалась и радостно помахала рукой. А я уже перешел улицу, окно распахнуто мне навстречу.

– Клайд!

– Бери коробку!

– Беру!

– Шш, тихо ты!

И попадаю в уже родную комнату, в теплый уютный полумрак. В наш потаенный тихий мирок, созданный под носом у всех за пару дней. И каких дней... Они стоят целой жизни.

– Клайд...

Мысли долой, меня целуют самые сладкие и прекрасные губы на всем свете. И время покорно останавливается. Так не хочется отпускать эти мгновения, пусть бы они длились и длились...

– Берта...

– Что, милый?

А я ничего не говорю, потому что смотрю на неё и... Вроде бы все обычно, все то же домашнее простенькое платье. Та же лента в волосах. Лицо... Оно другое. Светится чем-то неземным, глаза – бездонные озера. Губы изогнуты улыбкой счастья и такой радости... Чем я заслужил это?

– Берта, я...

Хотел все сделать не так. Как-то торжественно, значительно... Не знаю. А потом понял, что не ждет она сейчас ничего особенного. Просто ждет меня. А потому...

– Любимая, я...

Глаза ее полыхнули, вдруг понял, что произнес это в первый раз.

– Клайд...

Она прижалась ко мне и ее лицо запрокинулось мне навстречу, губы раскрылись...

– Я люблю тебя, Роберта.

Осторожно высвобождаю руку и подвожу ее к столу, на который успел незаметно положить небольшую коробочку, достав из кармана пальто. Берта все поняла, лицо ее стало очень серьезным.

– Открой.

Под тусклым светом горящей вполнакала лампы на черном бархате мягко заискрились два тонких обручальных кольца.

– Мы уже поклялись друг другу у костра, на берегу Моганга, ночью. Помнишь?

Роберта медленно кивнула, подошла ко мне и вложила ладони в мои руки, словно совершая какой-то древний обряд.

– Я тогда сказал, что беру тебя в жены, и ты согласилась с этим.

– Да, Клайд, я все помню.

– Ты выйдешь за меня замуж, Берта?

– Да.

– Завтра?

– Завтра.

– Клянешься?

– Клянусь.

И торжественная атмосфера, которую мы оба невольно нагнали импровизированным ритуалом, внезапно разрядилась этими словами. Мы поклялись друг другу, что будем вместе, всегда, что может быть проще и понятнее?

Снова поцелуй, и снова волшебство ее губ... Долго, очень долго не размыкаем объятий... Нет напряжения, нет смущения или тревоги – все ушло с короткими словами клятвы. Да, будет церковь, священник и обряд венчания. Завтра. Но

главное произошло между нами сейчас, в этой тихой комнате. А на столе весело подмигивают наши кольца, как будто им уже не терпится запрыгнуть нам на пальцы.

– Пьем чай!

– С пирожными! – раскрываю коробку, – мдаа...

– Что случилось?

Берта заглядывает мне через плечо.

– Помяла, тютя!

И провожу пальцем в креме ей по носу.

– Ай, Клайд! Перестань сейчас же!

Роберта со смехом отдернула голову и палец случайно коснулся ее губ, оставив на них немного крема, она машинально слизнула его... А я, не удержавшись, взял ее смеющееся лицо в ладони и проделал то же самое с кремом на носу. Роберта замерла и я почувствовал волну дрожи. Она растерянно посмотрела и тихо прошептала...

– Будем чай пить? Клайд...

С трудом беру себя в руки. По Роберте видно, что и ей этот вопрос дался нелегко.

– Давай, Берт, наливай чай, а я пирожные вытащу.

– Осторожно вытаскивай и не урони крем по дороге, милый, – ехидно произнесла и отправилась заваривать чай. А я чуть не подавился от того, как прозвучала эта безобидная фраза в свете произошедшего пару минут назад, ну, девчонка...

– Клайд, что с тобой? Ты чем-то подавился? Весь красный стал... Все в порядке?

А я стою дурак дураком с коробкой злосчастных пирожных и не могу остановиться, непритворно заботливое лицо Роберты только добавляет в ситуацию смеха.

– Вот, воды выпей, – протягивает мне стакан воды, – дай я возьму, пока весь крем не выдавил на меня.

Ооо... Зря я начал пить, вся вода в приступе уже неконтролируемого смеха брызгает на Роберту, за что и получаю ладошкой по лбу. Ой, мама... Ой, Господи... Смеемся уже вместе, при этом делая друг другу страшные рожи, показывая на стену, за которой спят Гилпины. Да спят ли уже? Хватаю Берту за руки и усаживаю на кровать, надо отдышаться. Уфф... Сажусь рядом и обнимаю ее за плечи.

– Все, все, успокаиваемся...

Оба дышим как загнанные лошади, если хозяева это услышат, репутация Берты станет интересной.

– Клайд, да что на тебя нашло? Я даже испугалась, решила, что ты...

Так... Я больше не выдержу.

– Берта! Остановись, умоляю! Чай! Где наш чай? Полцарства за чай!

И через минуту мы дружно пьем горячий крепкий напиток, тут Роберта мне под стать, заваривает от души.

– Почему не ешь? Крем сегодня какой-то особенно вкусный, – Берта с детским удовольствием уплетает пирожные,

запивая чаем.

– Это тебе, сил набирайся на завтра.

С улыбкой смотрю на нее, она такая сейчас домашняя, безмятежная и веселая, щеки покраснелись от удовольствия. Никакого сравнения с тем, что я увидел всего несколько дней назад...

– Ты собралась, все приготовила?

– Да, милый, вон чемодан, у двери.

Показывает, в углу стоит аккуратно сложенный и закрытый чемодан, рядом еще небольшая дорожная сумка через плечо.

– А вот в дорогу платье и пальто, тебе нравится?

Простой, но очень чистый, отглаженный дорожный костюм синей саржи. Шляпка в тон, с маленькими шелковыми полями и несколькими веселыми вишенками на них. Старалась, солнышко мое... Сердце вдруг екнуло... Тот самый костюм. Тот самый... Мысли, прочь!

– Очень нравится, ты красавица у меня, – ласково провожу пальцами по ее руке.

– Очень хотела новое платье, но не нашла тут недорогой швеи, а сама бы не успела, – Роберта вздыхает, – буду в одном из старых.

– Перестань, что ты... И я уверен, что в чемодане есть очень красивое платье.

Шутливо толкаю ее в плечо, Берта в ответ прижимается

ко мне и кладет голову на грудь.

– Я так счастлива, Клайд.

– И подарила счастье мне, любимая.

– Знаешь...

– Что?

– Я иногда думаю, что ты ангел, которого послал мне Бог. Роберта помолчала.

– Я так молила Его... Умоляла Небо о помощи... И в тот вечер... Ты пришел. Пришел на мой зов.

Роберта произносит это, закрыв глаза. И вижу, как из них медленно текут слезы, блестящими дорожками по щекам.

– Это слезы от счастья, любимый, не тревожься.

И мы молча сидим в тихом ночном полумраке нашей комнаты. На столе посверкивают в ожидании наши кольца. Роберта кладет голову щекой на сложенные ладони и смотрит на них. Осторожно трогает кольцо пальцем, как бы желая убедиться, что оно – существует.

– Хочу подержать...

– Так бери, почему остановилась?

Берта покачала головой и слегка удивленно посмотрела на меня.

– Нельзя. Перед венчанием – нельзя.

– Почему?

– Сглазить можно, глупенький ты мой. Ничего не знаешь...

Получаю шутливый щелчок по носу и улыбку. А кстати,

вот еще что...

– Берт, у нас проблема.

– Какая?

Она было встревоженно напряглась, но увидела мои смеющиеся глаза и успокоилась.

– Не пугай меня так, – шепнула укоризненно, – ну что случилось?

– Прости, не подумав ляпнул. Давай еще чаю?

Берта кивает и подставляет чашку, честно поровну разливаю оставшееся в чайнике.

– Я совсем не знаю, как все должно происходить. Вот, даже с кольцами сейчас промашка вышла.

– Боже, только-то...

Роберта отпила глоток чая и заглянула в коробку, разочарованно подняла глаза – пирожные закончились.

– Я знаю, как должно быть все, милый, не волнуйся.

– Откуда знаешь?

– Мама рассказывала, когда я была ещё маленькой, свадьбы подружек видела, младшей сестры Агнессы. А ты правда совсем-совсем не знаешь ничего?

И Берта хитро прищурилась. И где теперь ее грусть и отчаяние, сидит задорная и уверенная в себе мисс, так тепло на душе становится...

– Нуу...

– Нуу?

Еще и дразнится, заразенок такой...

– Знаю, что будет церемония, торжественная, может, орган играть будет...

Берта слушала, округлив глаза. Я понял, что снова в чем-то дал маху. В органе?

– Нет, не будет органа?

Вздыхаю. Роберта откровенно веселится.

– Берт, рассказывай лучше ты, а?

– Мы приедем в Олбани и пойдем в церковь.

– Оо, а я бы и не догадался...

– Ты слушай, Клайд, и не перебивай, а то...

– Чего?

– Ну, Клайд!

– Берт, идем гулять?

Рассмеялся, увидев, как от неожиданности она приоткрыла рот, замолчав. И растерянно моргнула, нерешительно посмотрела в темное окно.

– Давай, пройдемся, подышим ночным ликургским воздухом. Одевайся. Нам же с утра не на работу, лишний час даже поспим.

Роберта все еще нерешительна, подходит к шкафу и открывает дверцы.

– Я платья уложила, а завтрашнее не хочу одевать, это же в поездку.

– Солнце, надевай пальто на домашнее платье, ботиночки, шляпку, шарфик.

– И в окно?

Берта озорно заулыбалась и начала одеваться.
– А как же, строго в окно, леди. Ты теперь умеешь.

Мы медленно идем в сторону реки, держась за руки. Тихие ночные улицы, кроны деревьев таинственно шепчут нам вслед – мы видим вас, но мы ничего никому не скажем. Им можно доверять. Прохладно, обнимаю Берту за талию, согревая.

– Не мерзнешь?

– Нет, мне очень хорошо.

– Ты рассказывай дальше, что завтра будет.

Так, негромко разговаривая, мы вышли на де Кальб.

– Вот здесь я теперь живу. Видишь, совсем от тебя близко.

Останавливаемся поодаль, темный дом молчаливо смотрит на нас поблескивающими в свете фонаря стеклами. За невысоким немного покосившимся заборчиком виден небольшой, но густо заросший сад.

– Я всегда мечтала, что ты когда-нибудь пригласишь меня к себе в гости...

Роберта осеклась, поняв, как это прозвучало...

– Прости... Прости, любимый, я... Ну что же это такое...

Голова ее уткнулась мне в плечо, руки обхватили и прижали к себе, шляпка упала. На этот раз не дал ей долететь до земли.

– Милая моя, ты что... Ну что ты, перестань...

Отстраненно прислушался к себе – нет, ничего похожего на вспышку в цеху. Легкая досада? Возможно. Но я твердо решил – пусть Берта говорит все, если нужно. Так она быстрее и легче преодолеет происходящее. Мне все это выслушивать? Да. Я справлюсь. И прятаться от прошлого за боязливое молчание – мы не будем. В гости хотела? Сейчас организуем.

Ласково глажу рассыпавшиеся по плечам волосы, ладонь согревает холодные на ночном воздухе щеки. Не надо, солнышко. Все хорошо и будет хорошо. Смотрю на нее во все глаза, поняв, – что бы ни было потом с нами, этот образ навсегда будет для меня ее воплощением, ее душой. Тусклый уличный фонарь и в его неверном свете – маленькая хрупкая фигурка с каштановыми пушистыми волосами, развевающимися на ночном ветру. Любимая...

– Приглашаю вас в гости, мисс Олден. Здесь и сейчас. Идем.

– Страшно, а вдруг нас увидят?

Шепот Роберты совсем не сочетается с ее заблестевшими глазами, она уже отошла от неловкости и ей хочется ко мне...

– Не бойся, не увидят, – смотрю на часы, почти полночь, – спят уже все.

Беру ее за руку и мы подходим к ограде садика, осторожно открываю калитку и заходим.

– Осторожно, тут тропинка неровная и корни в паре мест торчат.

Шепчу это Берте на ухо, она крепко держит меня за руку и осторожно идет рядом.

– Клайд, мне страшно, ну вдруг услышат или увидят...

– Тсс, пришли.

– А куда лезть?

– Что, понравилось в окна лазить, дорогая?

И я с некоторым даже шиком отпираю дверь. Роберта нерешительно замерла на пороге, пытаюсь что-нибудь разглядеть.

– Заходи, не стой, я свет зажгу.

Задергиваю занавески и осторожно вывожу лампу на небольшой накал. Комната неспешно осветилась очень домашним желтым светом, придавшим ей странное сходство с комнатой Берты. Она с любопытством огляделась, все еще явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Как тебе у меня в гостях? Давай пальто и шляпку.

– Не знаю, милый, как-то... Я никогда не была вот так...

Роберта запнулась, не найдя слов или не захотев продолжать. Медленно прошла по комнате, провела пальцами по стене, тронула стол, осторожно выглянула в окно, присела на кровать. Очень прямо и на самый краешек, замечаю это уголком глаза, мастера в кухонном уголке нехитрое угощение. Вот качнула головой и пересела к столу, так ей спокойнее.

– Ужин, Берт.

– Ты тоже, а то я сама все пирожные съела.

И мы с аппетитом принимаемся за холодное мясо и хлеб с сыром и маслом, спасибо миссис Портман. Роберта немного освоилась и оживилась, настороженность сменилась улыбкой и шутливо-умильным взглядом.

– А чаем напоишь, мистер Грифитс?

Я собираюсь встать, она мягко меня останавливает.

– Сиди, я сама сделаю.

И отправилась хозяйничать, через мгновение уютно зашипел примус и вскоре мы уже пьем исходящий паром чай. И я осуществил свою мечту – Берта у меня на коленях в этом грандиозном кресле. Вот так полусидим-полулежим, пьем чай и болтаем. Хорошо... Хотя сесть ее пришлось поговоривать.

– Иди сюда, смотри, какое огромное, на двоих хватит.

– Клайд...

– Что?

– Ты врушка, тут только один может сидеть.

– Нет, двое, вот так... Садись теперь. И чашку бери.

– Клайд! Я не могу...

– Давай, Берта, не бойся и у тебя чашка с чаем, чуть что – выливай мне за воротник.

– Ну, смотри... Вылью!

– Воот... А ты боялась...

– Замёрзла?

Роберта заворочалась и приподняла голову с моего плеча. Выпитый чай, тишина, объятия в глубине мягкого плюшевого кресла, все это уронило нас в короткий, но крепкий сон. Проснулся первым, от холода. Май месяц на дворе, днем уже жара бывает, а по ночам прохладно. Берта в тонком домашнем платице, ноги в чулках, но совсем холодные, не простудить бы ее.

– Да, ноги совсем заоченели и руки тоже, – почувствовал, как холодные ладони просовываются поглубже между мной и креслом, беру их в руки и отогреваю дыханием, целую пальчики. Заморозил невесту.

– Хочешь домой пойти? Надо тебе поспать перед дорогой хоть немножко.

Роберта решительно замотала головой, поцеловала меня в щеку и снова устроилась на моем плече.

– Не хочу домой, останусь тут с тобой еще, можно? А потом ты меня проводишь.

– Провожу, милая.

– И я же тебе так и не рассказала, что и как завтра будет в Олбани.

– Рассказывай, Берт, только ты же заоченела вся, может, ляжем под одеяло?

– Нет, я тут хочу, – и она крепче прижалась, пытаясь согреться.

– Тогда давай я сюда принесу одеяло, укроемся, а то совсем околеем к утру. Ладно?

Берта встала и сладко потянулась, не менее сладко зевнув во весь рот. Оглянулась в поисках чего-то, слегка растерянно посмотрела на меня, явно желая спросить и не решаясь.

– То, что тебе нужно, вон за той дверью, – невозмутимо показываю.

Роберта покраснела и с отчетливым облегчением исчезла за заветной дверью, плотно ее прикрыв. Усмехаюсь и беру с кровати шерстяное одеяло, опять спасибо миссис Портман, снабдила полным постельным комплектом. Тем временем возвратилась Берта и мы снова уютно устроились в кресле, укрывшись, закутал ее до носа.

– Рассказывай, Берт.

– Ну вот, – начала она таинственным шепотом, – мы пойдем в церковь и скажем священнику, что хотим обвенчаться. Он запишет наши имена и спросит, есть ли у нас кольца и свидетели.

– Первое у нас есть, а свидетелей где найдем?

– Ну, если их взять негде, то сам священник их пригласит из тех, кого он знает и уважает. Ведь часто так бывает, милый, что...

– Что приезжает пара издалека, чтобы тайно обвенчаться?

Роберта несколько мгновений помолчала.

– Да, Клайд.

Нахожу ее руку и ласково беру в свою.

– Говори дальше, я слушаю...

– Но, Клайд...

Берта замялась, подбирая слова.

– Ты только не сердись, хорошо? Я с тобой не посоветовалась, и вообще...

– Не сержусь, но объясни, – ласково взъерошил ее пушистые волосы, она свернулась клубочком в моих объятиях и зашептала.

– Понимаешь, есть одна девушка у нас в отделении...

Так... Я опять забыл спросить, а ответ, похоже, сам сейчас произнесется.

– Мы с ней дружим, и я...

– Думаю, я знаю, о ком ты говоришь. Ольга.

– Откуда ты знаешь? Хотя...

– Я же видел, как она тебе пыталась помочь, вы ходите вместе, разговариваете.

– Да, она такая...

– Какая?

Роберта задумалась.

– Она очень страдала, там... В России.

Да, могу представить, опять напомнил себе, что на дворе 1922 год со всеми вытекающими...

– Ольга тебе рассказывала?

– Немного. Она очень скрытная и замкнутая.

– А как вы начали общаться, как подружились?

Берта вздохнула, помолчала.

– Понимаешь, когда... Я пробовала общаться с эмигрантками, их много у нас в штаповочной, сам видел... Думала, может кто-то подскажет, что делать. Но среди них верховодят Марта и Руза, – Роберта ехидно улыбнулась, – ты с ними уже познакомился, милый? Пирожки вкусные были?

Я закатил глаза, очень сокрушенно вздохнув. Мне теперь сколько выслушивать за три кусочка теста с яблочным вареньем?

– Ничего особенного, уверен, твои будут вкуснее. Умеешь печь, хозяйка?

Меня обиженно пихнули в бок, из глубин одеяла засопело.

– Конечно, еще как умею, вот испеку тебе пирог, пальчики оближешь!

Меня наградили поцелуем в щеку и послышался шепот, Роберта вернулась к рассказу.

– Ну вот, ничего из этой затеи не вышло, я не смогла подойти и поделиться таким – с ними... Они все... Вульгарные, неприятные... Марта, Руза... Лена... Они бы трепали мое имя на каждом углу... А Ольга, она держится особняком и ни с кем из них не общается.

И я вдруг понял, и все стало на свои места.

– Ты ей все рассказала?

– Нет, нет...

– А что же тогда?

– Она как-то догадалась обо всем сама, милый. Наверное,

для доброго человека это было нетрудно. А она очень хорошая и добрая.

– Понимаю.

– В один из дней, когда я была в полном отчаянии, когда... Роберта порывисто вздохнула, осекшись.

– Шш, не надо. Берта... Не хочешь, не рассказывай...

– Нет, я все тебе расскажу, ты должен знать.

Ничего не ответив, крепче обнял ее, прижал к себе, согревая.

– В этот день она просто подошла ко мне и сказала, что если мне нужен друг, которому я захочу довериться в своей беде, то она готова. Правда, удивительно?

И почему я не удивлен...

– Неудивительно, Берта. Они, русские, они бывают такие...

– Откуда ты знаешь? Ты их видел раньше? Я вот до Ольги – никогда.

– Доводилось, Берт. Но ты продолжай.

Мне показалось или она как-то очень внимательно посмотрела сейчас на меня?

– Ну вот, а я... А я была тогда так одинока, мне было так плохо... Я потянулась к ней... И все-все ей рассказала. Знаешь...

– Что?

– Был момент, я хотела умереть. И решилась на это. Не спрашивай, как. Но я все приготовила.

Боже...

– Она меня тогда спасла, что-то поняв. Пришла ко мне домой и мы до утра проговорили. Она мне рассказывала о себе, такое... Такое... Немного совсем, но...

Просто молча глажу Роберту по голове, прижав к себе, такую снова маленькую и беззащитную, вернувшуюся в дни одиночества и отчаяния. Вернувшуюся, чтобы все рассказать мне. Милая... Любимая... Единственная...

Роберта продолжает негромким голосом.

– И она сказала мне – живи. Не смей бросать Ему в лицо его дар. Не смей убивать жизнь, которая в тебе зародилась и ждет своего часа. Живи! И если хочешь, я буду с тобой рядом, как смогу.

Да. Порода. Гордость и сила. Ольга, ты дала толику их моей Роберте, удержав ее от непоправимого. Я тебе должен. Должен.

– И с тех пор вы подруги?

Берта пожала плечами.

– Не знаю... Иногда мне кажется, что да. А иногда мы как-то далеки друг от друга. И живет она неблизко, в Стоктон-Хиллз, это почти за городом.

– Бывала у нее?

– Нет, хотя она несколько раз звала в гости.

– Так, а в чем ты со мной не посоветовалась и почему мне

не сердиться?

Роберта снова замялась, явно не находя слов.

– Говори, все равно придется, и давай сейчас, пока я добрый.

Шутливым тоном стараюсь ободрить и разрядить чуть сгустившуюся атмосферу. Берта собирается с духом и выдает... Даа...

– Милый, Ольга будет завтра с нами в Олбани. Ты только послушай и не перебивай, ну, пожалуйста.

Все это выпаливается скороговоркой на одном дыхании. Мне остается только кивнуть.

– Слушаю и не перебиваю.

Берта взяла меня за руку и потерлась щекой о щеку, закопавшись глубже в одеяло. Очень забавная манера зарываться в одеяла и подушки, уже ее усвоил и она мне очень нравится.

– Я позавчера ей рассказала, что мы с тобой решили обвенчаться и все теперь будет хорошо.

– Берт...

– Нет, конечно, я ей не рассказала всего. Только это.

– Хорошо.

– Нет, это не совсем хорошо, получается, мы ее обманываем, но иначе ведь нельзя. Да, Клайд?

– Да.

– Она очень за меня обрадовалась и когда я сказала, что мы решили венчаться в Олбани, сказала, что хочет быть моим свидетелем, если я не против, конечно.

– Все это отлично, но мы же едем на два дня и выходит, она все время будет с нами?

Наверное, мое лицо уж слишком выдало мои чувства, потому что Берта покраснела, поняв, о чем я подумал.

– Нет, нет, ты дослушай. У нее в Олбани родные, ей есть где там остановиться, и она будет с нами только на церемонии, ну и потом мы же можем с ней увидаться, погулять немного, разве ты будешь против?

Услышав это, я стал совсем не против и даже всецело «за». Более того, Ольга обещала привести и мне свидетеля из числа своих родственников или знакомых.

– Значит, все решили и завтра едем втроем?

Роберта хитро на меня искоса посмотрела и рассмеялась.

– Глупенький, Ольга уже в Олбани и встретит нас на вокзале. Она уехала сразу после работы вечерним поездом.

Моя малость обалдевшая физиономия Берту изрядно позабавила.

– Милый, она отлично понимает, что мы хотим побыть вдвоем. Это она все так придумала, чтобы нас не стеснять.

Да, Ольга Мещерская, спасибо тебе за все. За Роберту, которую ты спасла в тот отчаянный страшный день. За день завтрашний тебе тоже спасибо. Я твой должник. Навсегда. Знай это.

На часах почти три ночи, как же быстро летит время, когда мы вместе...

– Берт, подъем. Пошли отведу тебя домой, поспи хоть немного.

– Клайд, хочу с тобой остаться, не хочу уходить.

– Я не хочу тебя никуда отпускать, но как ты утром незаметно отсюда выйдешь? Давай, пошли.

Роберта тяжело вздохнула и стала одеваться. Спихватилась, полезла в сумочку и достала маленький сверток, протянула.

– Что это?

– Деньги, я откладывала. Сто двадцать долларов, это все, что у меня есть.

Таким доверчивым жестом мне их протягивает, как мужу, как тому, кто не обманет, не предаст. Всего лишь деньги. Но сколько говорит этот небольшой жест... Глаза подозрительно зашипало, отвернулся, чтобы она не увидела, и положил сверток на стол.

– У меня около семидесяти, считая с сегодняшним жалованьем, итого сто девяносто. Нормально, справимся.

– Конечно, справимся, ты еще увидишь, какая я экономная!

И мы, уже одетые, долго еще смотрим друг другу в глаза, в лицо, держась за руки и не желая прерывать это единение.

– Пошли?

– Пошли.

Медленно иду обратно к себе, сна нет и в помине, думаю,

и Берта не уснет толком. Какой уж тут сон, мысли, мысли... Столько сказано. А сколько собирался сказать – и не сказал. Не спросил. Не надо. Пусть будет два дня просто счастья. Все остальное – подождет.

" Милый мой... Любимый... Мой любимый ангел... Незнакомец... Клайд, – У темного окна неподвижно стоит Роберта и взглядом провожает медленно удаляющуюся фигуру, – я люблю тебя, кто бы ты ни был. И ты, кто позвал его сюда, прошу, молю – не отбирай его у меня, пожалуйста. Не отбирай. Лучше просто убей меня тогда. "

Глава 19

Ещё раз проверил содержимое сумки, придирчиво оглядел приготовленные в поездку рубашку, костюм, пальто. Уснул часа на полтора только под самое утро. А как там Роберта, хоть прилегла? Ее силуэт в окне снова встал перед глазами, снова почувствовал взгляд. Снова увидел пальцы, сжавшие край занавески. Услышал мысли... "Ангел... Незнакомец... Скажешь ли имя, кто ты, откуда..." Ты все узнаешь, любимая, обещаю. Почему я боюсь все ей рассказать? Ведь главное Роберта уже знает, так почему все не решаюсь? Казалось бы... Посадить ее рядом, сказать – мое имя... откуда я... Что может теперь быть проще? И сложнее. Нет, ещё не сейчас.

А теперь пора. Решительно отгоняю невесёлые мысли и поднимаюсь из кресла. Одеваться. Совершенно по-юношески хочу понравиться Роберте тем, как буду выглядеть, как держаться. Пусть улыбнется, меня увидев, пусть тоже отбросит все страхи и сомнения. И – ей меня вести, всю дорогу, от трамвайной остановки неподалеку на Франклин-авеню – до самого Олбани.

Подчёркнуто неторопливо и тщательно начинаю одеваться. Надо бы позавтракать, но за всеми делами как-то не подумал купить еды, а от щедрот миссис Портман остались са-краментальные "три корочки хлеба". Подумав, съел их, запив холодным чаем – до Олбани почти два часа ехать и в поезде не кормят, о чем любезно сообщил путеводитель. Надеюсь, Берта позавтракает получше, она девочка хозяйственная и практичная, когда не "капает". Может, сообразит соорудить пару сэндвичей в дорогу, тогда можно и в поезде поесть. Мда... Об этом мы вчера не поговорили, как поедem, вместе или в разных вагонах. Что-то эта мысль мне совсем не нравится, не хочу ее оставлять одну. Ладно, разберёмся. Если вагон будет пустой, сядем вместе, как только выедем из Ликурга. Выглядываю в окно – небо в редких перистых облаках и яркое солнце обещают отличный погожий день. Ну, все. Смотрю на своё отражение в зеркале. А я изменился, хотя лицо то же, но... Взгляд. Мой взгляд. Черты стали острее, суше, собраннее, скулы обозначились резче. Изменился. Смотрю в глаза своему отражению. Меня кто-то слышит? Ты меня слышишь? Молчание. Усмехнулся, застегнув пальто и надев шляпу, так, как научила Роберта. Это ведь мое зеркало, а твоё погребено под метром ила на дне Могаука. И это – навсегда. Отворачиваюсь и не спеша выхожу на улицу, сумка приятно оттягивает плечо предвестником ожидающей радости.

– Доброе утро, Клайд!

Это миссис Портман вышла на утренний моцион. Невысокая, полная, ей на вид около шестидесяти. Светло-лиловый плащ, серая шляпка с небольшими круглыми полями, в руках небольшая замшевая сумочка. Прищуренные глаза с разбегающимися от них морщинками. Думаю, мне с ней повезло, сразу почувствовал симпатию. Ну и моя фамилия тоже, конечно, сыграла роль.

– И вам доброго утра, как поживаете? Рано вы сегодня вышли.

Пожилая хозяйка только махнула рукой, улыбнувшись. Морщинки возле глаз словно улынулись тоже, лицо стало совсем добродушное.

– Плохо сплю с тех пор, как муж меня покинул. Вот и решила, чего даром лежать без сна, пройдусь, пока людей нет и тихо на улице.

Однако озадачила, спит, значит, плохо. Приглядываюсь к ее лицу, искренне говорит? Второго дна нет, не слышала ли чего?

– А вы уезжаете на выходные, развлекаться, небось? Молодежь, молодежь... Иногда читаю в газетах о ваших поездках и вечеринках, и даже фотографии бывают.

Ого... А хозяйка-то моя глазастая, оказывается. Это плохо? Пока не знаю, но на всякий случай скрою маршрут.

– Решил проехать по озёрам за Скенектэди, слышал, кра-

сивые там места и недорогие гостиницы. Завтра вечером вернусь, вот и весь отдых.

Вежливо приподнимаю шляпу, ставя этим точку.

– Счастливого пути, Клайд! И не простудитесь на озёрах.

– И вы себя берегите, миссис Портман.

С немалым облегчением продолжаю путь, мне на трамвайную остановку на Франклин-авеню, Берта сядет раньше и поедем вместе прямо до вокзала. Весь маршрут изучил с картой, запомнил до деталей и каждого поворота. Нельзя выделяться, ведь могут узнать. А мистер Грифитс уже давно живёт в Ликурге и не должен теряться на улице, не должен забывать элементарные вещи. Например, как купить билет на трамвай. Об этом мы вчера поговорили с Робертой. Сначала ее это даже забавляло, она совсем отошла после ссоры на фабрике. Но вскоре улыбка на ее лице сменилась озабоченностью, когда сказал, что это не шутки и я ничего толком здесь не знаю.

Роберта закусила губу и слегка нахмурилась, задумавшись.

– Клайд, я даже не знаю, с чего начать. Теперь мне все кажется важным и боюсь что-то упустить. Может, ты будешь спрашивать, а я постараюсь ответить, как сумею?

Я улыбнулся, услышав это наивное приглашение к пристрелочному разведопросу. Ну, где находятся ракетные шах-

ты и радарные станции, моя любимая все равно не знает, а потому...

– Все не так страшно, как кажется. Так... Берт, а кто сейчас президент, кстати?

Газеты, как собирался, я купил, но так и не прочитал – не до того было. Займусь ими завтра, в поезде. Роберта округлила глаза от неожиданного вопроса, став такой смешной, что мы оба рассмеялись. Успокоившись, я продолжил.

– А ты представь, что где-то всплывёт этот момент, а я не знаю. Так кто?

– Уоррен Гардинг, конечно. Ой, а нашего мэра зовут Томас Лоусон... А шерифа... Не знаю...

Роберта смущённо пожала плечами, откусив пирожное и запив его чаем. Однако, какая умница, уловила, что нужна система. Мне кто-то ещё из местной номенклатуры нужен сейчас? Пожалуй, нет, и есть вопросы куда важнее. Хотя... Насчет президента...

– Берта, а он республиканец или демократ?

– Республиканец, а наш мэр... – она задумалась, – вроде бы, демократ.

Мне вдруг стало любопытно...

– А ты у нас кто?

– Ну, Клайд... – она почему-то смутилась, провела пальцем по скатерти, – мы все в Бильце республиканцы, но это... Так, традиция, наверное. Папа с мамой никогда ни в чем таком не участвовали, я тоже ничего в этом не понимаю. А за-

чем тебе? Это важно?

– Не особо, но просто это самое элементарное. Имя президента страны, мэра города. Будет выглядеть очень странно, если я не буду знать этих вещей.

Роберта секунду подумала и кивнула, ее глаза блеснули в тусклом свете лампы.

– Ты прав. Но теперь есть и другие вещи, верно?

Да, пора спускаться на грешную землю, к насущному.

– На вокзал едем трамваем, так? Сколько стоит билет, как его покупать? Через какую дверь входить? Давай, дорогая, излагай по порядку.

Ее глаза разгорелись восторгом, словно ей предложили поучаствовать в интересной игре. Ну, так оно и есть, по сути. Играем в шпионов... То, что все всерьез – интереса не отменяет. Роберта выпрямилась и старательно начала объяснять.

– Остановка есть возле моего дома и следующая – на Франклин-авеню.

Я развернул на столе карту Ликурга и быстро нашел все точки, включая и мой дом. Отметил их карандашом. Берта заинтересованно подалась вперед, присмотрелась, хитро прищурилась.

– Если кто-то сейчас нас увидит, решит, что мы шпионы. Однако... Мысли читает?

– Значит, ты сядешь первой, а я на следующей остановке. Выходи к своей в семь пятнадцать и садись на трамвай, подхватишь меня. Поняла? Сверим-ка часы... Твои отстают на

четыре минуты, надо подвести.

Она кивнула, тут же подошла к стенным часам и старательно передвинула стрелку, оглянувшись на меня.

– Теперь хорошо?

Я улыбнулся, увидев эти блестящие глазищи, восторг и восхищение... Казалось бы, ерунда. Но как это важно ей сейчас – чувствовать, что все движается, делается...

– Из тебя выйдет отличная шпионка, дорогая. А теперь – как покупать билет?

Присевшая было Роберта задумалась, вдруг снова вскочила и взяла сумочку, достала из нее маленький круглый кошелек. На стол высыпалась горстка мелочи. Ну какая умница, я уже все понял...

– Платить кондуктору, эта линия до Гловерсвиля. Но нам туда не нужно, мы едем до вокзала.

Она показала мне монетку.

– Пять центов, "никель". Попросишь один билет по Ликургу.

– А если до Гловерсвиля?

Мне показана другая монетка.

– "Дайм", десять центов. Рядом с его кабинкой на стенке увидишь небольшой ящичек с прорезью, просто заходи, бросай деньги туда и проси билет.

– Понял, родная. А раз уж монеты показываешь... Есть и другие ведь? Полдоллара, например, пятьдесят центов?

Роберта улыбнулась, поворошила кучку мелочи... И шут-

ливо развела руками.

– "Хаф", полдоллара, но у меня тут нет. А вот это – один цент или просто пенни. А, и на будущее – сдачи кондуктор не даёт, бумажки не принимает. Нужно давать точно.

Логично, ничего не скажешь. Английская система. Но двигаемся дальше.

– Когда приедем на вокзал... Что там? Что делать с багажом? Просто в вагон? И как там с билетами?

– На вокзале просто иди за мной. Там кассы сразу слева от входа, людей не должно быть много. Проси билет до Олбани с возвратом назавтра. Стоит доллар с четвертью, так Ольга сказала.

– С чем?

Она досадливо шлепнула себя по лбу и снова стала перебирать мелочь, извлекла очередную монету и показала.

– Двадцать пять центов, "квотер".

Знаменитый "четвертак"... Ясно. Роберта пододвинула мелочь ко мне.

– Бери, у тебя же только бумажные, наверное.

– А ты, у тебя есть?

– Есть, милый, не беспокойся... Ой, вот не помню... Я же в Олбани никогда не ездила...

– Что ты не помнишь?

– У нас две линии, две компании, Нью-Йоркская и Дела-вэрская. Какая на Олбани, я не знаю, придется спрашивать. Там отдельные кассы...

Я беззаботно махнул рукой, не страшно. Подумаешь, некий мистер спросит билет на Олбани в кассе на Утику, это безобидная оплошность, не более.

– Просто спроси, где купить билет на Олбани, и все. А я за тобой. Берт, не будем впадать в панику по любому поводу, – я успокаивающе погладил ее по руке, – это просто вокзал, касса и поезд. Никому там до нас нет дела, поверь.

Она порывисто вздохнула и прижала мою ладонь к щеке, кивнула.

– Конечно, все будет хорошо. Просто я очень волнуюсь, любимый.

Погода становится все безоблачней и теплей, так вскоре придется расстаться с пальто. Вот и аккуратный навес остановки, стоят несколько человек, никто не пытается поздороваться. Шляпу на всякий случай немного сдвигаю на лоб на грани криминала и становлюсь так, что тень от нее падает на лицо. Маскировка не бог весть какая, но лучше так, чем вообще никак. На часах семь тридцать. Сердце начинает разгоняться от волнения, ну же... Трамвай! Берта успела сесть? Не проспала? И как вещи дотащила? С этими быстрыми мыслями вхожу в вагон и оглядываюсь. Берта... Невеста моя сидит в уголке, и из-под шляпки на меня смотрят такие радостные сияющие глаза, что хочется забыть про конспирацию. Пройти бы эти несколько метров быстрым шагом, да и поцеловать... Невольно шагнул к ней, забыв все наставле-

ния. Берта глазами стрельнула в сторону ожидающего кондуктора, не удержавшись от улыбки. С непроницаемым лицом повернулся к кабинке, вот и обещанный ящик для мелочи. Заранее приготовленный "никель" – в прорезь.

– По городу, пожалуйста.

Кондуктор, пожилой, с морщинистым лицом и вислыми усами, одет в синюю форму, на голове фуражка с желтой эмблемой. Видимо, знак трамвайной компании – стилизованная молния в круге. Такая же изображена на стене темно-зеленого вагона. Увидев, что монета брошена, он небрежно оторвал билет от прикрепленного рядом рулончика. Уфф... Теперь можно мне пройти к невесте?

Выбираю место напротив Роберты, ставлю сумку на сиденье рядом, она с меня глаз не сводит, пользуясь почти полным безлюдьем в вагоне. Красавица, постаралась выглядеть празднично. Синее дорожное платье и плащ, все аккуратное, выглаженное. Задорная модная шляпка с поднятой маленькой вуалью, тонкий кружевной шарф. И в обрамлении всего этого – веселое лицо без следа косметики, свежее, так и хочется чмокнуть в бархатную щёчку. А ведь наверняка не спала, снова все проверяла, готовилась, волновалась. Берта заметила, что я ее жадно разглядываю, и украдкой показала язык, рассмеявшись. Я сделал грозное лицо, чем ещё боль-

ше ее развеселил. Вагон вздрогнул и со скрежетом массивных колес тронулся в путь по ликургским улицам, постепенно начавшим заполняться людьми и автомобилями. До вокзала четыре остановки и всю недолгую дорогу меня разрывало два противоположных желания – смотреть на Роберту и в окно. Она поняла и втихомолку веселилась вовсю. Я же просто улыбался, видя это простодушное девичье счастье – все плохое позади, а сейчас яркий солнечный день, она едет венчаться с любимым человеком. А он то смотрит на нее, то в окно, ему интересно все... Трамвай со скрипом повернул на Централ-авеню, пошли магазины и деловые конторы. Большой универсальный магазин... Сердце забилося чаще – над ним вывеска "Старк"... Во рту пересохло – на стене солидного здания коричневого кирпича заметил табличку рядом с входом. Золотые буквы на черном фоне – "Адвокат Дуглас Трамбал". Ну, приветствую... Скоро увидимся? Если честно, не хотелось бы. А хочется просто тихо жить, спокойно работать. Получится ли? Посмотрел на Роберту, она глаз с меня не сводит. Если кто-то сейчас это видит – решит, что девушка переходит рамки приличий. Подмигнул ей, она заулыбалась совсем открыто, покосилась в окно и взялась за чемодан. Приехали. А когда я встал следом за ней, то мысленно рассмеялся – вся наша маскировка оказалась просто смешной. Кроме нас на вокзале не сошел никто и вид шествующей к входу парочки с багажом ничего не скажет только слепому. И ладно... Судя по всему, меня никто из пасса-

жиров не узнал.

Ликургский вокзал оказался небольшим, но основательно построенным одноэтажным зданием серого крупного кирпича. Широкий настежь распахнутый вход, негромкий гул голосов внутри зала ожидания. Несколько человек в форменных серых же пиджаках, видимо, служащие. Смотрю, как Берта справляется со своим небольшим чемоданом. Тащит вполне бодро, по размерам это вообще не чемодан, а скорее большой саквояж. Но все равно досадно мне на это смотреть, заберу при первой возможности. А ещё и дорожная сумка у нее через плечо. А багажные тележки тут есть? Нет, не вижу. И пассажиры своим багажом занимаются сами. Вижу, как Берта обратилась к одному из "серых пиджаков", тот показал на окошко слева от входа. Касса и небольшая очередь, человек шесть-семь. Роберта оглянулась и нашла меня взглядом, мы слегка кивнули друг другу. Пусть сначала она купит билет, а там и я подтянусь. Смотрю на большую табличку – "New York Central Railroad". Значит, едем "нью-йоркскими" линиями. А где у нас "делаверские"? Справа от входа вижу их табличку, ясно.

– Один до Олбани, пожалуйста, в обе стороны с возвращением завтра вечером.

Берта задержалась у выхода на перрон, поджидая меня.

Увидев, что я взял билет, она неторопливо пошла на платформу, давая мне возможность выйти и оглядеться. Вот и табличка «Ликург – Олбани». Время 8.30 на больших часах, висящих над выходом. Неспешным прогулочным шагом прохожу мимо Роберты.

– Устала?

– Немножко.

И расходимся, вижу, как она промокает вспотевшее лицо платком. Ничего, сейчас сядем и отдохнёт пару часов, а там уже я все возьму.

8.35.

В подошедшем поезде пять пассажирских вагонов, немногочисленная толпа пассажиров мгновенно растворяется в них. Я стою немного в стороне, вижу, как Роберта осторожно поднимается по крутым ступенькам, придерживая сумку. Что у нее там, нельзя было все в саквояж положить? Хорошо, кондуктор помог с вещами, вот Берта вошла в вагон и быстро направилась в его конец, в дальний угол. Спешит занять место и надеется, что сможем ехать рядом. Я тоже надеюсь, но прибывают пассажиры... Пора и мне. Когда вошел, Роберта осторожно приподняла руку, показывая – я тут. Мда... И с десятков попутчиков между нами. Пришлось сесть поодаль, но хоть у окна и видим друг друга. Переглянулись при виде соседей и оба слегка пожали плечами

с обоюдным сожалением. Ничего, маленькая, скоро приедем и никто нас уже не оторвёт друг от друга. Поезд дрогнул, под днищем вагона лязгнуло и мы начали неспешно разгоняться. За широкими окнами поплыли здания вокзала, приземистые склады и мастерские. Да, эти пейзажи во все времена и под всеми широтами одинаковы – очень много красного кирпича и ржавого железа. Отвожу взгляд от окна и смотрю, как там Роберта, поставила саквояж рядом на пол и что-то ищет в дорожной сумке. Достает небольшую бутылку воды и потихоньку пьет. Молодец она у меня, делает, как я вчера сказал, а бутылку ей в сумку лично положил, напомнив о выволочке и походе за водой в туалет на фабрике. Попив, Берта посмотрела на меня, я кивнул, дескать, все видел, отдыхаем, все в порядке. Мне иногда кажется, что мы с ней уже вполне можем общаться глазами. Мой сигнал принят, Роберта чуть вздыхает и пристраивается смотреть в окно, я следую ее примеру. Интересно же, это она у нас местная, а я... Поезд неторопливо катится, особо не разгоняясь, да и куда тут спешить, все успеется. Окружающие здания и строения становятся все ниже, попадают все реже. Между ними все больше зелени, дороги сменяются тропинками. В вагоне потемнело – проехали через небольшую чащу, после нее внезапно открылись поля от горизонта до горизонта. Мы выехали из Ликурга, поезд прибавил скорость. Смотрю в окно... То тут, то там мелькают амбары, здания складского вида, возле них видны фигурки людей, грузовики. Куда-то гонят стадо пят-

нистых коров... В полях двигаются трактора, еще какая-то техника, жизнь кипит. Люди тут работают много и тяжело. Цвет зданий в основном грязно-белый, многие явно по много лет не ремонтировались. А вот небольшая деревня: одно и двухэтажные домики и неприменный церковный шпиль в центре. Тут явно при закладке поселения первым делом обозначают место церкви и потом строят вокруг нее. Перехватываю улыбающийся взгляд Берты, она смотрит на меня. Смотрит с извечной женской заботой... Она видит, как мне интересно все, ведь я тут никогда раньше не был. Словно слышу ее тихий ласковый голос – вот здесь мы будем жить, любимый. Это моя земля, мой дом. Я постараюсь, чтобы он стал и твоим. Я так тебя люблю... Все будет хорошо. Вдруг она стала очень внимательно смотреть в окно, дав знак и мне. Исполняю, но пока не понимаю, в чем дело. Берта подняла левую руку и прижала ладонь к стеклу, постучала по нему пальцем, привлекая мое внимание. Навожусь по направлению пальца... Вот оно что... За окном медленно проплывает указатель «Билец – 2 мили». Вижу грустную улыбку... Со всем недалеко её семья. И они ничего не знают, не знают, что в эту минуту тут проезжает их дочь, готовясь обвенчаться с человеком, даже имя которого ей неизвестно. Которого она полюбила всем своим наивным и доверчивым сердцем. В которого верит, что не предаст, не обманет, не бросит. Что любит. Как же я люблю тебя... Берта украдкой достает что-то из кармана плаща и долго на это смотрит. Небольшой за-

печатанный конверт.

Мерный перестук колес так успокаивает, убаюкивает... Тихо говорит – все позади, Роберта, все теперь хорошо. Держу в руке небольшой конверт, завтра утром я опущу его в почтовый ящик, после того, как... Украдкой подняла глаза, снова, в который раз, смотрю на него, на его лицо. Стараюсь увидеть, поймать взгляд. Еще и еще раз убедиться – все правда, меня не обманут, не предадут, не бросят. Ведь он обещал... Ведь он любит меня и я полюбила его... Голос рассудка все эти дни нашептывал – беги, уезжай, исчезни. Произошло что-то страшное, не от мира сего, не от бога, в которого ты веришь. Это искушение, грех. Ты еще вчера любила Клайда, а теперь... Готова отдаться незнакомцу, отобравшему его тело? Отдаться за то, что он помогает тебе и согласился обвенчаться? Грех, тяжкий грех. А если все еще хуже и он просто лжет тебе? И вот-вот произойдет непоправимое... Ты безрассудно едешь с ним и неизвестно, что ждет в конце пути... Венчание? Радость? Счастье? Или... Может, даже смерть. По коже пробежал озноб, а шепот все настойчивей, вкрадчивей... Ты еще можешь все остановить, сейчас будет станция. Выйди, вернись в Ликург. Все зависит от тебя, он не будет преследовать. Откажешь, передумаешь – он просто исчезнет... исчезнет... Голос рассудка, голос какой-то другой Роберты, спокойной, холодной, расчетливой. Не мой голос. Не мой? Вдруг послышалось, я увидела...

Глубокая ночь, берег Могаука. Костер... Наши негромкие голоса.

– Он говорил со мной, убеждал не идти к тебе. Говорил, что ты уйдешь, что никогда меня не полюбишь. Что возненавидишь... Так убедительно...

Моя горькая усмешка.

– Да, он умеет уговаривать и обещать...

Разум словно промыло холодной водой, затуманившийся было взгляд прояснился. Голос рассудка? Нет! Это голос со дна реки, из мутной глубины, голос того, кто даже сейчас пытается вернуть себе власть надо мной... Прочь от меня, прочь! Замолкни навсегда! Безумие? Пусть! Какая бы сила ни привела сюда моего любимого, она хочет нам счастья! Я не знаю его имя, кто он, откуда? Он расскажет мне, он обещал, а я подожду, сколько нужно. Я ведь понимаю, что и ему сейчас очень тяжело. И я должна помогать, а не надоедать вопросами. Я верю ему... Все меня слышат? Я ему верю! Верю в свое чувство к нему, в его любовь ко мне. Его лицо, его взгляд, слова, все, что он делает – все это не может лгать, не может. Ну же, посмотри на меня, мне так нужен твой твердый внимательный взгляд. Как я хочу встать, подойти к тебе, сесть рядом, взять за руку, прижаться, положить голову на плечо... Скорее бы уже приехать, наконец, пойти вместе... Увидеть Ольгу... И – венчание. А после... Больше ничто не

будет нас разделять, мы станем одним целым, навсегда. И шепот – замолкнет, навечно.

Посмотри на меня, милый незнакомец... Мой ангел... Ты ведь слышишь, чувствуешь? Да, это твой взгляд, он дает мне силу и уверенность. Пусть он бывает колючий, холодный и даже жестокий – за этим я вижу, что ты чувствуешь ко мне. А сейчас у тебя теплые улыбающиеся глаза, вот подмигнул ободряюще. А я попыю воды, рот пересох. Посмотрю в окно... Скоро уже приедем... Ой... Вот же растяпа, Клайд у меня голодный, наверняка не позавтракал. Я ночью заметила, что у него ничего нет, кроме угощения его новой хозяйки. Мы все съели. А у меня в сумке – три сэндвича с сыром и сосисками, специально для него приготовила, надеюсь, сядем рядом и накормлю его хоть так. А потом сели порознь, этот шепот... Забыла. Хороша невеста и почти жена... Клайда надо накормить, передать сэндвичи. А как? А что он делает? Тихонько прыснула от смеха – газету достал. Говорил, не нашлось времени, в поезде читает. Что за газета? "Стар". Невольно поморщилась – там есть раздел светской хроники... Но надо что-то придумать, чтобы Клайд поел, да и сама проголодалась... Надо было тоже взять с собой какой-нибудь журнал. Журнал... Невесёлые мысли вдруг исчезли, я снова вижу яркое солнце, зелень полей и лесов за окном, слышу перестук колес, мы все ближе и ближе к Олбани, к новой жизни. Страхи Ликурга все дальше и дальше,

хочется что-то сделать, может, даже, созорничать. Оглядела вагон, сидящих в нем людей, Клайда... Он отложил "Стар" и развернул "Нью-Йорк Таймс", такой смешной... Никто на меня не смотрит, а некоторые даже задремали, убаюканные покачиванием вагона. Собираюсь с духом и открываю сумку...

Был момент, мне показалась, что Роберта чем-то подавлена, несколько раз смотрела на меня со странным выражением, словно... Словно борется с собой. Когда проехали указатель на Билъц, когда долго смотрела на конверт. Ее устремленные на меня глаза, в них... Снова появились страх, сомнение. Ненадолго, всего на несколько минут... О чем задумалась, любимая? Боишься? Чего? Кого? Ничего не бойся, ты со мной и я не дам ничему случиться. Скоро... Уже совсем скоро. Подмигнул ей, улыбнувшись как можно веселее. И она словно очнулась от минутной слабости, пришла в себя, вернулась. Лицо повеселело, вот и ответная улыбка. Схватила сумку, полезла в сумку и выпила воды, умница. Устроилась поудобнее и стала смотреть в окно, там пошли кукурузные поля. А я пока газеты все же просмотрю, надо почувствовать хоть по верхам, чем тут дышат. Снова кинул взгляд на Роберту, все в порядке. Открыл "Стар", ликургский листок. И сразу наткнулся на заметку о вечеринке у Стилов в Гловерсвиле. Я уже знаю, что там – перчаточная столица и огромная фабрика по их производству. Стили, тамош-

ние некоронованные короли. Так, кто там был? Интересно... Сондра Финчли, Джил Трамбал с сестрой Гертрудой и братом Трейси... Вайнет Фэнт, Фрэнк и Летта Гарриэты, Бертина Крэнстон... Несколько незнакомых фамилий... О, мистер Клайд Грифитс с двоюродной сестрой Беллой. А вот и фотография... Несколько мгновений смотрю на веселое улыбающееся лицо. Уголок рта дернулся, пальцы невольно сжали края газеты. А ведь это, скорее всего, была твоя последняя вечеринка. Может, даже, я появился в ночь после нее. Тебе там было весело, ты улыбался... А некая сила уже все сочла, взвесила и разделила. И позвала меня. Отложил газету в сторону... Лучше почитаю "Таймс". Развернул непривычно большой лист, со стороны Роберты донеслось приглушенное хихикание, чуть опустил газету, точно, смеется. И хорошо... Нарочито по-деловому уставился на передовицу, даже слегка нахмурился. Пусть веселится... Итак, что тут у нас...

Очень неудобно читать тесно набранные колонки убористого текста. На вид – никакой системы, политика перемешана с криминальными новостями, и тут же – реклама подтяжек и, оу, пылесосов. Ну, полистаем...

Франция начинает новый проект по строительству субмарин...

Внезапная смерть сенатора Пенроуза в Вашингтоне... Полиция допрашивает...

"Двадцать одно требование" Китая необходимо рассмотреть, заявляет мистер Вонг, министр юстиции нового китайского кабинета... Что за требования, Китай уже начал? А силенки имеются?

Из детского дома в Афинах похищены американские учителя, на подозрении – турецкие националисты... Вот так, уже сейчас особо не церемонятся...

Николай Ленин переизбран на пост главы Советского государства... Чего?? Даже глаза протер. Николай? С трудом удержался от смеха, нет, серьезно? Ну дают, и это у них, оказывается, национальное... С очаровательной непосредственностью делать вот такие ляпы... Кто-то хоть заметил, интересно, протест подал?

** реальная опечатка в одном из номеров "Таймс" за 1922 год, автор наткнулся на нее лично.

Ежегодная распродажа.

Женские пальто от 75 долларов. Модельные – от 145. Дорого... А Берту надо бы одеть, это ее пальтишко трехгодичной, а то и больше давности...

Оо... Адмирал Альберт Гливс выходит в отставку после

сорока восемью лет службы на флоте... Чем знаменит, чем прославился? Я сморщился – вел в Европу первый конвой с солдатами во время Мировой... Герой, однако. И потом – доблестная служба в Транспортном Департаменте Флота США. Нет, все понимают, важное дело. Но...

А это что? Я вздрогнул – рядом со мной стоит Роберта и с улыбкой смотрит, а в ее руке... На сиденье кладется бумажный пакет, и она невозмутимо возвращается на свое место. Что характерно, никто в вагоне и глазом не повел. А если кто и обратил внимание – оставил это при себе. Что в пакете? Два сэндвича, запах потрясающий, сразу почувствовал, что не завтракал. Берта, ты просто лапочка у меня, вот это да... Не забыла, позаботилась... И сейчас просто мне их отдала, не испугавшись, что увидят и подумают разное. Пусть думают... А сама-то она есть собирается? Представил, как сейчас встану и подойду к ней, вернув один... Вид будет... Мысль додумать не успеваю, мне украдкой показан третий сэндвич. Если честно, после этой выходки мы спокойно можем сесть вместе, нет смысла скрываться. Да и был ли он вообще? Я не следил, но, по-моему, все ликургские уже сошли, публика в вагоне сменилась полностью. Пересесть? Возле Роберты есть место, она положила там сумку. Но остальные заняты, и еще багаж... Ладно, так доедем. Приятного нам аппетита...

Мы оба немного поспали, сидя каждый на своём месте. Пока дремала Берта, сторожил, мало ли, вагонные воришки также явление вне времени и географии. Но все тихо и вполне пасторально, редкие станции, их названия автоматически запоминаю. Фулхэм. Кэлвуд. Блэквуд. Хм, Черный лес, однако... Нэшвилл. Немногочисленные пассажиры неспешно входят и выходят, разговаривая вполголоса, поезд убаюкивающе покачивается и слышится классический перестук колес. Роберта зевает очень заразительно, но поддаваться нельзя, уже почти приехали. Показываю ей на сумку и делаю знак – попей. Качает головой, вопросительно поднимаю бровь. Ответный знак непонятен и Берта явно смущена. Через мгновение до меня доходит и усмехаюсь, она обиженно поворачивается к окну. Да, забыл, туалетов в поезде нет и бедняжке терпеть до Олбани. Да и мне тоже, кстати.

10.20

Подъезжаем, по вагону пронеслось неизбежное возбуждение перед прибытием. Поезд плавно описывает длинные дуги между широкими пологими холмами, Олбани построен на них. Вспоминаю строки путеводителя... Столица штата Нью-Йорк, одна из старейших в США. Стоит на Гудзоне, а где-то неподалеку в него впадает наш Могаук. Уже "наш"? Наш! Интересно, в какой из церквей нам предстоит венчать-

ся? Тут их немало, есть очень старые и красивые. И Ольга обещала показать нам гостиницу... Все-таки как хорошо, что нас тут ждут, что помогут. Понятно, что мы бы и сами справились, но... С друзьями, оно лучше. Правильнее.

За окнами уже плывет городской пейзаж, дома в три-четыре этажа, через несколько минут прибудем на вокзал, там нас должна встречать Ольга. Скорее бы, Роберта устала и вообще... То тут, то там начали вставать люди, брать багаж, готовиться к выходу. А это ещё что? Какой-то молодой человек хлыщеватого вида присел напротив Берты и что-то ей говорит. Приглядываюсь к ее лицу и вижу, что сказанное ей не нравится, отвечает односложно, смотрит мимо. Паренёк не успокаивается, Роберта уже ищет меня взглядом, в котором нарастает растерянность. Воришек тут не оказалось, зато нашлась другая проблема. Хмыкнул, приближаясь, а ведь в здешней провинциальной идиллии даже не подумал о такой возможности. Усмехнулся, хватит конспирироваться, мы от Ликурга далеко.

– Вот ты где, а я тебя ищу в другом вагоне!

И возникаю над плечом паренька, произнеся это во весь голос у него над ухом. Он отчётливо вздрогнул и попытался отодвинуться, оглянулся и наткнулся на мой взгляд. Неужели попытается что-то предпринять? Не хочется все же устраивать на глазах невесты банальную драку... Хм, драку? Молодой человек что-то, видимо, прочел в моих глазах, застыл.

Прохожу, как мимо пустого места и галантно склоняюсь к ручке Роберты.

– Дорогая, ты неразборчиво написала номер вагона, пришлось за тобой побегать, – невозмутимо беру ее чемодан, сумку и поворачиваюсь к субъекту, который ещё не испарился, – вы позволите нам пройти?

Интонация отказа не предусматривает, Берта держится сзади и помалкивает. Проход мимо пустого места повторяется в обратном направлении. И когда мы уже отошли от незадачливого пристава метра на два, оборачиваюсь и громко спрашиваю...

– Дорогая, а что он, собственно, от тебя хотел?

Зрелище круглых глаз Роберты и мгновенно испарившегося вагонного ловеласа меня изрядно позабавило. Окружающие же сделали вид, что ничего не слышали, как ранее "не заметили" эскапады с сэндвичами.

– Клайд, идём скорее, ну что ты затеял...

Вышел из вагона на залитый солнцем перрон, повернулся к стоящей на площадке Роберте, она с забавной серьезностью протянула мне руку. Через мгновение она уже рядом со мной, мы посмотрели друг на друга, оглянулись по сторонам. Вокруг сутолока, множество людей идут кто на посадку, кто в сторону здания вокзала и выходов в город. Здесь вижу и носильщиков с небольшими тележками, искусно лавирующих с багажом среди толпы. Свистки паровозов, лязг колес

и сочленений... Деловитый гул наполнял теплый весенний воздух, мы снова переглянулись и улыбнулись друг другу.

– Идем на выход, Берт?

– Идем, милый. И дай мне мою сумку, она совсем легкая.

Никакого сравнения с вокзалом Ликурга – высокое здание, сложенное на века из крупных-светло коричневых блоков, огромные окна в коричневых же солидных рамах, их нижние створки распахнуты. Два широких входа для приезжающих, у каждого – служащий в черной форменной тужурке и непременной фуражке. Нас захватил празднично шумящий поток, Берта взяла меня под руку, ее глаза разгорелись восторгом. Она оживленно сказала, показав на приближающийся вход в здание.

– Вот это да, такое красивое все... Правда, Клайд? И столько людей, совсем не как у нас в Ликурге... Мне очень нравится, а тебе?

С улыбкой посмотрел на ее блестящие любопытством широко открытые глаза, на радостное лицо.

– И мне уже очень нравится, дорогая. Но все же хорошо, что здесь Ольга, не придется бродить.

С этими словами мы вошли в огромный прохладный зал, гул голосов и шагов стал громче, отражаясь эхом от стен и высоченного лепного потолка. Не сговариваясь, мы сразу направились в сторону туалетов, указатель виден издали. А,

кстати...

– Что этот паренек от тебя хотел, серьезно?

– Да глупости всякие говорил, какая я красивая, и как он хотел бы со мной погулять и предложил помочь с вещами.

– Угу, люблю, целую, куплю трамвай...

– Клайд, ты что, ревнуешь?

– Не к нему, конечно, но не терплю приставаний вообще и к моей невесте в частности.

Берта лукаво улыбнулась.

– Ишь, какой ты у меня, оказывается... Подожди, я сейчас.

Пока Роберта отлучилась, сходил, куда надо, сам. Прогулялся по залу, интересно, что у нас тут. Начинаются выходные и люди едут в гости, на пикники, кто куда... Видна разница между столицей штата и провинциальным Ликургом. Ряд бойко торгующих магазинчиков и киосков – сувениры, открытки, газеты с журналами, туристические мелочи, напитки и сладости. Далеко от чемодана Роберты все же не отхожу, поглядываю. Где-то тут нас уже должна ждать Ольга, пока ее не видно. Задумываюсь... А ведь она меня не особо жалует, вдруг понимаю. Что там ей Берта рассказала и как они обе порадовались, это одно. Переувешивает ли это в ее глазах все, что Роберта пережила по вине Клайда за последние месяцы? Не уверен, совсем не уверен. В моих бы точно

не перевесило, мало ли, испугался барчук огласки и скандала, решил прикрыть грешок, кинуть косточку... Мда... Короче, готовься к хорошо замаскированному презрению, милый. Ох, Берта, удружила, ничего не скажешь. Возможно, все же лучше было бы самим... В самом деле, не нашли бы гостиницу и церковь с батюшкой? А ещё и родственничек Ольги... Надеюсь, не каппелевец какой-нибудь или ещё кто со значком Ледяного похода на лацкане. Хотя... Эта братия в эмиграцию не подалась, почти все погибли. Сильные были ребята. Так что навряд ли. Ольга... Перед глазами ее спокойное лицо, четко очерченные губы. Глаза... И в них – мой взгляд... За раздумьями пропустил ее появление. Спокойно стоит недалеко от арки выхода в город, на площади. Меня увидела, но не подходит. Ждёт. И я понял, почему она не спешит. Тут – не фабрика, и я Ольге – не начальник. Сейчас играют правила этикета, я жених ее подруги, которая еще не подошла. Вот так, Клайди. Ох, хороша... Одета просто, но скромное коричневое платье, весенний плащ и небольшая изящная вышитая бисером сумочка – все это носится с небрежной грацией, которая вбивалась годами домашней муштры. Шляпка с модно изогнутыми полями, вуаль поднята. Подать знак, что узнал, увидел? Легко поклонился в ее сторону, получил в ответ кивок и вежливую улыбку. Теперь ждать Роберту.

– Клайд, я тут!

С немалым облегчением слышу родной голос и оборачиваюсь. Берта подходит, усталости как не бывало, улыбается, глаза блестят весело. Красавица моя...

– Все в порядке, как себя чувствуешь? Вон Ольга пришла, ждёт.

Беру у нее сумку, поднимаю чемодан. Ну, все – на выход. И только увидев нас вместе, Ольга позволила себе пойти нам навстречу.

– Как доехали? Берта, ты замечательно выглядишь!

Они обнялись и слегка прижались щеками, чмокнув воздух.

– И ты отлично выглядишь, Ольга! Я так рада тебя видеть... И, вот...

Берта чуть смутилась и, взяв меня за руку, подвела поближе.

– Ну... Вот и мы с Клайдом, – вижу, что девочка моя не знает, что сказать, смущена. Пора выручать.

– Ольга, добрый день. Очень рад встрече, Берта мне про вас очень много хорошего рассказала.

– Вот как?

Ольга искоса глянула на покрасневшую Роберту, слегка вздохнула. Взяла ее под руку, и мы пошли в сторону автобусной остановки.

– Ольга, мы, полагаю, сначала поселимся с Робертой в гостинице и далее по плану?

Берта пока помалкивает и беру инициативу в свои руки,

надо же наводить мосты и налаживать общение.

– Да, я тут не раз бывала и знаю недорогую семейную гостиницу, очень хорошую. Тут недалеко, автобусом две остановки.

– Отлично, спасибо вам, Ольга, так здорово, что вы захотели нам с Бертой помочь, иначе мы бы сейчас тут сами бродили, бродили...

– И забрели бы куда-нибудь, – это Роберта немного освоилась и вступила в разговор.

Ольга усмехнулась, услышав веселый голос и глаза ее потеплели. Заходим под навес остановки, на ней пока никого.

– А мы с Клайдом полюбили бродить по ночному Ликургу, представляешь?

– Не страшно вам в темноте гулять по улицам, Клайд? Интересный вопрос задала...

– Нет, Ольга, ведь мы с Бертой вместе, и защитим друг друга в случае необходимости.

Глаза Ольги чуть расширились, она внимательней на меня посмотрела. Перевела взгляд на Роберту, как будто оценивая нас. Мы придвинулись друг к другу и взяли за руки, чисто инстинктивно.

– Так вы ходите ночью, взявшись за руки?

Тихо так спросила... Роберта крепче сжала мою руку и сделала шаг вперёд, словно хотела защитить.

– Так мы ходим, Ольга. Рука в руке.

Девочка поняла свой промах, поняла, как Ольга ко мне от-

носится и что думает. Ведь для нее я – Клайд, тот Клайд, который чуть не довел ее подругу до самоубийства, который... И Роберта кинулась меня защищать. Воистину мы поменялись в этой поездке ролями. Теперь ведёт она. А автобуса все нет и мы стоим одни на этой пустой остановке друг против друга и непонятно, мы друзья? Или... Не друзья.

– Роберта защищает вас, Клайд. Цените это. Она вам предана и любит больше жизни. А вы? Что вы готовы отдать ради нее?

Она спрашивает так, как будто вправе. И отвечаю без колебаний, она имеет право на ответ. И я ей должен.

– Мне нечего дать, кроме своих жизни и преданности.

Роберта обняла меня, глядя на Ольгу с вызовом и гордостью. И пусть та ничего не знает, сейчас это не имеет значения. Мы – вместе. И так будет всегда. Ольга выслушала эти слова и снова внимательно посмотрела на нас обоих. Коротко кивнула, словно приняв решение, улыбнулась.

– Я и Кирилл будем вашими свидетелями.

Подошедший автобус подвёл черту под коротким, но тяжелым разговором. Берта и Ольга зашли первыми, я следом, удобно разместились в полупустом салоне. Ольга села напротив нас, сложив руки на коленях, взгляд ее оттаял. А я понял, что она была готова развернуться и уйти с остановки, если бы мы не прошли какую-то проверку, которую она провела, сама для себя. Что же у тебя за плечами, Ольга Мещерская...

– Кто это Сирил?

Роберта произнесла это имя на американский манер, отмечая для себя говорить так же.

– Это мой двоюродный брат, он примерно наших лет, очень серьезный и надежный человек, вам он понравится обязательно.

– Конечно, как он может нам не понравиться, правда, Клайд?

Берта весело берет меня под руку и прижимается к плечу, она тоже отошла от сцены на остановке.

– Несомненно, все будет отлично, милая. Ольга, мы приехали, как я понимаю?

– Да, нам выходить, вот она, ваша гостиница.

Старинного вида двухэтажное здание, остроконечная крытая серой черепицей крыша, чистенькие сверкающие на солнце окна. Аккуратной мощеной дорожкой проходим через небольшой сад, замечаю несколько беседок, кое-где – столы для желающих провести время на воздухе, фонари. Вечером тут будет красиво, мне уже нравится.

– Вы заходите и располагайтесь, я тут подожду Сирила, он сейчас подойдёт, – Ольга также перешла на англоязычную форму, все понимает и ненавязчиво старается создать приятную атмосферу.

– Ольга, почему ты не заходишь с нами?

– Идите, идите...

Ольга шутливо подталкивает БERTY к входу, и ободряюще

смотрит на меня, бери, мол, невесту.

– Идём, солнце, заселяться.

Пропускаю ее вперёд и захожу следом, неся чемодан и наши сумки, которые у входа принял рассыльный в аккуратной форме, и сразу погрузил на тележку. Все обычно, подходим к стойке администратора. Обращают на себя внимание развешанные на стенах в живописном беспорядке разноцветные тартаны, в отдельной застекленной витрине виднеется полный шотландский костюм, клетчатый красно-коричневый килт. Это кто, Мак-Интоши? Не уверен... Фотографии в простых рамках – замки, горы, озера. О... Крэйтс? Даннотар? Однако... А вот и неперменные горы Гленкоу. Интересный отель, а называется он...

– Добро пожаловать в «Клансмен», желаете номер?

– Да, благодарю вас, мистер...

– Уинслоу, Питер Уинслоу, к вашим услугам.

Появляется внушительного вида регистрационная книга и над чистой страницей заносится ручка. Момент истины. Мы с Робертой переглядываемся, в ее глазах радость и... снова страх? Девочка моя... Все ещё боишься чего-то, не веришь до конца, что все – правда? Начинаю догадываться, что с ней произошло в поезде... Обнимаю ее за плечи и прижимаю к себе.

– Клайд и Роберта Гриффитс.

– Отлично, могу вам предоставить замечательный номер с видом на сад, вечером там очень красивое освещение, при этом оно не мешает и никакого шума, наши постояльцы ценят покой и тишину.

– Благодарим вас, согласны. Мы тут остановимся до завтрашнего вечера. Это будет стоить...

– Двенадцать долларов.

Черт... Как тут принято платить, вперёд или по факту? А, неважно...

– Как у вас принято платить, вперёд?

– Как вам будет угодно, мистер Гриффитс, – улыбка Уинслоу стала ещё доброжелательней.

– Тогда получите сразу вперёд и забудем про это, – моя ответная улыбка просто очаровательна.

– Рассыльный проводит вас в номер. Приятного отдыха!

Тут оказался лифт, тяжеловесная конструкция, украшенная чеканными завитушками и освещённая настоящими бра. Рассыльный закатил следом за нами тележку с багажом и торжественно повернул рукоятку. Лифт вздрогнул, Роберта вцепилась мне в руку, слегка испугавшись. Успокаиваю ее улыбкой и мы медленно возносимся на второй этаж. Небольшой тихий коридорчик, мягко освещенный несколькими стенными плафонами, толстый ковёр на полу глушит шаги. Да, здесь явно ценят покой. Роберта притихла, осторожно идёт рядом, ей как будто не по себе. Да и я волнуюсь.

– Пожалуйста, проходите.

Рассыльный распахнул дверь и с приглашающим жестом пропустил нас вперёд.

– Пойдем, Берта, – шепнул ей, она нерешительно сделала шаг и остановилась на пороге, с любопытством оглядывая комнату.

Беру ее за руку и мы вместе заходим, сзади слышно, как закатывается тележка и наш багаж ставится на пол у двери. Большая светлая комната, на стенах пейзажи в простых деревянных рамках. Два широких окна, солидные бордовые занавески, сейчас свёрнутые в стороны. В центре под небольшой люстрой стол с четырьмя стульями. Двухспальная кровать под балдахином, однако. В углу ещё одна дверь, ну, понятно. И ещё маленький столик и два креслица в углу возле одного из окон. Ростовое зеркало у стены возле кровати. Чисто, тихо, аккуратно, и на полу обязательный толстый ковёр. Очень все нравится и уже хочется, чтобы рассыльный куда-нибудь испарился. Что он и делает, получив доллар на чай и обалдев от такой щедрости.

Едва за ним закрылась дверь, мы с Робертой заключили друг друга в объятия и даже не целовались. Просто молча стояли, прижимаясь друг к другу, желая почувствовать, что мы, наконец, вместе.

– Берт, мы с раннего утра ехали сюда и даже не могли подойти друг к другу, это было ужасно, – тихо шепнул ей на

ух. Почему-то не хочется говорить во весь голос, так убаюкивает эта тишина вокруг.

– Милый, я тоже вся извелась, так устала... И мне так хорошо сейчас, так хорошо... Мы вместе и скоро обвенчаемся, – голова Берты уже таким знакомым и родным движением ложится мне на грудь, прижавшись щекой. Ласково накрываю ее ладонью и глажу мягкие ароматные волосы.

– Нас уже обвенчали в книге регистраций, миссис Гриффитс. Берт...

– Что?

– В поезде, я заметил... Что с тобой было? Несколько минут ты как сама не своя была... Что-то случилось?

Она крепче обняла, прижалась... Зашептала.

– Помнишь ночь на берегу, костер? Ты рассказал... А теперь он попытался говорить со мной, убеждал передумать, выйти из поезда, сбежать от тебя. Сказал, что...

Почувствовал, как она вздрогнула. Погладил по голове, тихо сказал ей...

– Говори все, любовь моя. Самое время, нужно от всего избавиться до венчания. Говори...

Порывисто вздохнула...

– Он сказал, что ты все лжешь, что мне грозит опасность... Смерть. И что если я уйду от тебя – ты исчезнешь.

Умен, крыса... И не отступает.

– В этом он прав, Берта.

– В чем? – она подняла на меня глаза, – в чем он прав?

– Все сейчас в твоих руках. Мы вместе дошли до вот этого места, – я обвел рукой номер, – что далее, решать тебе. Или мы отсюда пойдем в церковь и станем мужем и женой, отныне и навсегда. Или... Ты вернешься в Ликург, а я исчезну. Выбирай. Сейчас.

Нужно, чтобы вопрос прозвучал, открыто, в лицо, в глаза, в самую душу. И так же должен быть дан ответ, пусть он и известен нам обоим. Ее губы прижались к моим, ее руки с неожиданной силой обняли. Долгий... Бесконечный поцелуй... С трудом оторвались друг от друга, перевели дыхание. Ее прерывающийся голос.

– Вот мой ответ. Вот мой выбор. Другого – не будет, никогда. Я клянусь тебе в этом. Я – твоя жена и принадлежу тебе. А ты – так же принадлежишь мне. Клянешься?

– Да. Клянусь. И – все, теперь только мы?

– Да! Только мы! Ты и я, вместе, навсегда!

Роберта рассмеялась, высвободившись, выбежала на середину комнаты и закружилась, раскинув руки, шляпка улетела в угол, волосы разметались по плечам каштановым вихрем. Сделав несколько оборотов, она подбежала ко мне, схватила за руку и увлекла за собой. Я же, захваченный этим весёлым порывом, подхватил ее и поднял, прижав к себе, и так прошлись по комнате, наполняя ее смехом.

– Клайд, ну Клайд! Отпусти!

Дойдя с Бертой до кровати, уронил нас на нее, не размыкая рук. И внезапно оба затихли, глядя друг на друга, близко-близко. Роберта вновь стала очень серьезной и тихо шепнула.

– Клайд...

И мой ответный шепот.

– Что?

– Надо готовиться к венчанию.

– Надо.

– Тебе пора уходить, милый.

– Почему?

– Сейчас сюда придет Ольга и будет мне помогать, она же моя подружка и свидетель.

– А мне куда?

– А тебя заберёт Сирил и будет помогать тебе готовиться, вам ещё познакомиться надо.

Роберта встаёт и оправляет платье, подаёт мне руку.

– Давай, вставай, нельзя тебе тут лежать пока.

Слова произносятся серьезным тоном, а в глазах у Берты отчётливо бегают чертики. Проказливые такие чертики... И при этом всем я чувствую – она безумно волнуется, ей страшно, ей не по себе, ей хорошо, и она – счастлива. Вот такой безумный коктейль из чувств и эмоций, во мне сейчас бурлит точно такой же. Я покосился на кровать, провел языком по внезапно пересохшим губам. Роберта это заметила и

попятилась, шутливо погрозила пальцем, шепнула.

– Скоро, милый, уже совсем скоро...

И на фоне всего этого раздается негромкий осторожный стук в дверь.

– Ольга и Сирил! Иди открывай! Нет, стой!

Берта молниеносно оправила платье, привела в порядок волосы и разгладила смятое покрывало на кровати, у меня четкое впечатление, что все это она ухитрилась проделать одновременно. Коротко сдула упавший на лоб локон, зажгла улыбку.

– Клайд, открывай!

На пороге Ольга и высокий молодой человек с двумя большими свертками в руках.

Они заходят в номер, свертки аккуратно кладутся на стол.

– Клайд, Роберта, познакомьтесь, это мой кузен Сирил Арцеулов.

Мы вежливо киваем друг другу, Берта с любопытством поглядывает на стол, мне тоже интересно, что в пакетах...

– Ну как, устроились?

– Да, тут замечательно, тихо, и вечером в саду должно быть очень красиво, – Роберта берет Ольгу за руку и они отходят к окну, о чем-то начав таинственно шептаться. Мы с Сирилом остаёмся одни, общаться. Ну, девчонки...

Протягиваю ему руку.

– Слышал о вас от Ольги.

Ответное рукопожатие крепкое и доброжелательное, парень улыбнулся.

– О вас я услышал вчера впервые, вы жених подружки Ольги. Рад быть вашим свидетелем.

– Благодарю, вы нас очень выручили, без вашей помощи мы сейчас были бы поглощены куда менее весёлыми занятиями вроде поиска церкви и всего остального.

– Так, мальчики, на выход!

Ольга скомандовала это весело, но непреклонно, взяв дело в свои руки. Посмотрел на Роберту, как она вся светится радостью и ожиданием.

– Похоже, нас выгоняют, Клайд.

Сирил приглашающим жестом указал на дверь.

– А как же? А когда? – пытаюсь хоть что-то спросить, я же ничего не знаю, куда, когда и что. Взяли меня в оборот девчонки и этот улыбочивый кузен Сирил...

– Пошли, пошли, все расскажу. Посидим пока внизу.

Спускаемся в вестибюль, Сирил уверенно поворачивает от лестницы налево, там оказывается небольшой и симпатичный бар, мягкий свет и тихо наигрывающий нечто неторопливое граммофон. К нам подходит бармен, Сирил пресекает мои попытки сделать заказ, войдя в роль моего друга и свидетеля.

– Не волнуйся, ты жених, а я твой свидетель и помощник на сегодня.

Слегка пожимаю плечами, но принимаю эту игру, похоже,

он хороший парень, искренне желающий помочь. И я рад, что он молод и весел, до последнего всерьез опасался, что придет какой-нибудь ветеран с ожесточенным взглядом. Хотя... Тут Ольга, она не так проста. Что же она рассказала Роберте... Кто они?

Тем временем на столе появились графинчик виски, графин содовой, два блюдечка с орешками. Однако... Пить я умею, но не собираюсь.

– Сирил, ээ... Я, вообще-то...

– Перестань, я и сам не увлекаюсь, так, посидим, я тебе все расскажу.

Так, ненавязчиво перейдя на «ты», он небрежно плеснул себе и мне на палец виски, и щедро долил содовой, до светло-медового тона. Я оценил.

– Итак, какой план, Сирил?

Он салютовал стаканом и пригубил напиток, отвечая тем же. Виски хорош, дымком и дубом отдает. Лет двадцать выдержи. Кидаю в рот пару орешков.

– Сейчас Ольга помогает Роберте одеться, прихорошиться, это займет часа два, думаю.

Сирил посмотрел на часы, я тоже. Почти полдень, время просто несется.

– Надо же ещё сходить в церковь, договориться со священником? Это далеко отсюда?

Сирил беззаботно махнул рукой, хрустя орешком.

– Собор Сент-Николс, наша семья дружна с его настояте-

лем, все уже договорено, церемония в пять часов, времени у нас уйма. Да и собор недалеко.

Своего изумления я даже не скрываю. Ничего себе, просто двух свидетелей Роберта нашла...

– Сирил, я хочу понять... Вы все уже организовали? Церемонию, церковь, настоятеля? Но как...

Он рассмеялся, снова махнув рукой куда-то в сторону второго этажа. И внезапным переходом стал предельно серьёзен. Чуть наклонился ко мне через стол и понизил голос.

– Клайд, вы просто не знаете Ольгу. Она появилась вчера поздно вечером, сказала, что мы обязаны помочь Роберте, ее подруге.

Да, очень похоже, передо мной снова встало холодное лицо на автобусной остановке.

– Она ещё что-то рассказала?

Сирил взял свой стакан и задумчиво посмотрел сквозь него на лампу возле барной стойки, покачал, любуясь переживаниями светло-коричневого напитка.

– Да, рассказала, Клайд. Думаю, не все, но вполне достаточно.

И взгляд его похолодел, упёршись мне в глаза. И он продолжил.

– Ещё утром я отказался в этом участвовать, мистер Гриффитс.

Стоило большого труда не отвести взгляд. Лицо Сирила,

с которого мгновенно исчезла улыбка... Взгляд... Такие же карие глаза, как у Ольги. Взгляд. Такой же, как у меня. Но я... А ты, Сирил? Где ты и твоя сестра, сама сумевшая разобраться во всем, где вы приобрели этот холод в глазах, беспощадный холод? Сразу и не разглядишь, такое видно не всем и не всегда. Быстро окинул сидящую напротив меня фигуру, невольно оценивая, как противника. Выше меня на полголовы, худощав, выглядит совсем не атлетом, но... И не нужно, я вижу, как он держит стакан, как берет орешек и кидает его в рот. Темно-русые волосы, совсем, как у Ольги, аккуратно подстриженные виски... Мысленно надел на него некую обобщенную "форму колчаковца". С фуражкой... Из-под козырька на меня дохнуло смертью. Ох, не стоило ему попадаться, не стоило... Все-таки Сибирь, прошел Ледяной? И Ольга? Волки. Матерые волки. И пусть меня не обманывают их молодость, тем более, что... Ему под тридцать, Ольга немного младше. В некоторых местах двадцать пять идут за пятьдесят. И они – как раз оттуда. Но снова выслушивать вопросы и проходить проверки я не собираюсь.

– Но Ольга потом ведь что-то сказала, что тебя убедило, не так ли?

Сирил взял свой стакан двумя ладонями, согревая. Помолчал.

– Ты или редкостный мерзавец, Клайд...

Салютую ему и отпиваю виски.

– Или между вами произошло нечто, что мы не знаем и не понимаем. И это "нечто" – все изменило и собрало нас здесь.

Салютую вторично и закусываю орешком. Надеюсь, он не заметил, как сжались мои пальцы, держащие стакан. И они задаются вопросом... Гилберт. Ольга. Сирил. И это только начало.

– Ольге Роберта ничего не сказала, кроме того, что счастлива и любит тебя больше жизни. И что вы будете вместе.

Молча гляжу на него и не отвечаю. Ничего.

– Кто ты, Клайд? Мы знаем, кем ты был несколько дней назад. Кем ты стал?

– Я не подлец и не мерзавец. И я люблю её больше жизни и буду с ней. Всегда. Прости, Сирил, другого ответа нет и не будет, это только между мной и Робертой.

Он помолчал, катая орешек между пальцами. О чем он думает? Да кто же это такие, с их вопросами, с их взглядами в самую душу? Ведь ещё вчера он о нас не знал вообще ничего. И такое участие сейчас... Чем Ольга его проняла? Вопросы, вопросы... Сирил вдруг улыбнулся, приняв решение, и протянул руку через стол. Рукопожатие было крепким и дружеским.

– Вперёд, жених, в собор Сент-Николс, и поспешим, девочки скоро будут готовы.

Идти оказалось совсем недалеко, пару кварталов, высокий шпиль старого собора был виден издалека. Стены с мощной кладкой, в просветах между камнями видна проросшая зелень. Собор обнесен невысокой кирпичной стеной, входим в скрипнувшие несмазанными петлями ворота.

– А вот и преподобный Данкен Тайлер.

Сирил подводит меня к невысокому полноватому священнику средних лет. Ко мне поворачивается круглое добродушное лицо, украшенное очками в черной роговой оправе.

– Преподобный, доброго вам дня.

Они обмениваются рукопожатием, я чуть кланяюсь, приветствуя.

– А вы, надо полагать, мистер Грифитс?

– Он самый.

Кланяюсь вторично, учтиво приподняв шляпу.

– И вы желаете...

– Мы с моей невестой желаем обвенчаться сегодня под сводами этого древнего собора, преподобный Данкен.

– Конечно, конечно, я знаю о вас от моих друзей, – священник с улыбкой поворачивается к Сирилу.

– Очень рад, что мы с Робертой встретили в Олбани столько хороших и добрых людей.

Преподобный улыбнулся и дружески похлопал меня по плечу.

– Мир Господа нашего необозрим, как необозримы милости Его. Уповайте – и обрящете.

И тут же, без всякого перехода, очень деловито спросил.
– Господа, церемония начнется в пять, у вас всё готово?

Кольца, свидетели?

Мы с Сирилом дружно киваем.

14.40.

Мы быстро идём обратно в гостиницу, Сирил не перестает меня озадачивать, оказывается, девчонок там уже нет, они готовы и куда-то улепетнули, освободив нам номер. Мне ведь тоже надо подготовиться. Скорее, времени не так уж много...

– Господи, она же даже не поела ничего...

– Не волнуйся, все в порядке, вот, сам перехвати.

На стол ставится тарелка с куском мяса в окружении салата и пары варёных картофелин. Графин с водой. Без виски.

– А ты будешь?

Сирил только мотает головой, критически осматривая мой новый костюм и явно имея, что сказать по его поводу, ишь, аристократ... Сдерживается и молча делает понятный жест – не ахти, но сойдёт. Раскладывает его на кровати, пока я наспех расправляюсь с едой. Надо быстро в душ. Не отворачиваясь, скидываю пиджак, рубашку, остаюсь голый по пояс... Мне интересна реакция Сирила – никакого смущения или неудобства, полное равнодушие ветерана. Так, черточка к портрету. В небольшой ванной – лужица воды на по-

ду, на полочке под зеркалом вижу небольшой флакончик духов, тюбик помады, кусочек мыла. Принюхиваюсь – легкий горьковатый аромат... Висит пушистое желтое полотенце... Тут только что была Роберта. Но пора выходить. Начинает нарастать волнение... Сирил усмехается, жестом мажордома указывая на костюм.

– Одеваться, невеста ждёт!

16.45

Медленно подходим к собору. Роберта уже там. Ждёт меня. Хочу идти быстрее, но шаги почему-то, наоборот, замедляются. Радость, волнение, страх, ожидание, и снова радость, и ещё больше волнения. Девочка моя любимая... Уже скоро. Я уже тут... Я...

И горло перехватило восторгом и ликованием... Ослепительное свадебное платье, переливающееся всеми оттенками золотистого и белого. Маленькие руки, узкие ладони в ажурных перчатках держат свадебный букет. Тончайшая белая вуаль прикрывает лицо и я вижу, как сквозь нее на меня смотрят, не отрываясь, бездонные глаза, лучащиеся любовью и обретенным счастьем. Роберта... Любимая... Замираю, не в силах сделать шаг, так поразило меня увиденное. Мы стоим друг напротив друга и смотрим. И не можем насмотреться. Не знаем, что делать, что сказать. В глазах – же-

ление запечатлеть увиденное сейчас – навечно, в памяти, в сердце. Все молчат, понимая, видя, что мы оба чувствуем. Вижу слезы на глазах Ольги, она, наконец, поверила. Рядом неподвижно застыл Сирил, как будто охраняя нас.

И я делаю шаг вперёд.

Глава 20

Тихое дыхание Роберты мягко согревает и погружает в спокойный сон. Скоро я позволю ему усыпить меня. Но прежде ещё и ещё посмотрю на ее безмятежное и ласковое лицо. Вот губы дрогнули, намекнув на улыбку. Что ты видишь сейчас во сне, любимая? Что чувствуешь? Что слышишь?

– Lord, помоги им вечно помнить день первой встречи, когда Любовь расцвела между ними и соединила их. И ничто не сможет их разлучить, кроме неизбежной для всех смерти в назначенный срок.

Звучный торжественный голос преподобного Данкена наполняет собой огромное пространство старинного собора, эхом отражается и многократно умножается стенами и сводами храма, поднимается ввысь, к куполу – и оттуда возвращается к нам, исполненный силы.

Мы стоим перед алтарем, близко друг к другу, почти вплотную, безотчетно беру Роберту за руку и чувствую, как она дрожит.

– Роберта, держись, все хорошо.

Украдкой прошептал это ей, она повернула ко мне прикрытое вуалью лицо и вижу, что ее глаза широко раскрыты, впитывая каждую мою чётточку, и я так же стараюсь запечатлеть ее облик, запечатлеть навсегда. Роберта не отвечает, только кивает и крепче сжимает мою руку горячими пальцами.

– Lord, вверяем этот союз в твои руки и да будет он вечен, как на земле, так и на небе.

На этих словах обряда голос преподобного наполнился силой и мы слышали, как, взлетев под купол, он породил отклик. Голос... Как будто мы получили ответ – Принимаю... Он принял. Так хочется в это верить...

– Перед лицом Бога и людей, я, преподобный Данкен Тайлер, властью, данной мне Верой и Церковью, объявляю вас, Клайд и Роберта, мужем и женой. И да будет так! Поднимите вуаль.

Мы повернулись друг к другу, Роберта порывисто вздохнула, вижу, как она закусила губу, чтобы взять себя в руки. Наклоняюсь к ней и шепчу, медленно поднимая тонкую вуаль.

– Улыбнитесь мужу, миссис Грифитс.

Эти безобидные слова вызвали у Берты сначала робкую,

а потом все более веселую улыбку, задорный характер победил волнение. Она как будто очнулась и обвела всех каким-то новым, особенным взглядом. Взглядом Роберты Гриффитс. Ольга и Сирил подбодрили нас энергичными кивками и вернули улыбки, Сирил шутливо, но четко кинул два пальца, отдав честь. Ольга, исполняя роль фрейлины, подошла к нам, держа на красной атласной подушечке наши обручальные кольца. И вот оно...

– Обменяйтесь кольцами.

Осторожно беру тонкий золотой ободок, по знаку Ольги Роберта снимает перчатки, передает их ей. Девочка моя... Смотрю на маленькую ладонь, протянутую так доверчиво... Любимая... Никогда не оставлю тебя. Только мертвым. Обещаю. И кольцо занимает своё место.

"Милый мой ангел, незнакомец, пришедший из темноты той отчаянной ночью... Я люблю тебя, жизнь моя, дыхание мое... И так будет всегда. Всегда! Ты, кто позвал его, ты ведь слышишь меня? Слышишь? Ведь я знаю, кто ты, теперь я поняла..." В руке Роберты мягко заискрилось второе кольцо.

Мы соединяем руки и поднимаем их вверх, самовольно нарушая размеренное течение обряда, но никто не против. Ольга и Сирил смеются и громко аплодируют, а преподоб-

ный, добродушно улыбаясь, произносит слова, завершающие церемонию.

– Можете поцеловать невесту.

Как будто нам нужно позволение... Губы Роберты нежно прижались к моим, и мы застыли, не считая времени, не думая, что мы тут не одни. Никого и ничего для нас сейчас просто не существовало. Аплодисменты повторились, я почувствовал, как на нас посыпались цветы. С трудом отрываюсь от сладких губ и вижу нашу парочку аристократов, азартно опустошающих большую корзину. Данкен наблюдает эту сцену, сняв очки и утирая глаза.

– Поздравляю, дорогие мои, поздравляю!

Мы обмениваемся рукопожатием, после чего настоятель галантно прикладывается Роберте к ручке, однако, силен, преподобный. Подходят Ольга и Сирил, Роберта попадает в ее объятия, глаза Ольги тоже влажно блестят.

– Берегите ее, Клайд.

Ольга подаёт мне руку, стараюсь выполнить поцелуй не менее шикарно, чем преподобный Данкен, и получаю в ответ улыбку. Мы прощаемся и медленно выходим на ступени перед входом в собор, наслаждаемся каждым мгновением происходящего.

– А теперь стойте несколько минут вот с такими как раз лицами.

Сирил держит фотоаппарат и делает несколько снимков, нас с Робертой, затем вместе с Ольгой. Вышедшего проводить нас преподобного просим сделать снимок нас четверых, тут же уговариваем и его сфотографироваться с нами.

– Фотографии я потом пришлю Ольге и она вам передаст, – Сирил прячет аппарат и с улыбкой смотрит вдоль улицы.

На часах около половины седьмого, народа немало, улица одна из центральных. И нас замечают, многие приветственно машут руками, поздравляя.

– Пойдёмте к гостинице, прогуляемся, проводим вас.

Ольга берет Сирила под руку, мы с Бертой следуем их примеру и неторопливо спускаемся по истертым ступеням, выходим на ярко освещённую улицу. Несколько проходящих мимо господ с улыбкой приподнимают шляпы, приветствуя. Пробегает стайка детей, они на ходу смеются при виде нас и бегут дальше, декламируя местный вариант «тили-тили-тесто...»

– Клайд, на нас все смотрят!

Роберта крепко держит меня под руку и явно слегка теряется под вполне доброжелательными взглядами встречных горожан. Сирил с Ольгой ушли вперёд, давая нам возможность побыть вдвоем.

– Конечно, на нас все смотрят, точнее, дорогая миссис Гриффитс, они смотрят на тебя, такая ты у меня красавица.

Роберта вздыхает и крепче прижимается ко мне, не забывая с любопытством смотреть по сторонам. Улица выглядит празднично, ярко горят ажурно кованые фонари, открыты многочисленные магазины, витрины так и сверкают. Некоторые из проносящихся мимо автомобилей приветствуют нас клаксонами, что только добавляет приподнятого настроения. Берта поднимает руку и смотрит на своё обручальное кольцо, вздыхает, закрыв на мгновение глаза.

– Клайд...

– Что, милая?

– Я так тебя люблю.

– Я люблю тебя, Роберта.

Мы проходим мимо призывно освещенной витрины очередного магазина, Берта останавливается и наклоняет мою голову ближе к себе, смотрит в глаза близко близко.

– Хочу тебя поцеловать, сейчас, – шепчу ей.

Роберта округляет глаза в ужасе, скорее наигранном, но все же говорит в ответ...

– Клайд, ты что... Нельзя. Люди же вокруг.

А в глазах опять заплясали давешние чертики, захотелось прямо сейчас оказаться в номере гостиницы...

– Куда делись Ольга с Сирилом? – Роберта оглядывается, пытаясь их высмотреть в толпе прохожих.

– В самом деле... Где они?

Очень интересно, ушли по-английски, оставив нас наедине? Спасибо, конечно, но можно ведь хотя бы попрощаться,

что-то они переигрывают малость.

Переглядываемся и дружно пожимаем плечами. Ещё раз осматриваемся, их и след простыл.

– Идём в гостиницу?

– Идём.

Убыстряем шаг, скоро появится наш «Клансмен», уже совсем стемнело.

– Устала?

– Немножко, но все в порядке, не волнуйся.

Проходим мимо скамеечек, вижу, что Берта посмотрела на них и непроизвольно замедлила шаг. Ясно.

– Присядем на пару минут? Отдохнёшь.

– Милый, я...

– Не спорь с мужем, дорогая.

И решительно усаживаю ее на скамейку, располагаюсь рядом. Смягчаю сказанное ласковым тоном.

– Ты же не спишь уже больше суток, на ногах с раннего утра. Не сердись, ладно?

– Не сержусь, мой любимый тиран и злока, – шепчет в ответ, – только несколько минут посидим и пойдем.

– Хорошо.

– Ты тоже не спал уже сколько времени...

Молча зарываюсь лицом в ее волосы, вдыхая сводящий с ума запах, и неважно, что на нас смотрят. Неудобно вам? Идите мимо.

Милая моя... Пальцы осторожно перебирают спутавшиеся волосы, опасаясь разбудить. Спи, спи спокойно и долго, я тут и охраняю тебя и не могу насмотреться на твоё лицо... Не могу послушаться, как ты дышишь...

На входе в гостиницу нас встретили шумные аплодисменты и... Ольга с Сирилом. При виде наших удивленных лиц они откровенно расхохотались.

– Думали, бросили вас на улице?

Сирил иронично поднял бровь, широким жестом открывая дверь и приглашая войти.

– Нет, нет, не наверх, вот сюда.

Ведёт нас по коридору направо, распахивает дверь. И мы выходим в празднично освещенный сад, а там нас ждёт свадебный торт, торжественно стоящий посреди стола в украшенной лентами и цветами беседке. Роберта в восторге захлопала в ладоши.

– Ольга, как это замечательно! Спасибо!

И обняла ее, поцеловав в щеку и закружив в радостном порыве, обе весело рассмеялись. Мы с Сирилом переглянулись, он улыбнулся.

– Мы просто хотели вас обогнать и все приготовить к вашему приходу.

– Спасибо, Сирил, вы столько для нас сделали, что...

– Не благодари, Клайд, мы сделали только то, что надо было сделать. Не больше. И не меньше.

– Я ваш должник. Знай это. И передай эти слова Ольге. Хорошо?

Сирил несколько мгновений молча смотрит на Ольгу и Роберту, весело хлопочущих у торта. Поворачивается ко мне и кивает.

– Хорошо.

Роберта, не просыпаясь, заворочалась и крепче прижалась ко мне, потершись щекой о грудь, устраиваясь удобней. Замер, не желая случайно разбудить. Пусть ещё поспит, спешить нам некуда. Улыбаюсь, глядя, как она уютно свернулась клубочком под одеялом, такая домашняя, рот приоткрылся, согревая грудь тёплым дыханием.

Сзади раздался драматический шепот.

– Клайд... Помоги, пожалуйста...

Оборачиваюсь и помимо воли расплываюсь до ушей, хотя растерянное лицо Роберты к шуткам не располагает.

– Ну перестань смеяться, помоги лучше, – взмолилась, щеки ее начинают предательски розоветь.

Вглядываюсь. Ясно. Бальное платье Ольги, память о первом выходе в свет, которое она любезно одолжила Берте на венчание, оказалось с норовом. Иными словами, надеть его с помощью Ольги проблем не составило. А вот обратный процесс...

– Что тут у тебя случилось, дорогая?

Отчаянно пытаюсь не расхохотаться, Берте не смешно.

– Ну не знаю, я хотела вот тут на спине распустить, а оно...

Она запинается и беспомощно опускает руки. Ой, мама, только не расплачься мне тут...

– Дай посмотрю, а поворотись-ка, ээ... Повернись, коро-
че.

Таак... Конструкция нехитрая, просто там, где шнурок должен был лёгким движением развязаться и выскользнуть, он затянулся ещё сильнее. Ольга завязала не тот узел.

– Ну что там, Клайд?

– Не брыкайся, надо узел развязать, сейчас.

Уфф, насилиу распутал, резать не хотелось. Усмехаюсь, держа уже свободный конец двумя пальцами. Наклоняюсь к Берте и целую сзади в шею, откровенно вдохнув запах ее тела, от которого отчётливо закружилась голова и тонко зазвенело в ушах.

– Шнуровка готова развязаться, Берт... Сама справишься или помочь? Ольга разве не объяснила, что такие платья потом снимают с помощью мужа? – прошептал это ей на ухо, коснувшись его губами.

Сердце начинает разгонять кровь по жилам, дыхание перехватило, Роберта замерла.

– Я сама... Сама...

– Точно?

Мои руки обнимают ее сзади, ладони оказываются ну со-

вершенно случайно под грудью, по телу Роберты прокатилась волна дрожи. Ее ладонь накрывает мои, уже сдвинувшиеся, дыхание участилось.

– Милый, пожалуйста... Подожди... Ну, пожалуйста, чуть-чуть только... Только не сердись...

С трудом перевожу дыхание и медленно поворачиваю Берту к себе, ее глаза закрыты, губы дрожат, лицо алеет как маков цвет.

– Шш, любимая, успокойся, все в порядке.

– Я... Просто, я...

– Хочешь, я подожду у окна, а ты все, что считаешь нужным, сделай пока. Хорошо?

Берта только кивнула в ответ, я легонько обнял ее, она глубоко вздохнула и ладонью подтолкнула к окну.

– Я быстро...

В комнате гаснет люстра и зажигается неяркий ночник, слышу шелест снимаемого платья, невольно прислушиваясь, сердце стучит все быстрее. Смотрю в окно, темно, только садовое освещение неверным светом дрожит на ветвях деревьев и траве. Сзади слышны шаги босых ног, дверь в углу негромко скрипнула, плотно закрываясь. А это ещё что? Одно из деревьев совсем близко от нашего окна, и в его развилке, совсем рядом со мной вольготно развалился матёрый котище. Смотрит прямо на меня зелёными мерцающими глазами. Махнул на него рукой, брысь давай отсюда! Ага, щас...

Лениво зевнул, показав всю степень равнодушия и ко мне, и ко всем жестам на свете. Маши, маши, махалка не устанет?

– Клайд...

Горячее прерывистое дыхание... Страх и опасение... И радость их преодоления... Спутанные каштановые волосы, разметавшиеся по подушке... Закрытые глаза и дорожки слез радости на щеках... Стон наслаждения и закушенные губы... Жар поцелуев и горячие пальцы, робко, неумело, потом все смелее и смелее скользящие по телу... Катящиеся от них тёплые ласкающие волны... Волны, переходящие в шторм... Ладони, наконец, получившие свободу и позволение не останавливаться... Губы, сначала осторожные, а потом властные и непреклонные... И их принимают сначала несмело, а вскоре так же жадно и ненасытно... Радость полного и окончательного единения двух душ... Двух тел... И будет так! Так... Будет... Всегда... Я... Люблю... Тебя... И глаза распахиваются навстречу широко-широко... Во всю свою бездонную погибельную ширь... Это дар, наслаждение, распахнуться навстречу... До конца... До дна... Отдать всю себя... И забрать все... Навсегда... Навсегда.

Он смотрел в глубь комнаты, полутьма несколько не мешала. Глаза мерцали зелёными отблесками, он положил голову на сложенные лапы. Сколько он успел повидать в этой

комнате за свою долгую жизнь... Чему только он не был невольным свидетелем... Если бы он мог говорить... Пасть раскрылась, зевнув, обнажив ряд острых зубов. Он смотрит... Двое в вечном ритуале любви и круговорота жизни... Пусть им будет хорошо, пусть будут счастливы, пусть они будут. Просто будут. Пусть. Но что это? Его голова приподнялась, глаза сузились, шерсть на загривке поднялась. Из пасти вырвалось чуть слышное шипение, когти вцепились в шершавую кору. Он смотрит на него. И силуэт его необычен. Да. Такое он уже видел, один раз, давно и не здесь. Это Пришедший. Вот он худощав, изящен, руки с нервными, чуткими пальцами. И вдруг сквозь него проступает другой силуэт, сухое, жилистое тело, лицо, утратившее юношескую мягкость. Другое, намного старше, резко очерченное, щека изуродована шрамом. Грозное лицо воина, прошедшего не одну битву. Сила, властность... Нежность и бережность... Как странно это сочетается в нем, когда обнимает хрупкое тело женщины, когда раз за разом овладевает им... И она, вначале робкая, все смелее отдает себя ему. И берет его, всего, без остатка... Вот затихли, шепчутся, тихо смеются. Она доверчиво кладет голову ему на грудь, обнимает. И спокойно засыпает, зная – он охраняет. Он не даст в обиду. Он – здесь. Если бы ночной охотник, смотрящий на них сейчас мерцающими зелёными глазами, мог говорить...

В комнате постепенно светлеет, начинается новый день.

Роберта приподнимает голову, глаза сонные-сонные, на припухших губах улыбка. Смотрим друг на друга и ничего не говорим. Сейчас не нужны слова. Спустя несколько мгновений мы безмятежно засыпаем оба. А день... Пусть он начинается без нас.

Глава 21

«Дорогая моя любимая мамочка! Начинается новый день и он будет самым радостным и важным в моей жизни. Сейчас раннее утро, не спала всю ночь, ведь сегодня я выхожу замуж. Ты только, пожалуйста, прости меня, все, все меня простите, папа, Том, Эмилия, Агнесса, Гиффорд. Я ничего не могла вам сообщить раньше... Вас не будет со мной на венчании, мы там одни, мы и моя подруга, которая великодушно согласилась помочь. Простите, простите меня... Я буду счастлива и радостна, но и очень печальна, мама. Не так мы с тобой представляли этот день. Но ты ведь понимаешь, иначе нельзя и пока никто не должен знать. Надеюсь, так не продлится долго, мы обязательно что-нибудь придумаем. Ни о чем не волнуйся, со мной все в порядке, я с тем, кого люблю больше жизни и кто так же любит меня. Я о нем рассказала, когда мы виделись в последний раз. Клайд Грифитс, мой начальник и племянник хозяина фабрики, вот почему никто не должен знать. Даже папа, как ни тяжело мне об этом просить. Он так станет волноваться, что непременно выдаст себя... А я не хочу Клайду неприятностей, пусть все будет хорошо у него, у нас. Хочу много-много тебе написать, о том, какой он... Как любит меня, как я его люблю... Как мне хорошо с ним, как... Но мне пора одеваться и выходить, ехать дале-

ко, мы отправляемся в Олбани, там нас ждут друзья. Это помощь от Неба, мама, я так горячо молила, так просила, был момент, что я совсем отчаялась, ты это видела, но боялась спросить, а я боялась тебе сказать... Но это позади, теперь все обязательно будет хорошо. На этом заканчиваю. Мне пора, мамочка, он уже ждёт меня, не хочу опаздывать. Скоро мы будем проезжать мимо указателя на Бильц, вы будете совсем близко, я обязательно покажу Клайду. И буду смотреть на это письмо, думать о вас. А утром следующего дня, когда я буду уже миссис Грифитс, опущу это письмо в почтовый ящик. Мы обязательно скоро к вам приедем, вместе!

Целую в обе щеки...

Бобби.»

– Бобби?

Роберта улыбнулась, убрав со лба упавшие волосы.

– Мое детское прозвище, отец меня так назвал в шутку, и повелось с тех пор.

– Спасибо, Берт, что позволила прочесть. Конечно, я все понял ещё в поезде, видел, как ты смотрела на этот конверт, когда проезжали указатель на Бильц.

Кладу ладонь на ее руку и слегка сжимаю пальцы, стараясь ободрить. Письмо вышло печальным, лицо Роберты, пока я читал, стало задумчивым и грустным. Она глядела в чашку с

чаем, медленно помешивая его, вздохнула и подняла на меня глаза, чуть беспомощно пожав плечами.

– Я тогда запечатала его, думала бросить тут где-нибудь в почтовый ящик.

– Не показывая мне?

– Да, милый. Даже не знаю, почему.

Роберта слегка улыбнулась, снова пожала плечами, отпив чая.

– Почему передумала, Берт?

– Поняла, что ты должен знать, у меня не должно быть от тебя секретов, тем более касающихся моей семьи. И, Клайд...

– Что?

– Ты не сердишься, что заранее написала все это?

– Конечно же, нет, ты все написала хорошо и правильно, только печально вышло.

– Мне было очень грустно оттого, что их не будет с нами, Клайд. И опять с тобой не посоветовалась, ты не подумай, что я такая...

Ласково погладил ее по руке, останавливая.

– Мы обязательно поедem в Бильц, очень скоро. Вместе. Как может быть иначе, должен же я познакомиться с твоими родными...

– Правда, любимый, ты не будешь против?

Лицо ее просияло радостью и она прижала мою ладонь к щеке, закрыв глаза и улыбаясь.

– Конечно же не буду, ты что, – погладил ее по щеке, такой теплой и гладкой, такой родной.

И что-то ещё прозвучало в этом простом разговоре, что-то ещё тенью промелькнуло в ее прямых доверчивых глазах. У нее не будет от меня секретов, а у меня от нее? Роберта наклонилась ко мне и прошептала.

– Милый мой незнакомец, очень хочу все-все о тебе узнать... Когда-нибудь. И мне грустно от того, что я... Мы... Ведь я никогда не смогу сказать родным всю правду, что на самом деле... Получается, всю жизнь надо будет им в чем-то лгать. И в письме уже не совсем правда... Грустно...

Молча смотрю на приблизившееся вплотную лицо, немного бледное после суток на ногах и бессонной ночи, круги под глазами... Что тут скажешь? Ничего. Она права. Шепот...

– Но мне? Твоей Роберте? Когда-нибудь ты ведь мне скажешь, любимый... Не сейчас, я же вижу, понимаю, тебе трудно с этим. Я подожду, сколько надо, не буду настаивать и надоедать, обещаю. Не терзай себя, пожалуйста, мне больно от этого.

Вздохнул, глядя в глаза и не убирая ладони с ее руки.

– Так и будет, Роберта. Когда-нибудь... Я просто...

Я просто боюсь, не решаюсь. Даже не знаю, почему. Берта, прошу, дай мне еще немного времени...

– Шш... Все, все. Ты мой милый Клайд.

Внимательным и мудрым взглядом она проникла мне в самую душу, тихо повторила, словно прочла мои мысли.

– Ты мой единственный и настоящий Клайд, любимый. Знай это.

Пользуясь полным безлюдьем в зале, я притянул ее голову к себе через стол и прижался лбом к ее лбу, глаза в глаза.

– Люблю.

– Люблю.

И мы с улыбкой посмотрели друг на друга, шутливо салютую ей чашкой чая.

– Давай доедай, а то одним чаем не наешься

Роберта с уморительным видом паиньки принялась за яичницу с беконом и салат. Их нам приготовил сжалившийся повар, когда мы, наконец, спустились вниз около одиннадцати утра, проспав завтрак.

– Ты тоже ешь, любимый, устал ведь не меньше меня и даже...

Берта осеклась, заметив мою усмешку, щеки ее предательски заалели, она смущённо улыбнулась.

– Клайд, ну что ты... Перестань так на меня смотреть...

– А почему? Тут и нет никого, вот сейчас как...

И я ну очень грозно протянул к ней руки, скроив весьма похотливую физиономию. Берта в наигранном ужасе округлила глаза и шлепнула по шаловливой руке, почти достигшей желанной цели.

– Перестань сейчас же, вот несносный какой, – она беспokoйно оглянулась, нет ли кого.

– Берт...

Прошептал тихо.

– Ну что?

– Берта...

Драматизм шёпота нарастает. Она принимает игру и наклоняется ко мне ближе.

– Что?

Прозвучало так соблазнительно, что не удержался и прошептал ей в подставленное ушко.

– Я тебя хочу прямо здесь и сейчас.

Для Берты это оказалось слишком, она вздрогнула и резко выпрямилась с растерянным лицом, снова оглянулась, за чем-то оправила платье, хотя его пока никто не трогал.

– Клайд! Это... Это...

– Что? – спрашиваю с самым невозмутимым видом.

– Ну я не знаю... Так нельзя.

В ответ делаю такое несчастное лицо, что Берта, не выдержав серьезного тона, захихикала, стрельнув в меня глазками.

– Бедненький ты мой, несносный...

И мы рассмеялись оба, наш смех так по-домашнему прозвучал в тиши маленького зала, так стало хорошо... Мы вдвоем, смеемся, даже недоеденный завтрак на столе только добавляет уюта.

– Я несносный? А кто утром мне спать не дал, упрасивая

встать и принести тебе...

Щеки бедняжки в который раз за последние сутки порозовели, уже вместе с ушами.

– Клайд, ну Клайд...

Жаркий шепот прямо в ухо вытащил меня из сна, задремал уже с рассветом, убаюканный воспоминаниями и тихим дыханием сладко спящей Роберты.

– Чего, что случилось?

Берта лежит рядом и тормошит меня, лицо ее очень озабоченное. Хм, интересно...

– Принеси мне мою рубашку, пожалуйста, она вон там...

Приподнимаюсь и озираюсь, ничего не понимая, ааа, вот оно что... И начинаю смеяться. Моя ладонь тут же убеждается, что Роберта абсолютно голая. Вторая ладонь подтвердила это, обнаруживая все новые и новые соблазнительные подробности.

– Ай! Стой... Ну перестань... Ну пожалуйста... Мне встать надо, очень-очень, а ты...

Чувствую осязаемый щипок, хватаю ее за руку и прижимаю к себе, положив сверху, волосы, рассыпавшись, укрывают нас обоих пушистым ароматным одеялом.

– Иди и возьми рубашку сама, она недалеко, всего лишь на шкафу, – шепчу ей на ухо.

– Как она там вообще оказалась, мистер Грифитс? – она пытается шептать серьезно, но получается не очень, улыбка

так и светится.

— Очень просто, миссис Гриффитс, я с вас ее стащил ночью, да и кинул назад, не глядя.

Услышав это, Берта просто молча уткнулась мне в грудь лицом и ее плечи затряслись от смеха. Я тоже рассмеялся, вспоминая, как пришлось постараться, уговаривая Роберту расстаться с длинным и ну очень мешающим одеянием...

— Вставай за рубашкой!

— Не буду, я стесняюсь! Ну принеси...

— А, может, я сам стесняюсь! Вот!

— Я отвернусь.

— Небось подглядывать будешь.

— Честно не буду.

— Так и я не буду.

— Врушка!

— Вместе пошли! А ну вставай!

— Ой! Клайд! Не смотри! Дай хоть одеяло!

Мы оба смеемся уже в голос, забыв о приличиях, я взъерошил Берте волосы.

— Ты почему просто тихо не вылезла, и не надела рубашку спокойно, пока я спал?

Она искоса посмотрела, испытанным способом спрятав лицо за чашку чая, одни глаза видны, с хитринкой, но и смущённые.

– Я хотела, а потом подумала, ты же спишь очень чутко, умеешь просыпаться когда надо.

– Ага...

– Я встану, а ты проснёшься...

– И?

Роберта замялась и посмотрела на меня с выражением «ну ты сам понимаешь». А я безжалостно произнес вслух.

– Проснусь по-тихому и буду подглядывать. А как такое пропустить?

– Гадкий, гадкий!

И я со смехом получаю ладошкой по лбу, перехватываю руку и целую... И тут идиллию прерывает тот самый повар, что любезно накормил нас. Он зашёл в зал, нарочито громко топая и кашляя, успел увидеть на его полном добродушном лице широкую улыбку. С подчёркнуто громким вздохом отпускаю руку жены, пора и честь знать, засиделись.

– Пошли, Берт?

– Идём.

– Дай мне письмо родителям, запечатай только.

Через несколько минут в почтовый ящик при гостинице опускается небольшой конверт, на котором аккуратным круглым почерком написано «Билыц. Элизабет Олден».

Городской парк занимал немаленькую территорию вдоль живописного берега реки. Там мы договорились с Ольгой и Сирилом встретиться, погулять вместе пару часов.

– Клайд, как замечательно, правда?

– Просто здорово, милая.

Мы не торопясь идём по дорожке между двумя рядами высоких сосен. Красивые, прохладный ветерок шелестит кронами, оттуда доносится бодрое птичье чирикание, лучи солнца веселыми зайчиками пробиваются через густую листву. Хорошо... Нам навстречу идут такие же парочки и просто одинокие отдыхающие. На зелёных травяных площадках уютно разместились компании побольше, принесшие с собой раскладные плетеные кресла. На ярких покрывалах, разложенных прямо на траве, стоит нехитрое угощение и напитки в оплетенных бутылках. Когда мы проходим мимо них, доносится весёлый смех, говор, вон кто-то рассказывает что-то забавное, его награждают шутивными аплодисментами.

– Как хорошо, что мы сюда пришли...

Берта чинно держит меня под руку, вся излучает забавную серьезность на нашей первой прогулке в качестве мужа и жены. Искося поглядываю на нее, жёлтое выходное платье, светло-голубая шелковая шляпка, задорно сдвинутая вбок, как берет, маленькие изящные руки в ажурных перчатках, живые блестящие глаза с любопытством смотрят по сторонам, простодушно получая удовольствие от увиденного. От голубого неба, прохладного воздуха, шумящих деревьев, яр-

кого солнца и чистой зелёной травы. Улыбаюсь, какая она сейчас спокойная и безмятежная, гуляет с мужем по парку и все у нее замечательно. Незаметно вздохнул, подумав, что этот день закончится и впереди – Ликург. Отгоняю непрошенные мысли, потом. Все – потом. А сейчас – у нас праздник, и все, что не он – подождёт.

– Берта, не устала, может, тоже присядем?

Показываю на столики для пикников, стоящие на тихой полянке. В руке у меня небольшая корзинка, туда она заботливо положила несколько сэндвичей и бутылку лимонада.

– Давай, милый, только недолго, хочу ещё погулять.

– Конечно, погуляем, мы ещё и половины парка не обошли.

От сэндвичей мы пока дружно отказались, но отдали должное лимонаду. Роберта сняла шляпку и положила ее рядом на столик, ветер игривым порывом поднял ее длинные волосы, сегодня она не уложила их в причёску, а дала вольно упасть на плечи. Смотрю и вспоминаю... Глубокая ликургская ночь, неверный свет фонаря... Хрупкая беззащитная фигурка с развевающимися волосами, дорожки слез на щеках... И мои руки бережно обнимают ее, желая спрятать от тьмы и ветра враждебного мира. Так было. Всего несколько дней назад, совсем недавно... Быстрые образы сменяют друг друга. Камешек в стекло. Я влезаю в окно... Ночной костёр

и наша клятва над огнем... И вот мы здесь, все позади, боль и отчаяние, сомнения и неизвестность. Мы – вместе. И все, что нам вскоре предстоит – мы преодолеем. Обещаю тебе, любимая. Роберта заметила, что я на нее смотрю и взяла меня за руку, заглянула в глаза.

– Клайд, что с тобой? Ты так смотришь на меня...

– Как?

– Как будто тебе больно...

В голосе Берты слышны такие забота и нежность... Я не могу кривить душой и прямо говорю ей.

– Я вспоминал все, что происходило между нами эти дни, Роберта.

Она вздохнула, придвинулась ближе, положила голову на плечо... Снимаю с ее руки перчатку, целую ладонь, Берта улыбается и гладит меня по щеке.

– Я тоже все вспоминаю, милый. То, что было...

Она замолчала на мгновение, не найдя слов. Или не захотев продолжать.

– Мне иногда становится страшно, Клайд.

– Почему?

– Когда думаю, что ты бы той ночью не появился...

Берта порывисто повернулась ко мне и зашептала, прижав лицо близко-близко, глаза ее широко раскрылись.

– Ну что ты, солнышко, зачем теперь об этом говорить...

– Мне снился сон, Клайд, ещё до той ночи, что ты...

– Какой сон, Берта?

– Озеро... Вода...

Боже... Нет... Берта, не надо, пожалуйста... Но она не слышит моих мыслей и продолжает, а я не нахожу сил, слов, чтобы ее остановить.

– Глубина... Холод... Я в воде... Так страшно...

Остановись, умоляю тебя...

– Я зову... Кричу... Умоляю спасти меня, протянуть руку...

Молчание. Смотрю ей в глаза и жду. Последнего слова.

– И тьма.

Обнимаю ее и она прячет лицо у меня на груди, плечи вздрогнули.

– Я раз за разом видела этот сон, Клайд. Так было страшно...

Она чувствовала, неосознанно догадывалась...

– А когда я появился, ты ещё видела его?

Берта задумалась на мгновение и покачала головой.

– Нет, милый. Ни разу. Я вообще начала спать спокойно с твоим появлением, давно я так не высыпалась, даже после наших ночных походов.

И мы улыбнулись друг другу, вернувшись из мрачного недавнего прошлого в мирный воскресный парк.

– Съедем по сэндвичу?

– Давай, а лимонад остался?

И тут сзади раздался весёлый голос Ольги.

– Вот вы где, оказывается, спрятались! Берта, мы у фонтана ждали, как договаривались, а вы...

– А они тут расположились и про нас забыли, – Сирил, улыбаясь, пожал мне руку. Ольга и Роберта обнялись, прижавшись щеками.

И сразу развеялось напряжение, которое мы с Бертой невольно нагнали нашим разговором, таким неожиданным посреди праздничного воскресного дня.

– Клайд, Роберта, встаньте, пожалуйста, – Сирил с торжественным лицом достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его мне.

– Что тут?

– Открывай, только осторожно и не помни.

Распечатываю под весёлыми взглядами Ольги и Сирила и любопытным Роберты. И мы видим официального вида внушительный бланк, украшенный печатями собора Сент-Николс и мэрии Олбани, а также витиеватыми подписями

преподобного Данкена и секретариата мэра Томаса Харлина. Протягиваю его Берте, она осторожно берет его и читает.

– Сим удостоверяется и заверяется брак мистера Клайда Грифитса и мисс Роберты Олден, в замужестве Грифитс.

– Вот вы и официально муж и жена, не только перед богом и людьми, но и перед законом штата Нью-Йорк.

Сирил коротко кланяется и провозглашает.

– Можете поцеловать жену, мистер Грифитс.

Поздно спохватился, мы уже целуемся, не обращая внимания на присутствующих. Раздались аплодисменты, к которым вдруг присоединились и семейные компании, сидящие неподалеку от нас на траве. Пара мгновений – и овации зазвучали со всех сторон, а кое-кто и приветственно кричал что-то поздравительное.

– Спасибо вам, друзья, как вы это сумели? Мы собирались после прогулки идти в мэрию, даже опасались, что там закрыто и придется потом еще раз сюда ехать.

Я бережно прячу конверт в карман, заглянув в него, там оказалась ещё одна копия свидетельства. Берта и Ольга отошли, держась под руку, о чем-то негромко разговаривая. Сирил усмехнулся, мы неспешно пошли следом за девушками.

– Утром мы с Ольгой зашли в собор, получили от преподобного доверенность на получение свидетельства, а далее совсем просто, в секретариате мэра работает ещё один наш друг...

Я только покрутил головой, да, и это – вне времени и гео-

графии, протекция друзей всегда в цене.

– Куда пойдём, Клайд? Ольга предлагает дойти до реки, тут уже близко. И там есть разные развлечения, балаганы, аттракционы. Что скажешь? Как Роберта, не будет против?

– Конечно, не будет. Пошли, посмотрим на эти аттракционы...

Публика ахнула. Я до сих пор колеблюсь, принять вызов Сирила или поосторожничать. Тем временем он всадил томагавк почти в центр мишени, пустив его с предельной дистанции аттракциона. Дёрнул же черт завернуть сюда, в этот индейский уголок. Думал, просто постоим, поглазем, поедим мороженое. Сирил же решил оторваться по полной... Не ожидал такой сноровки, если честно, кто он такой, где был, что прошёл? Перед глазами снова сумрачная сидящая напротив фигура, волей моего воображения одетая в форму, под козырьком фуражки – темный холодный провал... Ну, ладно, морда белогвардейская, держись, Берта смотрит с ожиданием и авансом гордится мужем. Нельзя обманывать надежды.

– Что, Клайд, рискнешь?

Сирил с улыбкой взял второй томагавк и приглашающе указал им на рубеж огня.

– Он вам поддастся, Клайд, не бойтесь, – улыбка Ольги просто очаровательна.

В глазах же снисходительный холодок, дескать, куда тебе,

мальчик... Серьезно, твое сиятельство, мальчик? Чувствую поднимающийся кураж, а, в конце концов... Что такого, подумаешь, метнет некий мистер Грифитс томагавк. Захотелось стереть это выражение из взгляда Ольги...

– Клайд, давай!

Берта смеётся и аж подпрыгивает от энтузиазма, ну, все... Выхожу на линию, не глядя беру оружие из выложенного ряда.

– Ты первый, Сирил.

Зрители затихли. До мишени около двадцати метров, дистанция для броска в атаке, с ходу. Смотрю, как Сирил взвесил оружие, прикидывая баланс и расстояние, хорош, ох хорош... Где учился? Лицо его стало бесстрастным, взгляд оледенел. Момент, когда томагавк покинул его руку, думаю, увидел только я. Вот он в руке, протяжный свист – и лезвие с плотным стуком входит в деревянную круглую плаху, служащую мишенью. Публика ахнула вторично и зааплодировала в полном восторге. Ольга только молча кивнула, улыбнувшись. Если честно, стало не по себе от этой улыбки, Ольга явно сейчас вспоминает... Где ты уже метал топор, Сирил, в кого? Лицо Берты вытянулось, как мне превзойти такой красивый бросок... Поднимаю томагавк вверх, давая сигнал готовности, публика стихла. Усмехаюсь, глядя на Роберту, я не разочарую, любимая, ты же на меня смотришь. Ну, кости

и мышцы, не подведете. И оружие свистящей мельницей закружилось, заключив меня в сверкающий на солнце непробиваемый кокон. На площадке гробовая тишина, Роберта тихо вскрикнула... И через секунду топорик дрожит в центре мишени. А ещё через секунду меня в полном восторге заключают в объятия. Овации оглушительны, Сирил подходит, глядя на меня совсем другим взглядом, откровенно оценивающим. Ольга тоже очень внимательно на меня смотрит, слишком внимательно. Да, снисходительность в ее взгляде исчезла... Черт... Дал маху, а все желание порадовать Бертю. Расслабился... Что теперь будет?

– Думаю, ни о чем спрашивать тебя не надо, Клайд?

Сирил неспешно подходит, Ольга держится рядом, оба улыбаются, но как-то с подтекстом. Зря я, ох зря... А Ольга ещё и добавляет.

– Наверняка учились в воскресной школе таким трюкам? Я только и могу, что развести руками.

– Наверное, случайно получилось, сам не знаю, – нелепость этой отговорки понимаем все, но до неловкости дело не дошло.

Они вежливо покивали, и вдруг мы все просто расхохотались. БERTA с сияющим от гордости лицом взяла меня под руку и мы покинули злосчастную площадку. Сирил через несколько шагов снова негромко рассмеялся, подошёл ближе и спросил, понизив голос.

– Может, в тир зайдём? Как ты на револьверах?

– Давайте просто погуляем спокойно, без экзотики, – про-
изношу тоже негромко, но твердо.

Сирил мгновение пристально посмотрел на меня и корот-
ко кивнул, Ольга взяла его под руку и они ушли вперед.

Роберта обеспокоенно посмотрела на меня, потом на них.

– Милый, что-то нехорошо?

Взяла меня за руку и мы направились следом.

– Не тревожся, все хорошо, просто...

– Что, Клайд?

– Возможно, не стоило мне бросать... Или промахнуться
надо было.

Берта вздохнула, но вскоре улыбнулась.

– Дорогой, не волнуйся, даже если не надо было...

– То что?

– От них ничего плохого не будет, я точно это знаю.

И она права, пусть было что было, Ольга и Сирил нас не
подведут. А вот и они возвращаются, лица нормальные, все в
порядке. Выкидываю из головы это дурацкое соревнование.
И мы отправляемся гулять дальше по тропинкам и дорож-
кам...

Сирил и Роберта отправились за мороженым, мы с Оль-
гой не спеша прогуливаемся по небольшой площади перед
набережной.

– Клайд, могу я вас спросить о дальнейших планах?

– О нас с Робертой?

– Да. Она очень дорога мне, мы...

– Я знаю, Берта мне рассказала. Ольга...

Я останавливаюсь и осторожно касаюсь ее плеча. Она спокойно ждёт продолжения.

– Спасибо вам за нее, я... Я ваш должник. Знайте это.

– Сирил мне передал ваши слова, я их принимаю. Берегите ее, Клайд. Вот ваш долг.

– Да, я...

Она властно меня прерывает.

– Все произошедшее очень странно и многого не понимаю. Я видела вас недавно совсем другим. Вы внезапно переменились, вы не выглядите жертвой обстоятельств. Простите за прямоту, но я знаю, что между вами происходило. Вы не жертва, вы не вынуждены, вы сделали то, чего хотели. Ваши глаза... Глаза Берты... Они не могут лгать. Потому что и Сирил – мы просто принимаем это как есть. Оставайтесь такими и будьте счастливы, просто будьте. Обещаете?

Пальцы Ольги легко касаются моей руки, подчёркивая ее слова.

– Да. Обещаю.

На часах 19.30, наш поезд через полчаса. Ольга поедет завтра с утра, а сейчас они с Сирилом провожают нас. Роберта оживлена, улыбается, но чувствуется печаль, праздник закончился и завтра снова жизнь в подполье. Да, все теперь

иначе, но тайна должна оставаться тайной. Вот она посреди разговора смотрит на своё кольцо и вздыхает. Знаю, о чем думает – ещё пара часов, и его надо снимать. Венчание, торжественный голос преподобного, праздник... Волшебная, безумная ночь... И теперь кольцо надо прятать, разве это правильно, справедливо? Разве мы не законные муж и жена? Вот о чем она сейчас думает. И я думаю о том же. О том, что сейчас приедем и снова разойдемся по своим квартирам, и что с того, что мы в пяти минутах ходьбы друг от друга. Мы – не вместе, Ликург всё ещё враждебен нам.

– Клайд!

В голосе Роберты страх, она смотрит в конец зала, Сирил и Ольга замолчали и вопросительно посмотрели на нее.

– Что случилось?

– Клайд, посмотри, помнишь его?

Так... Вот оно что... В дальнем углу, возле телефонных аппаратов стоит давешний вагонный приставала, что подсел к Берте перед Олбани. И смотрит на нас. Вот оно что... Решение принимаю мгновенно.

– Ольга, стой с Бертой, ни шагу отсюда.

Даже не заметил, что перешёл на «ты», Ольга так же не обратила внимание. Молча кивнула.

– Милый, что ты хочешь делать? Может, он тут случайно...

– Берт, мы разберёмся. От Ольги не отходить. Поняла?

Отвожу Сирила в сторону.

– Берём его. Сейчас. Поможешь?

Он сузил глаза, посмотрев на паренька, окинул взглядом зал, выходы.

– Объяснишь?

– Потом. Нет времени. Пошли!

Расстояние до парня мы преодолели быстрым шагом, он не успел отреагировать, не ожидал такой открытой агрессивной реакции. Я приблизил к нему лицо вплотную.

– Кому ты звонил?

– Я вас не понимаю. Что вы от меня хотите?

Он подался спиной назад и упёрся в стену, слегка побледнев.

– Кому ты звонил? Отвечай и ничего не будет. Ну!

Его глаза предательски дрогнули, он тут не случайно. Он следил за нами, с самого Ликурга. И есть только один человек, который мог его послать. А я ничего не понял из случившегося в вагоне, не проверялся. Расслабился...

Сирил невозмутимо стоял рядом, руку он медленно опустил в карман, глаза парня не отрываясь следили за ней.

– Вставай.

– Зачем? Что вы хотите?

– Не говоришь здесь, прогуляемся по рельсам, мальчик, –

голос Сирила обжег холодом, глаза... От их выражения по спине у меня прокатился озноб. Черный провал под козырьком фуражки...

Паренёк уже в явном страхе вжался спиной в угол.

– Кому ты звонил? Номер!

Голос Сирила хлестнул кнутом. И парень поплыл, вытащил из кармана небольшую карточку. Я выдернул ее из дрожащих пальцев. Смотрю на часы, есть ещё десять минут. Ольга и Берта стоят на месте и смотрят на нас.

– Сирил, посторожи минутку нашего друга.

Пятизначный номер.

– Алло.

– Здравствуй, Гилберт.

Глава 22

Поезд уже скрылся за поворотом, а они все ещё стояли на опустевшем перроне. Ольга зябко передернула плечами, подошла ко входу в здание и посмотрела в дальний угол зала.

– Дадим ему выйти, Кирилл, они уже далеко.

– Да, конечно, пусть идёт на все четыре стороны, не убивать же его.

Кирилл Арцеулов сделал несколько шагов в сторону все ещё стоявшего в углу парня, который настороженно следил за его приближением.

– Подойди, – Кирилл поманил его рукой, – ну!

Тот, увидев рядом с так испугавшим его обладателем ледяных глаз невысокую миловидную девушку, немного успокоился, и медленно подошёл.

– Можешь уходить, – отрывисто бросил Кирилл.

Парень набрал воздух, собираясь что-то сказать, но Ольга остановила его жестом.

– Не надо ничего говорить, просто уходите.

И что-то в ее спокойном взгляде, в небрежном жесте руки сказало ему, что им ничего от него не надо, ему нечего им сказать. Он молча развернулся и быстро вышел из здания вокзала.

– Он сообщит все, – негромко сказал Кирилл, – как-то

теперь встретит Ликург Клайда с Робертой...

Ольга слегка пожала плечами, беря его под руку и направляясь к выходу.

— Клайд справится, дорогой мой кузен, почему-то я в этом не сомневаюсь.

— Поехать завтра с тобой, быть может? Еще два дня я свободен.

Они вышли на ярко освещённую привокзальную площадь и медленно направились к автобусной остановке. Ольга улыбнулась.

— Не надо, что со мной случится...

Вот и остановка, Ольга не спеша прошла по ней, остановив брата, шагнувшего было следом. Вдохнула, проведя рукой по кирпичной стене, плечи ее вдруг поникли.

— Только вчера мы стояли тут и познакомились, все только начиналось, — грустно сказала она, посмотрев на подошедшего Кирилла, — впереди были веселые хлопоты, праздник...

— Понимаю, Оль, все понимаю... А теперь...

— А теперь все закончилось и мне больно, Кир. Тебе я могу признаться.

— Ты так ее любишь?

— Она... Понимаешь, я чувствовала...

— Что?

Ольга вскинула на Кирилла глаза, помолчала, как будто сомневаясь. Решилась и негромко сказала.

— Вы называли это «взглядом ангела». Я видела его на Ро-

берте.

– Что?

– Да, ты не ослышался.

Кирилл покачал головой, засунув руки поглубже в карманы пальто, как будто внезапно ему стало холодно.

– Ты рассказала, она хотела покончить с собой...

Ольга в свою очередь покачала головой.

– Нет, не то.

– А что же тогда?

– Не знаю, Кир. Но знаю одно – она должна была умереть. Скоро. Я это чувствовала.

Ольга приблизилась и заговорила быстро, как будто боялась, что ее перебьют или не дадут сказать.

– Смерть уже стояла рядом, Кир. Какая-то страшная смерть... Я видела сны... Смутные сны, озеро, какая-то лодка... Клайд... И ее пронзительный крик ужаса. И тьма. Я хотела ей сказать, но не знала как... Что бы она подумала? Ей и так было тяжело...

Кирилл положил ладонь на ее плечо, пытаясь успокоить, Ольга слегка отстранилась, не давая себя отвлечь.

– Я хотела что-то сделать, Кир, чувствовала, что это наедвигается на нее, и не знала как поступить. Был момент, я решила убить его.

Кирилл молча поднял бровь, удивлённо посмотрев.

– Да, и не смотри так!

Молчание.

Ольга негромко продолжает свой рассказ, на остановке по прежнему никого и автобус все не подходит, словно давая возможность высказаться.

– Я хотела его убить, Кир. Потому что он хотел убить ее, я знаю. Те сны... Это было эхо от его мыслей.

Кирилл молча слушал, неподвижно застыв, глаза сузились.

– Так вот оно что...

Залитая солнцем пристань у реки, яркие разноцветные лодки, гомон отдыхающих, желающих покататься. С десятков лодок неторопливо плывут, неся празднично одетых пассажиров.

– Девочки, покатаемся?

Кирилл делает несколько шагов в сторону пристани и уже машет распорядителю, выбросив вверх два пальца, знак приготовить две лодки. Оборачивается...

– Клайд, где вы там?

И улыбка сходит с его лица – все трое не сдвинулись с места, смотрят на лодки. И видно, что они не сделают к ним ни шагу. Кирилл смотрит на ладонь Роберты, сильно сжавшую руку мужа. На Ольгу, придвинувшуюся к ним. На лицо Клайда, сжавшиеся губы, его руку. Он прижал к себе Роберту и было ясно – не пустит.

– Вот оно что... Из-за этого сна?

– Да, Кир. И Берта тоже почувствовала, уверена. Спросить бы ее прямо...

– А Клайд? Он ведь тоже испугался... Странно это все.

– Очень странно, такое впечатление, что мы все трое что-то знаем, связанное с этими... Или другими лодками... Лодкой... Озером... Что-то страшное, что должно было произойти.

Ольга прошла по остановке, резко повернулась. Кирилл усмехнулся, подошёл и заботливо поправил на Ольге шарф.

– Оль, но все же теперь не так, мы сами видели. И увиденное – не может быть ложно, они любят друг друга так, что...

– Да, все внезапно стало иначе. И я более не чувствую «взгляда ангела». И не вижу больше этот проклятый сон. И Берта так счастлива...

– Но это ведь хорошо, так? Опасность для Роберты миновала?

– Миновала. Так, как будто... Как будто тот Клайд, который собирался ее убить... Вдруг исчез.

Кирилл развел руками.

– Но ведь он тут...

– Вот это мне и непонятно, Кир.

– А сама Роберта, что-нибудь тебе сказала, объяснила?

– Нет. Но она – знает ответ. И, зная его, готова отдать за Клайда жизнь, как и он за нее. И только поэтому я принимаю

это так, как есть. А ответ... Когда-нибудь...

Ольга посмотрела в сторону железнодорожных путей, оттуда донёсся перестук колес, очередной поезд направился в сторону Ликурга. Тихо сказала.

– Береги ее.

Помолчала, все еще глядя в сторону удаляющегося шума поезда.

– Клайд Грифитс...

Кирилл внимательно посмотрел на сестру, он услышал сомнение в ее голосе. Сомнение в произнесенном только что имени.

В полупустом вагоне полумрак, мы с Робертой заняли укромный уголок, она сидит, положив голову мне на плечо. Устала... Ее рука держит мою и иногда, когда вагон подпрыгивает на стыках рельс, пальцы сильнее смыкаются на моих, словно в страхе потерять. Через два часа мы прибудем в Ликург.

– Здравствуй, Гилберт.

На том конце провода повисло молчание. И когда пауза затянулась, я решил сам ее заполнить.

– Хочешь меня поздравить, брат?

И молчание прервалось сухим смешком.

– Поздравляю, Клайд. Церемония прошла отлично, я тебе даже завидую.

– Могу потом даже показать фотографии, если интересно. Смешок повторяется.

– У меня завтра будут свои, думаю, не хуже.

– Зачем тебе это, Гил? Послал за нами в поезд топтуна, он к жене моей приставал... А если бы я разозлился?

– А хорошая была идея, согласен?

– Зачем, Гил? Я знаю, ты видел журнал, ты оставил мне знак, что все понял.

Гилберт рассмеялся.

– С тобой приятно работать, брат.

И раздались короткие гудки.

– Клайд, что происходит?

Мы быстро поднялись в вагон и поезд сразу тронулся, назад поплыло здание вокзала, стоящие на перроне Сирил с Ольгой подняли руки в прощальном жесте. Через несколько минут вокзал и наши друзья исчезли за поворотом. Роберту немало удивило то, что я не отпустил ее от себя и мы сели вместе, совершенно в открытую.

– Клайд, не молчи...

Берта взяла мои ладони в свои и порывисто сжала, ее глаза широко раскрылись и влажно заблестели, наполняясь сле-

зами.

– Любимая, успокойся, ну, иди сюда, ко мне.

И она кладет голову мне на плечо, целую ее глаза, чувствуя соленую влагу на губах. Слышу тихий шепот.

– Не отдам тебя. Никому не отдам. И ты меня не отдавай. Никогда.

– Не отдам. Ты – моя.

– Мой. Ты – мой.

Роберта вздохнула, пристроившись удобнее, оглядела вагон. Он полупустой, полумрак вечернего освещения погрузил его углы в густую тень. Мы уютно спрятались в этой тени, глаза Берты таинственно поблескивают из нее.

– Клайд, рассказывай все. И почему мы едем вместе?

– А что, дорогая, уже наскучило мужнино плечо? Позвать того приставалу, может?

Получаю маленьким, но очень решительным кулачком в грудь. И обстановка немного разряжается, мы тихо смеемся. Открываю нашу корзинку и достаю бутылочку лимонада.

– Бери, пей потихоньку.

– Я тебе оставлю половину.

– Есть будешь?

Берта мотнула головой, отпив несколько глотков. Протянула бутылку и улыбнулась.

– Давай пить по очереди. И рассказывай.

Поезд, чуть покачиваясь, несется через поля, леса, деревни и городки, мимо мелькают редкие фонари, будки обход-

чиков. Убаюкивающий стук колес. Лицо Берты в мягком полумраке вагона и наши тихие голоса. Она внимательно слушает.

– Гилберт все про нас знает, Берта.

– Я это поняла, когда он пришел в цех, тебя не было как раз.

Глаза Роберты, наполненные страхом...

– Чего ты так испугалась? Не сожрал бы он тебя, в самом-то деле... Что тогда произошло?

Клайд, ну где ты пропал, как долго тебя нет... Мне спокойно, когда ты сидишь там, за своим столом, что-то считаешь... Или делаешь свои таинственные рисунки. А я вот на тебя посмотрю миг, и снова работать. Ты сердишься, когда я на тебя часто смотрю. Знал бы ты, каким при этом становишься милым... Глаза и голос грозные, а все равно видно, как ты меня обожаешь. И иногда даже хочется тебя специально посердить. Где же ты... Вот, наконец-то... А что это за новый костюм? О, Боже, это же не Клайд, а мистер Гилберт. Как я так могла перепутать? Что это он делает у моего Клайда на столе? Это его место, не трогай там ничего. Что-то листает... Еще листает... Какие-то журналы с полок снимает... Боже, как они похожи! И мой Клайд так же делал недавно... Что-то искал, наверное. И мистер Гилберт ищет теперь

то же самое? Странно это... И... Тревожно... Мне страшно. Клайд, любимый, мне страшно... Где же ты... Господи помилуй, какой взгляд... Он смотрит прямо на меня... Куда-то вниз, на стол... И снова... Как прицеливается... Клайд...

– Вот как это было, значит...

Достаю из корзинки сэндвич с сыром и ветчиной, ломаю пополам. Протягиваю половину Роберте.

– Ешь. И не серди меня!

Берта прыснула, с аппетитом откусила. С улыбкой смотрю, как она совсем по-детски облизывает с губ горчицу, протягиваю ей свою половину.

– Нет, я наелась, а ты голодный. Бери давай!

Она уморительно скопировала мою интонацию и гордо задрала нос. Не отказываюсь и в два укуса приканчиваю сэндвич, Берта протянула лимонад. Там совсем немного, делаю вид, что отпиваю, и возвращаю бутылку.

– Дальше, – шепнула и устроила голову у меня на груди.

Дальше... А дальше надо рассказать, что в тех журналах. Вот так.

– Что там, в тех журналах, Клайд? Что сначала ты, а потом Гилберт, в них искали? Он так на меня смотрел...

Берта поежилась и крепче ко мне прижалась.

– Берт...

Она почувствовала мою нерешительность и подняла на меня глаза, они мягко замерцали в полумраке, странно со-

четаясь с тьмой за окнами и стуком колес.

– Любимый, ничего не бойся. И все-все мне скажи. Ты мой муж, я твоя жена.

Решаюсь, беру за руку, ее пальцы нежно переплетаются с моими.

– Говори.

– Когда я появился, то ничего не знал об этой работе и в первый день полез в бумаги, разбираться с учетом и всем прочим.

Роберта медленно кивнула.

– Понимаю. Ты поэтому тогда устроил эту странную перекличку... Ты же никого не знал по именам... Клайд...

Она замолчала. Я закрыл глаза, Боже... Если ты есть и действительно послал меня сюда. Пусть она не спросит... Берта молчит. Я жду.

И вдруг она захихикала. Не веря ушам и своему счастью, открываю глаза и вижу ее улыбку...

– Ты чего, Берт?

– Девушки за обедом болтали, гадали, что это на тебя нашло и почему. Всякое говорили...

– А ты?

– А я помалкивала и потихоньку перечитывала твою записку, где ты велел ничему не удивляться.

Уфф... Я готов ее расцеловать прямо на глазах у всех. Не спросила...

– Так что там про журналы?

Берта снова посерьезнела.

– Так вот, я смотрел журналы учета и мне захотелось посмотреть твои результаты за день.

– Аа...

Берта смутилась, поняв, что я увидел ее недочеты.

– Там все оказалось записано, Берт, очень подробно.

Она тихо спросила.

– Что записано?

Вздыхаю и медлю.

– Скажи мне.

– Уверена, что хочешь услышать?

– Да.

Тихий, но такой упрямый голос...

– Там был записан весь ущерб от твоих недочетов, несколько раз подана заявка на вычет из жалованья. И за два дня до моего появления – подробная докладная на тебя Лигету.

– Кто это все написал?

Горло у меня внезапно пересохло, облизал губы.

– Кто?

– Клайд.

Ее губы задрожали, закусила их, уткнулась мне в плечо лицом. Лихорадочный шепот.

– Прости... Прости, милый, любимый, единственный... Мой Клайд... Я просто... Просто так больно... Узнать, что...

Ласково глажу ее волосы и тихо шепчу...

– Все, все... Теперь ты узнала и это, и оно уже позади.

И поезд убаюкивающе постукивал колесами, унося нас через ночной мрак, подтверждая – все позади, все позади, друзья.

– Зачем он это делал?

Берта успокоилась, достала платок и отерла глаза.

– Надеялся, что тебя уволят. И тогда ты бы уже просто вынужденно уехала из Ликурга к родителям в Бильц.

Роберта помолчала, потом несколько раз кивнула.

– Так бы и было, верно рассчитал.

Я, не скрываясь, перевел дыхание и вытер вспотевший от напряжения лоб. Берта заботливо промокнула мое лицо своим платком, быстро оглянувшись, легко поцеловала в губы.

– Сколько нам ещё ехать?

– Чуть менее часа, проехали Кэлвуд только что.

Роберта улыбнулась, покачав головой.

– Уже запомнил станции...

Улыбнулся в ответ, погладил ее по руке, ничего не ответив на это.

– Но ты рассказывай дальше, мы в самом начале, да?

– Да, Берт. Слушай дальше.

Она уже откровенно свернулась клубочком возле меня, не обращая внимания на окружающих. Усмехнулся, осталось только на колени сесть и все будет отлично. Тепло ее тела успокаивает, она со мной, мы вместе.

– У нас в отделении есть несколько девушек, они докла-

дывают Лигету обо всем, что происходит.

– Аа, эти... Все это знают.

Я заинтересовался, вот как...

– Кто такие?

Берта хихикнула прямо мне в ухо, я почувствовал поцелуй и жаркое дыхание.

– Это Марта и Руза. Эти кошки обе в тебя влюблены и по очереди бегают к мистеру Лигету наушничать на тебя же и на всех остальных. И при этом они убить друг дружку готовы.

Только озадаченно головой покрутил, ну, бабский терраиум, одно слово...

– Только не говори, что не знал, что они к тебе неравнодушны.

– Нуу...

– Что? Думаешь, не видела, как эта толстуха Марта тебя пирожками потчевала и так выглядела, что... Что...

– Ну, что, что?

Разглядел даже в полумраке, как щеки Берты покраснели, она запнулась и стукнула меня кулачком по плечу.

– Я ей волосы все повыдергаю, если она к тебе приставать вздумает ещё!

– Ой, Боже правый...

Я рассмеялся, приглядевшись к развоевавшейся Роберте.

– У нас первая семейная сцена ревности?

Из полутьмы по лбу прилетело ладошкой. Я решил возмутиться.

– Берт, что это за манера шлёпать ладонью по лбу?

Она засмеялась, притянув мою голову к себе и ласково потершись теплой щекой о лоб. Зашептала, горячее дыхание обдало лицо.

– Это с детства, я так лупила Гифа, брата. Ну, Гифорда, когда мы ссорились.

– А мы ссоримся?

– Нет, не ссоримся. А по лбу все равно получишь, грозный ты там или ещё какой. Я ревнивая!

– Ты моё солнышко...

Однако эту шутиливую возню в темном уголке пора прекращать, появляются совсем неподходящие месту мысли. Круглое колено под тонким чулочком... Лента подвязки... Шелк... Теплая гладкая кожа... А вот...

– Ай... Клайд... Ты что... С ума сошёл!

Берта оттолкнула мою шаловливую руку, пустившуюся в интересное путешествие, быстро выглянула, не обратил ли кто внимание, оправила платье. Мы переглянулись и оба с подчёркнуто несчастным видом вздохнули.

– Возвращаемся к рассказу?

– Давай.

Берта снова устроилась на моем плече и приготовилась слушать. Слава Богу, отошла и можно продолжать.

– Так вот, Лигету рассказали о нас с тобой плюс Клайд написал на тебя эти доносы.

– И тут появился ты...

Она спокойно об этом говорит, привыкла уже малость, умничка моя.

— Да, появился я. И успел в этом всем разобраться прежде, чем Лигет на меня наехал за обедом.

— Что он сделал за обедом? Не поняла...

— Ээ, ну, разговор завел о тебе...

— Аа...

— Ну вот, он сказал, что получил мою докладную на тебя, тьфу... Ну, не...

Берта легонько сжала пальцы у меня на груди, почувствовал ноготки.

— Я поняла, дальше...

— Я же сказал, что все уже исправлено, с тобой поговорили, ты все поняла и теперь отлично работаешь, без нареканий.

— А он что сказал на это?

Я улыбнулся.

— Спросил, почему я тебя так защищаю.

— Ого... А ты?

Я улыбнулся ещё шире.

— А я ему ответил, какая же это защита, если я сам позавчера ему написал на тебя докладную?

Роберта секунду подумала над сказанным и ее плечи задрожали от смеха.

— Клайд, так это вышло, что...

— Что тот донос как раз и снял все подозрения. Ибо как

можно защищать того, на кого сам же и пожаловался?

– Какой ты у меня.

Роберта восхищённо на меня посмотрела, крепко прижалась и затихла. Я же тихо продолжил.

– Но этого хватило простаку Лигету, Гилберт же раскусил нас сходу. Видимо, между ними произошёл разговор, Лигет ему передал слухи о нас.

– И Гилберт пришел в цех и тоже проверил журналы и все понял. Да?

– Не только. Он на каждом доносе поставил знак, птичку. И под последним – написал своё имя. И так оставил все на моем столе.

Роберта вздрогнула.

– Он страшный человек, Клайд. Я боюсь его.

– Я тоже страшный человек, милая. Мы с ним похожи. Не заметила?

Ответный шепот чуть слышен за стуком колес.

– Тебя я уже не боюсь. Ты не страшный. Ты любишь меня. Я знаю.

– Люблю, Берта.

– Что было дальше?

– Дальше дядя пригласил меня на обед в выходные, ты это слышала.

Она молча кивнула.

– А мы уже решили ехать венчаться и никакого обеда быть не могло.

– Как ты смог отказаться?

В голосе Берты прозвучало неприкрытое уважение к власти и деньги имущим, этот тон мне не особо понравился. Потому ответил коротко.

– Я просто отказался. Попросил Гилберта передать извинения.

– А как объяснил?

– Никак. Это приглашение. Его можно принять. Можно не принять. Все.

Невольную сухость сказанного я смягчил поцелуем.

– А потом Гилберт, видимо, заинтересовался, почему я отказался, да и разговор у нас произошёл интересный...

– Пуделек Сондры...

По лицу Берты прошла брезгливая гримаска.

– Милый, пить хочу, есть ещё лимонад?

– Держи, допивай все.

– А ты?

– Я нет, скоро уже Ликург.

Послушно допивает, бутылочка кладется обратно в корзину.

– Да, пуделек Сондры, Берт. Гилберт очень заинтересовался внезапным превращением пуделька в кого-то ещё.

– В тебя, мой ангел.

Берта широко раскрыла глаза и глубоко вздохнула.

– И он послал человека проследить за мной, за нами. Мой

промах, я ничего не заподозрил, когда этот хлыщ к тебе подсел перед Олбани.

– Зачем он это сделал, Клайд?

– Спровоцировать меня. Естественно, я подошёл, когда он начал к тебе приставать. И этим мы себя выдали.

– Мне тогда это показалось очень странным, я множество раз ездила в этих поездах...

– И никогда никто не пытался к тебе пристать?

– Никогда.

– Понятно.

– А тут именно когда ты рядом, и так грубо, неприятно... Роберта передернула плечами от отвращения.

– А как ты его отвадил сразу, ты такой...

Погладил ее по голове.

– Это было нетрудно, да и не приставал он по-настоящему.

– Понимаю. Но все-таки...

Я посмотрел на часы, за разговором прошло почти два часа, минут через десять – Ликург.

– А дальше понятно, этот парень следил за нами в Олбани, видел венчание и все остальное. И сообщил обо всем Гилберту.

– А потом на вокзале следил...

– И если бы не ты, мы бы ничего не узнали, ты молодец у меня.

– Я так вдруг испугалась, Клайд...

– Ну и мы с Сирилом его взяли в оборот, он оказался не

героем и дал номер, по которому звонил.

– И ты набрал?

– Да. Сразу.

– Кто тебе ответил?

– Гилберт.

– Понятно. И поэтому ты не пустил меня сидеть отдельно?

– Да, теперь скрываться смысла нет. Я не хочу, чтобы мы зависели от молчания Гилберта, – Роберта вдруг прижала обе руки к груди, и подалась ко мне.

– Клайд, ведь это значит...

– Да, Роберта, это значит, что мы законные муж и жена, нам незачем жить в разных квартирах и видаться украдкой по ночам, хоть это и было чертовски здорово.

И я невозмутимо начинаю собирать наш багаж, за окнами уже огни Ликурга и вот-вот появится вокзал.

– Берт, вставай, нам уже сходить.

Смотрю, как она оправляет платье, подаю плащ. Шляпка покрывает быстро уложенные волосы, из-под полей смотрят живые блестящие глаза. Губы решительно сжаты, Берта встает рядом со мной.

– Я готова, Клайд.

Через пять минут я, галантно подав Роберте руку, помог ей выйти из вагона на перрон ликургского вокзала.

– Добро пожаловать в Ликург, миссис Грифитс!

Перед глазами появилось бледное лицо Гилберта, его горящие ледяным пламенем глаза.

"Сондра возненавидит тебя, Клайд, она возненавидит нас обоих".

Глава 23

Мягкий тёплый свет свечей играл бликами на стенах и потолке, повинувшись прихотливо изменчивому течению воздуха. Два бокала тонкого стекла мерцали на низком инкрустированном слоновой костью столике. Вот изящная рука взяла один, девушка, сидящая в кресле, медленно пригубила напиток, задумчиво глядя на дрожащее пламя свечи. Тени от огня причудливо искажали строгое лицо, добавляя ему таинственности. Сидящий во втором кресле мужчина смотрит на девушку. Мерцающие в полумраке зеленые глаза, гладкие рыжие волосы, сегодня собранные в узел. Неброский кулон, голубая искра аквамарина, браслет с тем же камнем. Она не любит золото, предпочитая холодноватый блеск серебра и платины, за что ее иногда втихомолку называют Ледяной. Ее безмолвие словно подтверждает это прозвище. Молчание. Оно может длиться долго. Очень долго. Далеко не всегда им нужны слова, чтобы понимать друг друга. Послышался протяжный гудок паровоза, далеко разнесшийся по затихшему Ликургу. Мужчина мельком взглянул на часы.

– Только что прибыл поезд из Олбани, Ки. Они приехали. Девушка поставила бокал обратно на столик и сплела пальцы, положив подбородок на сложенные ладони. Слегка

улыбнулась.

– Ты так это произнес, как будто в самом деле думал, что они не вернутся.

Мужчина усмехнулся.

– Клайди-маленький не вернулся бы. Но он уже не маленький.

– Ты решил, что теперь будешь делать, Гилберт?

– Я не знаю.

Констанция Вайнант удивлённо посмотрела на своего друга, она не привыкла видеть его колеблющимся.

– Я не знаю, Ки.

Гилберт вскинул на нее глаза и внезапно положил ладонь на ее руку, почувствовал, как она слегка вздрогнула.

– Помоги мне, ты можешь видеть то, чего не замечаю я.

Он улыбнулся, это выглядело странно на его жёстком четко очерченном лице. Констанция слегка пожала плечами, покачав головой.

– Что я могу увидеть, Гил... Ты рассказал мне, что сам понял. Тебе решать.

Гилберт усмехнулся вторично, убрав руку.

– Но послать Найта за ним меня уговорила ты, я-то не собирался.

Он взял свой бокал и отпил, легко отсалютовав им девушке.

– Да, мне стало любопытно, что затеял Клайд на выходные, он повел себя очень странно. И, Гил...

– Что?

– Ты сам меня пригласил в тот вечер поужинать и захотел посоветоваться. Рассказал все, что знал и понял.

– А потом...

– А потом ты позвонил поздно вечером, немало удивив моего отца, и рассказал...

– Про Клайда и Роберту.

Гилберт резко поднялся с кресла и подошёл к широкому окну небольшой угловой гостиной на втором этаже особняка Грифитсов. Обернулся, освещенный серебристым светом уличных фонарей. Констанция медленно подошла к нему, встав рядом. Гилберт поднял руку, указав в сторону вокзала.

– Они только что приехали. И совсем не важно, что решу я.

Она снова удивлённо посмотрела на него, сегодня он ведёт себя странно. Как вообще все странно в последнее время...

– А что тогда важно, Гил?

Он помолчал, как будто не решался произнести ответ вслух.

– Что решат они, Ки... А ведь ты меня предупреждала, что...

– Что ты решил, Клайд, что мы теперь будем делать?

Ликург, почти одиннадцать вечера, мы стоим вдвоем на пустынной остановке, сейчас подойдёт последний трамвай,

успели. Роберта устало прислонилась ко мне, обнял ее одной рукой, ждём. Наши вещи стоят рядом на тротуаре. Машинально оглядываю улицу, редкие прохожие идут, не обращая на нас никакого внимания. Парочка на остановке, откуда-то вернулись, что такого...

– Поедем ко мне, Берт, останешься до утра.

Она подняла на меня удивлённые глаза.

– Клайд, мне же на работу утром, надо зайти к Гилпинам, умыться, переодеться...

– Как ты сейчас туда войдёшь, дорога через их комнаты. В окно? С вещами?

Берта нерешительно кивнула.

– Хватит лазить в окна, миссис Грифитс.

Я ободряюще улыбнулся, Роберте явно не по себе. Она постаралась улыбнуться в ответ.

– Так вот, солнце, сейчас мы едем ко мне, пьем чай и ложимся отдыхать. Поняла?

Кивок.

– Утром ты на работу не идёшь, а идёшь к Гилпинам и собираешь вещи.

– И куда мне потом?

Ой, мама...

– Берт, ты засыпаешь уже? Тогда проснись и подумай.

– Ага...

Роберта, не удержавшись, сладко зевнула во весь рот, спохватилась, прикрылась ладонью, смутилась.

– Клайд, я очень устала, прости.

– Перестань извиняться, я же вижу. Сейчас трамвай наш подойдёт и поедем, мы уже почти дома.

– Так что после того, как соберусь?

– Жди меня, после фабрики зайду за тобой и переезжаем.

– К тебе?

– Да.

– Клайд, а твоя хозяйка как на это посмотрит? Может, ещё врозь проживем несколько дней и найдем комнату там, где нас не знают?

Я задумался, в словах Берты есть резон, но...

– Миссис Портман ко мне очень хорошо относится, и, по моему, она собиралась сдавать две комнаты в другом крыле дома, нам там будет хорошо.

– Если она согласится...

– Уговорю.

Решительность моего тона вызвала у Роберты слабую улыбку на бледном лице. Как же она устала...

– Мой грозный воин...

И она снова доверчиво и ласково прижалась ко мне, погладил ее по плечу.

– Как мне хорошо, Клайд...

Тихо подошёл трамвай, я подтолкнул Берту садиться и подхватил вещи.

Вот и Франклин-авеню, идём по слабо освещенной улице,

скоро полночь. Роберта не жалуется, но устала до последней крайности, трое суток на ногах, брачная ночь не в счёт, там того сна было...

– Все, все, милая, почти пришли.

Роберта уже не отвечает и только кивает на ходу, старательно шагая рядом, закусив губу. Приглядываюсь и внезапно останавливаюсь.

– Берта.

– Что, Клайд?

– У тебя ничего не болит, нигде?

Она замялась, смутившись, поняла, что я заметил. Проплептала.

– Клайд...

– Берт, говори все, это не шутки. Ну? Болит? Где? Сильно? Давно?

– В трамвае началось, не сильно, но...

– Но что?

Мне надо понять, идти домой или везти ее в больницу прямо сейчас. Ох, забыли мы за всеми хлопотами, а она на четвертом месяце. Сердце вдруг упало, черт... Я даже не потрудился узнать, где в Ликурге больница, как туда добираться, если что. У меня беременная жена с приступом болей, ночью, посреди почти незнакомого города, черт, черт... Тут неподалеку аптека, ее хозяин, надеюсь, живет при ней же... Если все серьезно, нам туда, больше вариантов нет. Аптекарь, телефон, он должен знать врачей...

– Что, Берта? Да перестань ты стесняться, я твой муж, помнишь?

Она кивнула, слабо улыбнувшись.

– Тянет немного, ну, там... Внизу... В колени отдает...

– Я сейчас спрошу, а ты ответишь "да" или "нет". Ясно?

Кивает.

– Не мокро внизу?

Роберта вскинула на меня глаза, мучительно покраснев.
О, хоссподи...

– Да или нет?

– Нет.

– Спрошу еще раз. Если мокро, это кровь и надо сейчас же ехать в больницу. Да или нет? Ну? Мне самому проверить, пощупать, может, заглянуть?

– Нет!

Уфф... Слава Богу. А что прикажете делать? И невозмутимо говорю.

– Пошли домой, любимая. Не сердись. Я испугался.

Берта только вздохнула и мы в молчании преодолели оставшееся расстояние до дома. Искоса поглядываю, обиделась? Перехватила мои обеспокоенные взгляды и показала язык. Ну и хорошо, а вот и дом, милый дом, наконец-то. Осторожно открываю калитку, ставлю вещи по ту сторону заборчика.

– Пошли, осторожно, тут неровно и корни торчат кое-где, помнишь?

– Клайд, вещи забыли!

– Не забыли, а оставили, сначала тебя заведу и вернусь за ними, вас всех тащить сразу неудобно.

Роберта негромко рассмеялась, крепко ухватив меня за руку.

– Тихо ты, мы ещё в подполье, до утра. Заходи.

Зажигаю малый свет, оглядываю комнату, все так, как оставил позавчера.

– Располагайся, кидай плащ, я за вещами.

Возвратившись через несколько минут, Берту не обнаруживаю, куда делась? А, ясно. Выходит из угловой двери, плотно ее прикрыв. Вопросительно смотрю на нее, она снова смущается и тихо шепчет.

– Клайд, все в порядке, ну что ты... И не болит уже.

Подхожу, беру ее руки в свои.

– Не обижайся, родная, я просто очень испугался и собрался тебя спасать. А когда спасаешь, то не думаешь, что говоришь и как выглядишь.

Роберта обвила мою шею руками, ее тёплые губы нашли мои, и мы долго стояли, не в силах разомкнуть объятия.

– Спать пора, – шепнул ей на ухо.

– И чай не попьем даже?

– Завтра попьем, если сейчас сядем, так и уснем с чашками в руках. Садись пока в кресло, я постель разберу.

Пока возился с кроватью, краем глаза увидел, как Бер-

та медленно сняла платье, все ещё слегка стесняясь моего присутствия. Осталась в белье, платье держит в руках, вижу, оглядывается, куда его положить. Подошёл к ней, взял из рук и повесил на спинку стула. Берта осталась стоять передо мной в тонкой шелковой рубашечке, хрупкая и нежная, смотрит ну очень серьезно. Внезапно мне пришла в голову дельная мысль.

– Берта, давай в кровать и ложись на живот.

Она насторожилась, посмотрев исподлобья, переступила по полу босыми ногами. Ох, ещё застудится, завтра же купить домашние туфли. Хотя завтра она уже будет здесь со своими вещами, а там "заячьи" тапочки.

– Зачем это мне так ложиться?

– Ага, и белье снимай. Все.

Она округлила глаза, страх в них стал не совсем наигранный. Сказать ей, пока совсем не перепугалась? Такая забавная бывает, а еще взрослая девица... Не скажу, сюрприз.

– Клайд...

– Ложись, не пожалеешь, после такой поездки это будет очень к месту.

Я подошёл к кухонному шкафчику и взял оттуда искомое. Берта, забравшись с ногами на кровать, следила за мной блестящими глазами, сон из них куда-то испарился. Белье снимать не торопится.

– Не бойся, ложись...

Роберта обречённо вздохнула и позволила мне снять с

себя короткую нижнюю рубашку и шелковые штанишки, оставшись обнаженной.

Прикрылась руками, я ласково уложил ее на живот.

– Лежи и ничего не делай, расслабься.

Она уткнулась лицом в подушку, руки под грудью, ее тело напряглось в ожидании, тихо прошептала.

– Клайд... Стыдно...

– И вовсе нет, любимая, вот сама смотри...

И в следующий момент она простонала от наслаждения, мои ладони, слегка смоченные маслом, ласково, но твердо прошлись по ней от шеи до пяток, массируя уставшее тело.

– Ой... Клайд... Оох... Боже...

– Воот... А ты боялась...

Массаж продолжился, под моими ладонями тело Берты на глазах расслаблялось, успокаивалось. Лицо уже не в подушке, повернула голову набок и блаженно улыбается, глаза жмурятся от удовольствия, вся разруглянилась.

– Как хорошо, милый... Ещё... Ой...

– Как пожелаете, миссис Грифитс.

Она в ответ тихо счастливо рассмеялась, разметавшись, расслабившись. Вчера в гостинице, утонув в безумии нашей первой ночи, даже не увидел толком мою любимую. А сколько раз просто закрывал глаза или отводил их, Роберта вся горела, и от страсти, и от смущения. Сейчас же... В тишине и уютном полумраке нашей комнаты, когда она обнаженная раскинулась под моими руками, отдавшись им, дове-

рившись, постанывая от удовольствия... Жадно смотрю, не упуская ничего... Под ладонями гладкая теплая кожа, какое наслаждение скользить по ней... Золотисто лоснится от масла в неярком свете лампы... Плечи... Спина... Бока... Худенькая какая, чувствую ребра... Мягкую податливость грудей... Ниже... Округлые изящные бедра... Во рту пересохло, руки ощутимо дрогнули, тело Роберты напряглось, она слегка приподнялась, отвечая. Не задерживаемся, не задерживаемся... Ноги, им сегодня особенно досталось. Слышу протяжный вздох, с трудом подавляю порыв перевернуть ее на спину и... Нет, сегодня Берта будет отдыхать. Она вдруг покосилась на меня, во взгляде лукавое ожидание. Прошептала...

– Клайд...

– А?

– Не посмотрелся вчера?

– Я тебя толком и не разглядел, Берт... Веришь?

– Ты врушка...

– А ты меня видела?

Не ответив, она смущённо спрятала лицо в подушку. Усмехнулся, мы оба отводили глаза. Ничего, все у нас впереди, и все будет... А пока Берте надо засыпать. И через несколько минут мои ладони и ее усталость сделали своё дело – она сладко засопела, укрыл ее одеялом. Гашу свет.

Быстро раздеваюсь и осторожно ложусь рядом, не разбудить бы. Не просыпаясь, Роберта обнимает меня, тёплое расслабленное тело ласково прижимается ко мне. Теперь спать... спать...

Длинный фабричный корпус неторопливо приближается, время около восьми утра, иду в потоке рабочих, изредка молча приподнимая шляпу в ответ на приветствия пока ещё незнакомых мне людей. Так прослышу снобом и вообще неприятным человеком. Задумываюсь о том, что весть о моей внезапной перемене неумолимо распространяется по Ликургу кругами от брошенного в болото увесистого булыжника. Вчера вечером в болото брошен уже не булыжник, бомба. От ее взрыва пойдет волна. Стискиваю зубы, хорошо, пусть. Я готов. А если совсем припрет...

– Клайд, а что, если вдруг...

Семь утра, мы подходим к дому Гилпинов. Случилось удивительное, я проспал. Открыл глаза не в пять тридцать, а в начале седьмого.

– Берт, подъем! Быстро!

С усилием разлепила сонные припухшие глаза, выглянув из-под одеяла, спутанные волосы упали на лицо. Да, видок... Я тем временем быстро одеваюсь, на ходу дожевывая половину нашего последнего сэндвича, вторая половина ждёт Роберту вместе с чашкой чая.

– Подъем, говорю, мы проспали!

С кровати доносится жалобное «ooo...», и чудо мое валится лицом в подушку. Вот не думал даже, что окажется такой соней... Однако надо шевелиться, звучно шлепаю ее пониже спины. Услышат за стеной? Уже неважно.

– Ай, Клайд!

Берта возмущённо пискнула и вскочила, завернувшись в одеяло, нерешительно огляделась. Усмехнулся, протянул полотенце.

– Умойся, одевайся, выпей чай и съешь сэндвич. Больше ничего нет.

Быстро кивнула и исчезла в туалете, вот и молодец, совсем освоилась. Пока она там возится, раскладываю на кровати ее белье, платье, чтобы сразу одевалась. Я уже готов.

– Клайд, сейчас ко мне?

Идём по проснувшейся улице, вместе, в открытую, Берта, поколебавшись, берет меня под руку. Идёт оглядываясь, ещё с робостью.

– Да, все, как и говорили, собирай вещи. И выше нос, миссис Грифитс!

Роберта на ходу кивает, стараясь попасть в ритм моих быстрых шагов.

– А что я скажу Гилпинам, они же спросят?

– Так и скажи, вышла замуж, переезжаю. Кольцо на пальце, копия свидетельства у тебя, можешь даже предъявить.

Берта снова кивает, невольно положив руку на сумочку. Все остальные ее вещи остались у меня, символом того, что решение принято и назад мы не отыграем.

– Клайд, Клайд...

– Что?

– А что, если вдруг...

Мы подходим к дому Гилпинов. Берта смотрит на меня, глаза близко-близко, губы задрожали.

– Что не так?

– Клайд, а если все пойдет плохо? Совсем плохо... Твоя семья...

– Если у нас не выйдет?

– Да.

Ее лицо в моих ладонях, она вздрагивает от этой внезапной ласки на улице, на глазах у всех.

– Если не выйдет, мы уедем, Берт. Ты и я.

Улыбаюсь ей, такой снова маленькой и беззащитной. Она возвращает мне робкую улыбку.

– Примут нас твои родители, если семья меня сегодня выгонит за ворота?

Ее улыбка становится радостной.

– Конечно, примут, милый.

– Ты не думай, если что, ненадолго, пока я не найду себе работу. А я ее быстро найду, не сомневайся.

Берта кивнула, быстрым движением отерев ставшие влажными глаза.

– Я и не сомневаюсь, Клайд.

– Вот и славно. Иди, собирайся, потом отдохай и жди меня. Вот деньги, двадцатка.

– Зачем?

– Заплати Гилпинам, если за что-то ещё должна и купи потом хоть немного еды, у нас нет ничего.

– Конечно, милый, я все сделаю, много не потрачу.

– Да уж, Берт, постарайся, надо поэкономить сейчас. А как эта бумажка называется? – я заговорщически понизил голос и подмигнул, Берта заулыбалась и показала на зеленое лицо.

– "Джексон", милый. Но ты не слишком увлекайся всем этим, мы не в Баттери.

– Где?

– Это ирландский квартал, нехорошее место. Ну, все, пришли...

Мы уже у самых дверей, и нас наверняка видно и слышно из дома. Поцеловал ее в губы и подтолкнул.

– Давай, иди и ничего не бойся.

Уже в спину мне доносится обеспокоенное.

– Клайд!

– Что ещё?

– А как теперь на работе будет, ведь...

– О работе потом. Все, действуй.

Через ворота прошел спокойно, но с четким чувством пе-

ресечения границы. Два дня назад я вышел отсюда одним человеком, сейчас же... Нарушены все основные правила компании, установленные моей семьей. Связь с работницей, теперь еще и официальный брак с ней. Открытый, не тайный, демонстративно не скрываемый. Круги расходятся. Ну что же, Гилберт и дядя Сэмюэл, ваш черед делать ход. Но преимущество – у нас с Бертой, мы свободны и готовы ко всему, терять нам нечего. В случае неудачи – сегодня же уедем в Бильц. А вот семейке есть что терять и отступать им – некуда.

Роберта тихо зашла в свою комнату и обессиленно села на стул, вытянув ноги. Как же она устала за эти дни... Поездка, свадьба, Клайд... На лице девушки появилась улыбка, Клайд... Ее ангел. Ее незнакомец из ночи. Муж. Защитник. Любимый. Смотрит на тонкое обручальное колечко, поднимает руку к свету из окна. Мама, папа... Получили ли вы мое письмо, рады ли... Простили ли меня... Я так вас люблю, так хочу вас увидеть, познакомить с Клайдом. Она тихо вздохнула, оглядывая комнату, надо собираться. Может, еще поспать, Клайд придет только к вечеру, а вещей у нее немного, соберет быстро. Решено, она сначала отдохнет, а потом сообщит Гилпинам о переезде и соберет вещи. И еще успеет в магазин, купить что-нибудь к ужину и хотя бы на завтра. Какие новости принесет Клайд, что с ними будет? Может, им придется уехать в Бильц прямо сегодня или завтра.

Как все тревожно... И эта боль вчера в животе... Дай Бог, это просто от усталости и больше не повторится. Как там маленький, ладонь осторожно ложится на живот. Как ты? Они так еще и не поговорили об этом как следует. Роберта задумчиво покачала головой, все хорошо, она здорова, не надо сейчас слишком беспокоить Клайда. Он вчера испугался, по глазам было видно. А она так смутилась, эти вопросы... Да, он ее муж, ему можно и должно говорить все. Но все-таки... Зато потом... Оо, как это было... Роберта встала и потянулась, как ноги болят... И спина... Вот бы сейчас опять голышом лежать под клайдовыми сильными ладонями... Так хорошо... Роберта почувствовала теплую волну, зародившуюся где-то внутри... Вдохнула, она вчера ждала, что потом... Краска прилила к ее щекам, Роберта снова улыбнулась. Дал вчера заснуть, он такой... Такой... Она медленно разделась и скользнула под одеяло, занавески задернуты, за окном начался новый день. Роберта же сладко спит, и ее последней мыслью было, Клайд, милый, удачи тебе, я жду, люблю. Люблю...

Не торопясь иду по коридорам фабрики по направлению к своему цеху. По взглядам и выражениям лиц встречающих пытаюсь определить, не произошло ли чего-то необычного касательно меня. Пока сигналов не вижу, да и что мне скажут лица простых рабочих, десятников, цеховых бригадиров? Не того полета птицы. Вот и пятый этаж, меня встречает ровный

мощный стрекот швейных машин, не спеша захожу в свое отделение. Так... Девушки на месте, кидаю взгляд в свою конторку, пусто. Хороший знак, я пока не уволен. Где Ольга? А, забыл, она приедет только сегодня и выйдет на работу завтра. Буду ли я еще тут к тому времени? Пока тихо, но время раннее. Долгий будет день, чувствую. Берта, как ты там, я волнуюсь. Надеюсь, она хоть поспит, вещи собрать недолго. Так, начинай-ка работать, милый. Твоя жена не ребенок и все сделает.

Спустя час – нет движения, не появился никто, Лигет исчез куда-то, прошелся мимо его кабинета, заперт. Сходить к Дайксу? Он обещал к сегодняшнему утру все сделать. Нет, пока подожду.

– Мистер Грифитс, вот...

Первый раз за сегодня появилась Марта, протягивает три кольца, машинально беру. И вижу ее глаза, впившиеся в мою руку. Черт... Заметила. Невозмутимо кладу кольца на стол.

– Благодарю, Марта.

И киваю на дверь конторки, свободна. Она набирает воздух, собираясь что-то сказать... Спросить... Я пристально слежу за ней, приподняв бровь и склонив голову набок. Она резко развернулась и вышла. По дороге на свое место остановилась возле пустующего стола Роберты. Медленно повернулась и посмотрела на меня. Снова на стол. Усмехнулся и открыл журнал, отвернувшись к окну. Круги расходятся

все шире, побежит к Лигету. А тот передаст Гилберту, который и так все знает. Очень интересно. Встаю и выхожу в цех, неспешно прохаживаюсь между рядами столов, взгляд скользит по лицам. Марта... Она украдкой следит за мной, стреляя глазами, когда ей кажется, что я не вижу. Отсутствие Ольги она тоже явно отметила. Плюс мое кольцо. Берта, прости, но сюда ты не вернешься. По всем соображениям. Да и сколько тебе тут оставалось... Еще месяц, и живот станет заметен. Так что не страшно, хоть и минус двенадцать долларов, за новое жилье предстоит платить примерно столько же. Справимся, Берта очень экономная и хозяйственная, она нас пока прокормит и на десятку в неделю. Уверен, еще и откладывать ухитрится.

9.45.

Все ещё ничего, никаких новостей сверху, никто ко мне не пришел, никуда меня не вызывают. Братец затаился, ждёт, что начну нервничать, сам приду? Ну-ну... А мы будем невозмутимо работать, выполнять текущие обязанности наилучшим образом. Девушки сегодня какие-то тихие, никто не перешучивается, песен не затягивает. Время от времени заходят и сдают кольца, выработка хорошая. Марта заходила ещё два раза, но уже ничего сказать не пыталась. Руза, сдавая, уставилась на мою руку совсем уж невежливо, ещё от двери. Марта сообщила? И никто сегодня меня соблазнять и

покорять не пытается почему-то. Уже знают, что мистер Гриффитс женат? Так, это что? Марта встаёт и быстро идёт к выходу. Таак... Время доклада? Подождем, с каким лицом она вернётся, ибо реакция Лигета суть мнение Гилберта. Девушки тем временем располагаются для завтрака, Руза поглядывает на вход в цех. Забавно, я как из ложи провинциального театра смотрю дешёвую пьесу с неумелыми актерами. Смотрю на часы, уже почти десять минут прошло. Доклад пользуется успехом? Вот она... Ого... Глаза красные, на лице густой слой пудры. Перевожу дыхание, видимо, выгнал. Разревелась в дамской комнате, пудрой прикрыла ущерб. Деревянной походкой вошла и прямо на своё место, ни на кого не глядя. И, главное – избегает смотреть в мою сторону, Лигет явно не проникся. Но что это... Входит мисс Тодд, направляется ко мне.

– Доброе утро, мистер Гриффитс.

– И вам доброго утра, мисс Тодд, как поживаете?

Она зашла в конторку и по-хозяйски разместилась на моем стуле, положив руки на стол. Сердце дало перебой, все-таки уволили, меня сменяют?

– Спасибо, все хорошо. Мистер Лигет просил меня побывать тут, а вас пройти в цех.

– Прямо сейчас?

Мисс Тодд неопределенно пожала плечами, блеснув стеклами очков.

– Не скажу точно, мистер Гриффитс, но, полагаю, вам стоит

выйти, потому что они шли прямо за мной.

– Они?

Мисс Тодд ответить не успела, потому что в следующую секунду я все увидел сам и быстро вышел в цех. Сначала появились подсобные рабочие, узнал их по синей форме, они несли какие-то предметы, завёрнутые в холст или парусину. Много предметов. Да это же... Следом зашли Лигет и Дайкс.

– Здравствуйте, мистер Грифитс, доброе утро!

– Доброе утро, Лигет, здравствуйте, Дайкс.

Сознательно опускаю «мистера», проверяю реакцию. Никакой, принял и не поморщился. Надеюсь, это хороший знак.

– Ну что, Клайд, вот, принимайте работу, Дайкс все выполнил, как и обещал.

Лигет доброжелательно улыбается, узкое лицо Дайкса бесстрастно. Тем временем рабочие сгрузили свою ношу возле дальней стены и остались стоять, ожидая, видимо, дальнейших указаний начальства. Моих?

– Ну же, Клайд, – Лигет поощрительно улыбнулся, – это ваша идея, распоряжайтесь. Мисс Тодд сегодня вас заменит.

Беру себя в руки, слишком неожиданно они свалились, я ждал сначала разговора или чего-то подобного. Гилберт, стало быть, появиться не изволил. Добро.

– Дайкс, поможете собрать?

Он кивнул.

– Разумеется, мистер Грифитс. Укажите, какие места будем заменять.

Йордис. И Ольга... Черт. Ольги нет. Как я мог опять забыть... Так, кто будет вместо нее?

— Клайд, вы собирались вместе с норвежкой пробовать вот эту работницу, не так ли?

Лигет положил руку на пустой стол Ольги и внимательно на меня посмотрел.

— Да, но ее сегодня нет, как видите, так что...

Лигет подошёл к столу Роберты и положил руку на спинку ее стула.

— И этой работницы сегодня нет на месте, вы не в курсе, что случилось, мистер Грифитс?

Невозмутимо пожимаю плечами, перехватываю злорадный взгляд Марты. Мне непонятно, если Лигет ее выгнал, то почему сейчас копает? И почему так рада Марта? Ладно, в сторону пока все.

— Я не в курсе, мистер Лигет, а вместо Ольги Мещерской мы попробуем Марту Бордалу.

И в свою очередь смотрю на их лица, притом, что ее имя я назвал без особой цели, а просто из вредности. Пусть подергается. Лигет улыбнулся и кивнул.

— Как вам будет угодно, Клайд. Дайкс, начинайте.

И закипела работа, Дайкс оказался не только талантливым мастером на все руки, но и отличным организатором. Не прошло и часа, как я воочию увидел два новых рабочих места. Их установили вместо столов Марты и Йордис, обе воз-

зрились на результат творчества Дайкса с изумлением, про-
няло даже валькирию. Я тоже в стороне не остался. Подошёл
ближе, вдохнул запах свежего дерева и краски, Дайкс отра-
ботал с душой. Передо мной стол с регулируемой высотой
крышки, справа гнездо для лампы. Стул... Нет, это уже не
стул, а сиденье, угол спинки регулируется рукояткой спра-
ва, подставка для ног. Обивка спинки и сиденья. Выглядит
удобно. Дайкс, сохраняя бесстрастное выражение лица, де-
лает приглашающий жест.

– Попробуйте, мистер Грифитс.

Девушки без спроса прекратили работу, рассматривая но-
винку, раздался окрик мисс Тодд, восстановивший порядок.
Я осторожно сел и положил руки на стол.

– Сейчас подрегулируем под ваш рост, – Дайкс склонился
над столом, и начал вращать небольшую рукоятку слева под
доской. Она плавно пошла вверх.

– Не убирайте руки, мистер Грифитс. Так, теперьотрегу-
лировать сиденье. Минутку...

Оказалось, он сделал не две степени свободы, а просто два
колеса с частыми зубьями, теперь регулировка стала тонкой.
Спинка пошла сначала назад, потом плотно упёрлась мне в
спину и я выпрямился. Сиденье надёжно держало вполне эр-
гономичное положение спины и ног, плюс стол под мой рост.
Даже я почувствовал разницу, получилось. Получилось!

– Ну как ощущения, Клайд?

Лигет заинтересованно приблизился, наклонился, чтобы

лучше рассмотреть.

– Отличные ощущения, Лигет, хотите попробовать? Давайте, давайте, вы же должны быть в курсе всего, происходящего здесь.

В последние слова я вложил чуть больше смысла, он искоса глянул на меня.

– Да, позвольте и мне оценить разницу.

– Я сам вам все отрегулирую, Дайкс, позвольте?

Тот развел руками, дескать, я своё дело сделал, это ваши игрушки. Он поработал на славу, все части ходили плавно, без скрипа, держались надёжно, ничего не хлябало. Лигет поднялся и кивнул.

– Клайд, сажайте работниц на новые места и начнем учет их производительности. Надеюсь, ваша теория верна.

– Вот и посмотрим. Дайкс, а что со светом, лампы не поставили?

Дайкс поднял голову от стола, он начал показывать Марте и Йордис, как обращаться с рукоятками.

– Лампы поставлю завтра, но проводку пока делать не будем, нет смысла подключать только две, мистер Гриффитс. Если перестроим все отделение, сделаем нормальную разводку на все столы с центральным подключением.

Логично, ничего не скажешь. Но освещение сейчас не главное.

– Спасибо, Дайкс, отличная работа, надеюсь, будет хороший результат.

Интересно, что может его пронять? Его лицо так и осталось бесстрастным, глаза остались так же спокойны.

– Я тоже надеюсь на хороший результат, Клайд.

Все обернулись. В дверях отделения стоял Гилберт.

Глава 24

Сэмюэл Гриффитс поднялся с кресла и пройдясь по гостиной, нажал кнопку звонка. Бесшумно явившаяся горничная сервировала кофе на низком столике возле камина и удалилась, по знаку хозяина плотно прикрыв дверь. Гилберт, стоявший около окна, обернулся к отцу.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

Старший Гриффитс махнул рукой, наливая себе горячий кофе из серебряного кофейника, сдул в сторону пар.

– Уже куда лучше, Гил, стоило мне покинуть этот бедлам на Озерах.

Гилберт дернул уголком рта, услышав это. Тоже налил себе, сел в кресло напротив.

– Я тебе говорил, отец, Озера – не место для уважаемой ликургской семьи.

Сэмюэл прищурился, посмотрев на прямую жесткую фигуру сына сквозь пар, медленно поднимающийся от чашки тонкого фарфора.

– Гилберт...

– Отец, мы не раз говорили об этом, я против переезда на Двенадцатое, и если вы с матерью поддадитесь на уговоры Беллы, это ваше дело.

Грифитс только покачал головой, услышав эти слова, сказанные спокойно, но твёрдо. Он отлично знал этот тон, спорить или уговаривать — бесполезно. Сын совершенно не похож на веселую и жизнерадостную Беллу. Возможно, не стоило так рано привлекать его к делам на фабрике. Но после того, как сердце подвело в первый раз, стал необходим помощник, которому можно доверять, тот, кто удержит и разовьёт дело. Гилберт талантлив, силен и упорен. И как же он одинок при этом. Ни друзей, ни... Сэмюэл незаметно вздохнул, отводя глаза от лица сына. Парень дружит с Констанцией Вайнант, и это вызывает постоянные насмешки Беллы. При том, что этой попрыгушке стоило бы поучиться у Констанции достоинству и выдержке. Того и гляди, потеряет голову и соображение на очередном их «сейчас и после»... Он передернул плечами, отгоняя тревожные мысли. Гилберт не таков, как все эти беззаботные молокососы Крэнстонов и Гарриэтов, веселящиеся и делающие глупости под прикрытием родительских миллионов. Глупости... По лицу проходит тень: недавно, после очередного спора о переезде, Гилберт закрыл двери в кабинет и показал кое-что, рассказал... Сын ненавидит их.

— Как дела на фабрике, Гил? И что там с начинаниями твоего непредсказуемого двоюродного брата? Решил потягаться с Морганами...

Сэмюэл рассмеялся, вспомнив тот разговор, подмигнул

сыну. Тот тона не принял, взял бисквит и обмакнул его в кофе. Положил ногу на ногу, откинулся в кресле и посмотрел на отца.

– Я тоже надеюсь на хороший результат, Клайд.

Все обернулись. В дверях цеха стоял Гилберт, прямой и неподвижный. Как он там появился, никто не заметил. Хорош, в который раз сказал себе, меряя его взглядом. Он медленно прошелся по отделению, кивнув Лигету и Дайксу. Мимо меня прошел, не поздоровавшись. Мне показалось или в его глазах что-то мелькнуло, когда посмотрел на нашего мастера? Гилберт прошел в мою комнатку и остановился возле окна, посмотрел на панораму реки. Обернулся и жестом пригласил меня войти. Я кивнул и невозмутимо обратился к Лигету.

– Вы не будете так любезны подождать несколько минут? Тот с готовностью закивал, теребя свой вечный блокнот.

– Конечно, мистер Грифитс, я понимаю.

Не спеша вхожу и присаживаюсь на край стола.

– Мисс Тодд, благодарю вас, возвращайтесь к себе, мы тут уже сами присмотрим за порядком, – ровным бесстрастным голосом произнес Гилберт.

Она с явным облегчением покинула кабинет, на прощание смерив меня тоже каким-то странным взглядом. Незаметно перевел дыхание, вот и круги. Идут круги, захватывая все новых и новых людей. Волна. Прерывать молчание я не то-

роплюсь, ты пришел, братец, ты и прокладывай курс. И он понял, что первым я не заговорю. Усмехнулся, подойдя ко мне, отодвинул стул и сел, вытянув ноги.

– Новые рабочие места выглядят дельно, Клайд.

Молча киваю, не выказывая радости. Гилберт чуть приподнял брови, он ждал благодарности? Обойдешься, братец.

– Мы оба понимаем, что львиная доля заслуги тут принадлежит Дайксу, но, конечно, идея – твоя, Клайд.

– Благодарю за признание, Гил.

Он улыбнулся, откинувшись на спинку стула.

– Я уже думал, что так и будешь молчать. Итак...

Гилберт поднялся и подошел к окну, подозвал меня к себе.

– Что думаешь делать дальше, Клайд?

И он посмотрел мне прямо в глаза, вопрос касался явно не только перестройки отделения. Скрытый смысл вопроса я предпочел не заметить, если Гилберт ждет от меня каких-либо излияний, вопросов, просьб – не дождется.

– Если дашь отмашку Лигету, сегодня же начнем работать на новом оборудовании и вести учет.

– Где разместить работниц, на прежних местах?

– Нет, надо их поместить позади всех, иначе девушки будут отвлекаться и отвлекать их. Придется переместить все столы чуть вперед, чтобы освободить место.

Гилберт кивнул, небрежно отмахнувшись от последнего замечания. Задумался.

– Если индивидуальная выработка значительно повысится, а я начинаю в это верить, Клайд, то придется значительно повысить оплату труда. Тут сдельная система. Что это значит для компании, об интересах которой ты так заботишься?

Его взгляд стал откровенно насмешливым. Я усмехнулся в ответ.

– Это повысит стоимость продукции, иначе компания начнет работать себе в убыток.

– И как преодолеть это противоречие?

Я усмехнулся вторично и развел руками.

– Это уже задача не моего уровня, Гил. Дай задание бухгалтерии, они рассчитают, насколько надо снизить оплату труда, чтобы уравновесить повышение выработки и не сделать его убыточным для фабрики. А в перспективе вы сможете как раз снизить стоимость продукции за счет ее возросшего количества. Пусть поиграют с цифрами.

В продолжении этой речи глаза Гилберта становились все более удивленными. Я явно сейчас озвучил его собственные мысли, и, возможно, уже отданные распоряжения. Однако более эмоциональной реакции он себе не позволил. Кивнул.

– Начинаем, Клайд. Я согласен. Сколько дней тебе нужно для проверки эффективности новых рабочих мест?

Я задумался, глядя на Йордис и Марту, увлеченно подгоняющих столы и сиденья под себя.

– Неделя.

Гилберт кивнул.

– Согласен. Так удобнее рассчитать и выработку, и ее оплату.

Он направился к выходу. Сделав несколько шагов, внезапно обернулся, его глаза сузились, эта манера прицеливаться мне уже очень интересна, стрелок? По-моему, за спиной у него кобура скрытого ношения. Гил, зачем тебе пистолет?

– Ты не хочешь ничего попросить, скажем, прибавки к жалованью? Отличился ведь. И, между прочим, отец все еще ждет тебя к обеду.

Что-то тут заряжено, по глазам вижу. Раздумал выходить и повернулся ко мне. Ждет. И медленно отвечаю, взвешивая каждое слово, мы здесь не одни. И именно сейчас брат швырнул мне мяч, это проверка. Испытание нового Клайда, что он скажет, как поступит. Хорошо. Лови, Гил.

– Прибавка к жалованью будет кстати.

Гилберт медленно подошел ближе. Ему нравится эта внезапная пикировка.

– И сколько ты просишь?

– Двенадцать в неделю.

Несколько мгновений смотрим друг другу в глаза. Он ответил, понизив голос.

– Правильная просьба, Клайд. И верное решение.

– Благодарю, Гил.

Он улыбнулся уголком рта.

– Правила не для тебя, да?

Возвращаю ему улыбку, легко тронув плечо.

– Давай в другой раз об этом?

Он молча повернулся и пошел к выходу, там обернулся снова.

– Завтра будь у нас к ужину, Клайд. И на этот раз отец извинений не примет. Я – тоже.

– Те извинения он принял?

– Да, но с большим удивлением. Раньше ты не пренебрегал приглашениями.

Он подчеркнул слово «раньше».

– Хорошо, я понял и буду.

– Белла очень хочет тебя увидеть.

Я стиснул зубы, Гил это заметил и жесткая улыбка промелькнула на его губах. Он коротко кивнул и быстро вышел из цеха.

– Просит прибавку двенадцать в неделю?

Сэмюэл Грифитс удивленно посмотрел на сына, поставил чашку на столик. Гилберт невозмутимо пожал плечами, сцепив руки на колене.

– Странная какая-то просьба... Ты согласился?

Его сын вторично пожал плечами, небрежно махнув рукой.

– Почему нет? Как ни крути, он отличился, подал дельную идею. Так что...

Старший Грифитс прищурился, взял со столика часы, поигрывая цепочкой.

– Мне кажется или ты изменил отношение к нему? Ты же всегда презирал его, Гил.

– Да, отец. Презирал.

– Что же произошло? Это из-за его загадочной перемены? До меня дошли слухи, Гилберт. От Беллы.

– Я знаю. И про слухи, и про их причину.

– И что скажешь?

– Могу я попросить тебя кое о чем, отец?

Гилберт поднялся и подошел к Сэмюэлу, наклонился к нему и положил руку на плечо.

– Я пригласил Клайда к нам завтра на ужин.

– Хорошо, правда, стоило сначала предупредить меня, сын.

– Прости, это вышло внезапно.

– Что за срочность? Почему не на выходные?

Гилберт выпрямился, помолчал.

– Думаю, на выходные он снова будет занят.

– Да что за загадки? Ты что-то знаешь? Так говори.

– Завтра, отец.

Прозвучал знакомый тон, Сэмюэл понял, что более сын ничего не скажет.

– И еще...

– Что, Гилберт?

– Пусть будем только мы. Ты, я и Клайд. Возможно, присоединится Констанция. И Белла.

Грифитс покачал головой.

– Интересный список.

– Постараемся ограничиться им.

Гилберт слегка поклонился, прощаясь, и направился к двери. И уже там его настиг вопрос.

– Если здесь завтра появится Сондра?

Гилберт остановился. Медленно обернулся.

– Не появится.

Дверь тихо закрылась.

Со стороны озера донесся рокот двигателя, лежащая на кровати девушка со стоном зажала уши ладонями и отвернулась к стене.

– Я убью его или ночью подожгу эту проклятую лодку! – простонала она.

На ее плечо легла рука второй девушки, которая осторожно подошла к ней и села на краешек кровати.

– Он-то тут при чем, пусть себе катается, успокойся...

Первая девушка резко повернулась и села в кровати, вцепившись в плечи подруги и приблизив лицо к самым ее глазам.

– Они, все, все, смеются надо мной, Белла! Это невыносимо...

Сондра без сил упала на подушку, из глаз ее потекли слезы, она уткнулась лицом вниз, плечи затряслись. Белла тихо сидела рядом и не знала, что сказать, что сделать. Беззаботная веселая жизнь внезапно рухнула, пришли доселе неве-

домые беспомощность и растерянность. Неосознанно протянула руку и неловко погладила подругу по голове.

— Я не смеюсь над тобой, Сан... — тихо шепнула Белла, назвав Сондру ее старым полузабытым школьным прозвищем.

— Почему, почему, почему... — послышался в ответ лихорадочный шепот, — почему он так поступил со мной... Это нечестно... Несправедливо... Несправедливо... Он не может так со мной...

Сондра дрожащей рукой достала из-под подушки смятое, множество раз перечитанное письмо, покрытое пятнами от упавших на него слез. Белла мягко отобрала письмо и положила его на столик. Она тоже уже знала его наизусть. И тоже ничего не понимала в произошедшем.

— Еще четыре месяца, и мы смогли бы пожениться... Я так этого ждала... И он ждал, это правда, Белла...

Сондра произнесла это нараспев, обняв себя за плечи и покачиваясь, сидя в кровати. Волосы спутаны, и, несмотря на позднее утро, на ней только ночная рубашка. Занавески плотно задернуты, в комнате дачи на Двенадцатом озере полумрак. Белла заметила валявшуюся рядом с кроватью небольшую плоскую фляжку. Подняла, понюхала... Встряхнула — пуста. Покачала головой, так недалеко и до беды, надо что-то делать. С ее родителями не поговоришь, Клайд никогда не считался официальным женихом, миссис Финчли только перекрестится на радостях оттого, что он решил уйти, а это странное письмо велит заключить в рамку. Белла

медленно взяла небольшой листок, расправила его и уже в который раз прочитала несколько лаконичных строчек.

«Сондра, все, происходившее между нами – ошибка. Ты не ведала, вся вина – на мне. Ты еще будешь счастлива. Клайд.»

Совершенно непонятные слова, о какой ошибке речь? Чего не знала Сондра? В чем виноват Клайд? Чем-то очень грозным и мрачным вдруг повеяло от этих слов.

Надо что-то делать. Белла посмотрела на Сондру, она от-вернулась к стене, закутавшись в одеяло. Письмо от Клайда пришло вчера и с того момента Сондра не выходит отсюда и никого не хочет видеть, кроме нее. Причина понятна – они подруги и Клайд ее двоюродный брат. Белла вздохнула, вер-тя письмо в руках. Что вдруг на него нашло? Может, поссо-рились, и Сан скрывает что-то... Или...

Раздалась тихая барабанная дробь в дверь кончиками пальцев. Оглянувшись на неподвижную Сондру, Белла мет-нулась к двери.

– Ну как она?

Бертина Крэнстон заглянула через плечо Беллы, попыта-лась войти, но та встала на пороге и вытолкнула ее обратно в коридор.

– Не приставай к ней, дай хоть немного прийти в себя.

Бертина взяла Беллу за руку и увлекла к окну дальше по коридору.

– Слушай, я сейчас говорила с Джил, она кое-что видела...

– Насчет Клайда?

– Да, да. Понимаешь, она сидела в автомобиле и кого-то ждала, ну, не важно...

– Бертина, не тяни...

– Да ты слушай! Джил видела, как он покупал конфеты, большую подарочную коробку.

– И что?

Бертина в сердцах топнула ногой, раздраженная непониманием.

– Такие коробки покупают для девушки, Белл!

Белла задумалась, закусив губу.

– Может, для Сондры?

Бертина скривилась, пренебрежительно махнув рукой.

– Конфеты для нашей Сан он бы покупал у Тэлбота.

– А эти?

– Какая-то дешевая кондитерская или вроде того, Джил не запомнила название, но может показать.

Белла наморщила лоб, пытаясь сообразить.

– А когда она это все видела?

Бертина прервала ее резким движением руки.

– Это еще не все! На каком-то «сейчас и после» она ему

сказала, просто так, что видела, как он покупал конфеты...

– И что?

Белла почувствовала, что этот рассказ на что-то проливает свет.

– А то, что ты же знаешь Джил, она обожает ставить людей в неловкое положение, как будто им не хватает созерцания ее лица...

– Бертина!

Белла дернула ее за рукав.

– Не отвлекайся! Что она сказала Клайду?

– Спросила, для кого он покупал конфеты, и сказала, что наверняка для девушки...

– И что Клайд?

Бертина сделала театральную паузу, Белла поморщилась.

– Смутился он, вот что! – торжествующе закончила она.

И тут Беллу осенило понимание.

– Когда это было, Джил не вспомнила?

– Так, вроде, давно уже, на одной из первых вечеринок...

– Господи...

– Что, что ты думаешь, Белла?

– Не сейчас. Потом скажу, извини, мне пора, Сондра там одна.

Бертина уже собралась что-то сказать, как из комнаты раздался звон разбитого стекла. Белла бросилась туда, вспомнив о плоской фляжке, лежащей на столике, куда она ее положила, подняв с пола.

– Сан, что ты делаешь?!

Белла и Бертина ворвались в комнату, когда Сондра уже примеривалась к предплечью большим куском стекла. Окно она высадила той самой фляжкой из-под виски.

– Стой!

Белла застыла в ужасе, что делать, хватать Сондру за руки, вырывать стекло, звать на помощь? При взгляде на лицо подруги Белла поняла, что не сможет сделать ни шагу, настолько оно страшно этой мертвенной бледностью... этими неподвижными белыми глазами...

Бертина, к счастью, оказалась не такой внимательной к цвету лица и выражению глаз, будучи девицей прагматичной и деловой.

– Белл, за мной!

Бертина прыгнула, придавив руку Сондры к полу, стекло с треском разлетелось, раздался глухой вскрик, полилась кровь. Белла суматошно вцепилась в рубашку Сондры и попыталась оттащить девушку от осколков, получила окровавленным кулаком в живот. Перехватило дыхание, затуманенным взглядом успела увидеть Бертину, отчаянным усилием повалившую обезумевшую Сондру на кровать.

– Не стой, дай кусок ткани, тряпку, что угодно, зажать кровь!

Бертина лихорадочно оглянулась, не отпуская Сондру.

– Наволочку снимай с подушки, да очнись ты!

В следующую минуту разрезанная ладонь Сондры была крепко перевязана, Бертина перевела дух и раздалась тирада, изрядно шокировавшая утонченный слух любимицы Гриффитса-старшего. Бертина опомнилась и шумно вздохнула.

– Белл, Грэнта с аптечкой, только тихо. Не хватало нам еще и переполоха с этой пьяной истеричкой.

– Звон стекла могли услышать, Бертина.

Белла начала понемногу приходить в себя, мысли упорядочились.

– Не думаю, комната дальняя, если что, скажем, случайно попали теннисным мячом. Иди, приведи Грэнта. Только тихо.

– Может, Стюарта позвать тоже?

Бертина мотнула головой.

– Иди, я тут побуду и приберу пока. И посторожу эту сумасшедшую.

– Бертина!

– Все, иди. Живот прикрой, кровь на платье... Нет, лучше переоденься, заметят.

Сондра неподвижно лежала на кровати, прижимая к груди грубо перевязанную наволочкой ладонь, безучастно смотрела в потолок. Бертина несколько мгновений смотрела на нее, никакого сочувствия не появилось в ее холодных карих глазах.

– Что она в нем нашла... Никогда не понимала.

Бертина остановилась и медленно подняла с пола упавшее в схватке письмо. Несколько раз прочитала. И уже молча начала наводить в комнате порядок.

16.45

Работа закипела, с помощью подсобных рабочих Дайк-са сделали перестановку столов и освободили место позади всех. И прямо перед моими глазами. Йордис и Марта заняли свои места, как пилоты истребителей... И началось. Уже через час стало ясно, что я еще был скромен в своих прогнозах, Йордис за полную смену выйдет не менее, чем на шестьдесят. За Марту поначалу опасался, что выкинет фортель и начнет саботаж, желая хоть так мне навредить. Но победила алчность, она быстро подсчитала, сколько теперь будет зарабатывать, и явно решила меня простить. Остальные девушки тоже подтянулись, настроение у нас в отделении отчетливо приподнятое. С этой стороны, похоже, все хорошо. Несколько раз забегал Лигет, наблюдал за работой наших испытательниц, остался очень доволен, что-то строчил в своем неизменном блокноте. Девушки начали осаждать меня просьбами дать им тоже поработать смену на новых местах, все настроились на солидные заработки. Опять начались глазки и кокетство, при том, что все уже увидели и оценили мое кольцо. Улыбнулся, вспомнил, как Берта грозилась

повыдергать Марте волосы. Ревнивая она у меня, хорошо, не видит сейчас девчонок и как они стараются меня уговорить.

– Ну, мистер Грифитс, вы же знаете, как я хорошо работаю, я вас не подведу!

И мне посылается самая лучезарная улыбка. Принимается самая, на грани, соблазнительная поза. Руза пошла в атаку, расстегнув сразу три пуговицы, ого... Невольно скосил глаза и... Даа... Хорошо, что Роберты моей тут нет, произошло бы убийство.

Роберта... Девочка моя, я соскучился. Очень. По тебе, по твоим наивным и доверчивым глазам. Твой нежный голос, хрупкая фигурка, тебя хочется обнять и от всех спрятать. Смотрю вокруг и думаю иногда, зачем я все это затеял? Взять тебя и уехать далеко-далеко. И просто жить. С тобой. Для тебя. Вдыхаю, как ты там, что делаешь, собралась ли, ждешь ли меня уже... Я уже скоро, любимая. Все чаще и чаще смотрю на часы, наконец-то... Раздается сигнал и я в числе первых покидаю фабрику, настройки добавляют результаты Йордис с Мартой. Пятьдесят четыре и сорок шесть соответственно, при том, что начали обе около одиннадцати утра. Не менее важный момент – обе сказали, что почти не чувствуют усталости, остановок в работе я также не отметил. Лигет расцвел, услышав это, и умчался к Гилберту, я только

усмехнулся вслед. Результаты более чем хорошие, а с цифрами бухгалтерия успешно справится.

Быстро иду в сторону нашего с Бертой района, надо успеть поговорить с миссис Портман насчёт квартиры в соседнем крыле. Не хочется покидать хороший дом, и хозяйка вполне доброжелательная, и Роберте у меня нравится. Улыбаюсь, скорее бы увидеть ее. Вот и моя улица, запыхался даже. Кондитерская... Зайти, взять пирожных? Берём. Сегодня пьем чай и болтаем. Но надеюсь, девочка успела купить нормальной еды, на одних сладостях далеко не уедешь. Перед глазами возникла сковорода шкворчащей яичницы с кусочками мяса, непроизвольно сглотнул. Калитка, тропинка... Быстро ставлю коробку на стол и спустя минуту вежливо стучусь к миссис Портман.

– Добрый вечер, Клайд, как поживаете, все в порядке?

Моя пожилая хозяйка с улыбкой приглашает меня войти.

– Благодарю, миссис Портман, все просто замечательно, – с самой своей очаровательной улыбкой приподнимаю шляпу и кладу ее на столик.

– Хотите чаю, Клайд?

– Благодарю, и в следующий раз не премину. А сейчас я ненадолго и по некоему небольшому делу, если позволите.

– Конечно, слушаю вас, чем могу помочь?

Миссис Портман удобнее устроилась в кресле и пригото-

вилась слушать, выражение ее лица ободряет. Я откашливаюсь, показывая важность того, что сейчас произнесу. Она чуть приподняла брови, оценив прелюдию.

– Миссис Портман, на прошедших выходных я женился. Она всплеснула руками, широко улыбнувшись.

– Боже мой, мои искренние поздравления! Ну почему вы не сообщили мне заранее, я бы что-нибудь придумала. Вы ведь еще не пробовали мой яблочный пирог? Начинку я готовлю по своему особому секретному рецепту...

– Не волнуйтесь вы так, все в порядке, вы замечательная хозяйка.

Миссис Портман шутливо грозит мне пальцем, рассмеявшись.

– Так вы на выходные ездили венчаться? А сказали, на озера, обманщик... Молодежь, молодежь...

Она вдруг задумалась.

– Что-то ничего не было о вашей свадьбе в светской хронике, странно...

Я усмехнулся, ишь, старая перечница.

– Мы с моей невестой поехали в Олбани к друзьям и венчались в соборе Сент-Николс, в тесном кругу. Так мы решили, миссис Портман.

Она понимающе прикрыла глаза и медленно кивнула несколько раз.

– А где ваша супруга, Клайд? Можно спросить, кто она, раз вы со мной поделились этой новостью?

– Это самая замечательная девушка на свете, миссис Портман.

Она улыбнулась, вокруг глаз разбежались лучики морщинок.

– Молодость, молодость... Вспоминаю себя и моего супруга, мы такие же восторженные были, эх...

Хозяйка вытащила платок и промокнула глаза.

– Как ее зовут?

– Роберта Олден, ныне Грифитс, она не из Ликурга и историю нашего знакомства мы вам как-нибудь с удовольствием расскажем. А сейчас...

– Чем я вам могу помочь?

Хозяйка внимательно посмотрела на меня, не спеша складывая платок.

– Вы все ещё заинтересованы сдать две комнаты в соседнем крыле дома? Если да, то мы с радостью поселимся там.

– Вот оно что... – задумчиво протянула миссис Портман.

– Согласны?

Она задумалась, поднялась и медленно прошла по комнате, обернулась ко мне.

– И все же, почему вы пришли один, Клайд? Могу я спросить, где ваша жена сейчас?

– Она ждёт меня, собрав вещи, в своей квартире, тут недалеко, на Элм-стрит. В случае вашего согласия я немедленно иду за ней.

– А в случае отказа?

– Я завтра переезжаю от вас на другую квартиру.

С вежливой улыбкой развожу руками и спрашиваю в лоб.

– Вы в чем-то сомневаетесь, миссис Портман?

Она покачала головой.

– Клайд, позвольте сказать прямо. И спросить прямо.

Молча киваю.

– Ночью вы принимаете у себя некую гостью, я слышала женский голос.

Повторяю кивок.

– Я не считала для себя возможным как-то вмешиваться, в конце концов, вы взрослый свободный человек, а я не замшелая ничего не понимающая старуха, я помню, как это, быть молодой...

Молча кланяюсь и жду продолжения.

– Ваша гостя и ваша жена – одна и та же девушка?

Я с улыбкой киваю и показываю свидетельство, украшенное внушительными подписями и печатями собора Сент-Николс и мэрии Олбани. Хозяйка осторожно взяла бумагу и внимательно изучила, надев очки. Подняла на меня глаза и вздохнула с отчётливым облегчением. Перевела взгляд на мою левую руку и заметила обручальное кольцо, ее улыбка стала совсем доброжелательной.

– Идёмте посмотреть комнаты, надеюсь, вашей супруге понравится.

На улице уже стемнело, подхожу к дому Гилпинов, непривычно идти, не скрываясь. Новое, необычное ощущение. Навстречу люди, окна освещены, откуда-то доносится негромкая музыка, радио или граммофон. Настроение отличное, комнаты понравились, сейчас заберу Роберту, и – домой. Как же хорошо звучит это простое короткое слово – домой... Останавливаюсь. Смотрю на темное окно комнаты Роберты и улыбка сходит с моего лица. Темное тихое окно выглядит зловеще. Закрыто. Где она? Ушла куда-то? Куда она пойдет в такой час, тем более, договорились, что будет ждать дома. А если плохо стало, у нее живот болел, мало ли... Я даже не знаю, где тут больница. Подумав это, решительно подошёл к парадной двери и постучал, в конце концов, я пришел за своей законной женой. Окошко прихожей осветилось и дверь неспешно приоткрылась.

– Сэр?

Передо мной низенький пожилой человек в домашних брюках и стеганом халате. Вежливо приподнимаю шляпу и с улыбкой представляюсь.

– Прошу прощения за позднее время, мое имя Грифитс, Клайд Грифитс.

– Добрый вечер, мистер Грифитс, чем могу служить?

Хозяин дома ничем не показал, что узнал мое лицо или

фамилию.

– Видите ли, у вас проживает мисс Роберта Олден, в замужестве Грифитс, она моя жена, не сообщите ли вы, что я жду ее тут? Прошу прощения за беспокойство.

Удивление хозяина дома было достойно кисти любого из великих художников.

– Ээ... Прошу прощения, но... Мисс Олден ваша жена?

– Несомненно, уже вторые сутки, мы обвенчались позавчера в Олбани, вернулись в Ликург и сегодня она должна была, пока я был на работе, закончить с вами все дела и ждать меня, мы переезжаем на нашу новую квартиру.

Что-то не так... Старый Гилпин явно не в курсе и Роберта ничего им не сказала. Начинаю нервничать.

– Но я вас вижу в первый раз, мистер, ээ...

– Грифитс, Клайд Грифитс.

Гилпин решительно выпрямляется и явно намерен выставить меня за дверь, его рука легла на дверную ручку. Быстро достаю свидетельство о браке и показываю ему.

– Мистер Гилпин, просто прошу вас сообщить моей жене, что я тут. Она дома? Не собираетесь же вы запретить законному мужу увидеть его законную жену? Это нарушение закона штата Нью-Йорк, – троекратный «закон» свел скулы, но и это не заставило престарелого цербера дрогнуть.

Ситуация становится абсурдной, но не вламываться же мне в дом силой. Я уже вижу, что все спокойно, с Бертой все в порядке, судя по невозмутимой физиономии хозяина. По-

чему же у нее темно, почему Роберта ничего не сказала ему? Не передумала же, в самом деле... Бред какой...

– Прошу вас просто позвать ее или сообщить через дверь, что ее муж Клайд здесь. И все. Я стою тут и не пытаюсь войти. Хорошо? – и если ты, старый хрен, сейчас же ее не позвешь, пеняй на себя. Мне уже не до шуток.

Помедлив, Гилпин кивает, закрывает перед моим носом дверь и уходит. Не успеваю настроиться на ожидание, как дверь распахивается и я вижу мое чудо в перьях, завернутое в одеяло, за ее спиной маячат до предела скандализированные Гилпин с женой. Одного взгляда на очень виноватое лицо Берты мне достаточно, чтобы все понять.

– Проспала?

– Ага... Ну, Клайд...

С трудом сдерживаюсь, чтобы не захохотать, в первую очередь, от огромного облегчения. Я всерьез испугался, что случилась беда и Берта в больнице. Тем временем из-за ее плеча выглядывает физиономия Гилпина.

– Мисс Олден...

Берта досадливо поморщилась, картинно закатив глаза, обернулась и спокойно произнесла, плотнее завернувшись в одеяло.

– Миссис Грифитс, мистер Гилпин, теперь обращайтесь ко мне так. А это мой муж Клайд, он приехал за мной, я выезжаю от вас. Вы дадите нам пройти?

Гилпины молча переглянулись, и, не сказав ни слова, уда-

лились. Мы с Бертой тоже переглянулись, я взъерошил ее пушистые волосы.

– Ну ты и соня, миссис Грифитс, пошли собираться? А то на тебя голую скоро весь район уставится, как на леди Годиву.

– На мне пока ещё рубашка надета, мистер Грифитс, и на леди Годиву никто не смотрел, кроме одного, который ослеп, – ехидно ответила и пошла внутрь дома.

Картину гордо шествующей «миссис Грифитс» забавно дополнили босые пятки, шлепающие по полу, выбежала, даже тапочек не надев. Улыбнувшись, направился за ней, через парадный вход, и это наилучшим образом свидетельствовало – наша жизнь изменилась бесповоротно.

Улица де Кальб, 45.

22.35

Мы сидим на небольшой лужайке, примыкающей к нашей новой квартире. Кроме двух сносно мебелированных комнат мы получили кусочек сада со столиком и двумя плетёными креслами. С каким сияющим лицом Роберта вошла в наш новый дом... Наш. словно не веря, обошла комнаты, проводя ладонью по стенам, шкафу, столу... Вот на кровать присела и с лукавой улыбкой покосилась, от этого взгляда зако-

лотилось сердце. И тут же она очнулась и сходу начала хозяйничать и распоряжаться, я только улыбнулся, увидев совсем новую Роберту – жену, хранительницу семьи и дома. Мы – дома. Супруга заявила, что все замечательно, вещи сама разберет завтра, нечего мне этим заниматься, уборка тоже завтра, ой, милый, пойдем в сад! Он правда наш? Берта с блаженной улыбкой пьет горячий крепкий чай, я не отстаю. На столике незатейливый ужин. Хозяйка, укоризненно качая головой, принесла кусок масла, на ее лице так и читалось – «молодежь, молодежь...» И зря, кстати, Роберта проявила практичность настоящей хозяйки, забрала даже хлеб с сыром из шкафчика, ничего не оставила. Ничего не дала мне сделать, сама и чай приготовила, и бутерброды. Кажется, ничего вкуснее не ел, такое сейчас праздничное настроение у нас обоих.

– Клайд, ты правда на меня не сердишься?

– Не сержусь, перестань. Я просто испугался, увидев твоё темное окно. Подумал, ну... Неважно...

– Подумал, что-то случилось?

– Да.

На мою руку легла узкая теплая ладонь.

– Я очень тебя люблю, мой милый Клайд.

Накрыл ее ладонь своей и ласково погладил.

– Это был длинный день, Роберта, и я так по тебе соскучился...

– И я, милый.

Усмехаюсь и слегка щелкаю ее по носику.

– А ты проспала, соня! И как потом – «я миссис Гриффитс, обращайтесь ко мне так! "... И пошлепала... Вид у тебя был, Берт... Чтоб больше босиком не бегала!

Она смешно сморщилась и показала язык. Мы рассмеялись, мне продемонстрировали ноги, обутые в уютные растоптанные тапочки, те самые.

– А теперь рассказывай, что было сегодня...

00.50

Роберта что-то прошептала во сне, прижавшись теснее, закинула на меня ногу и обняла, положив голову на грудь. Сон пока ко мне не идёт, медленно глажу ее волосы, пропуская длинные шелковистые пряди между пальцами, вдыхая их пьянящий запах. Улыбаюсь, пытаюсь вспомнить, где сейчас лежит или висит ночная рубашка Берты. Утром опять попросит принести... Или не попросит – уговоры снять уже не понадобились. Улыбаюсь ещё шире, вспоминая... Ладонь с волос соскальзывает на гладкую тёплую спину... Скользит дальше... Не просыпаясь, Роберта ответила на ласку, ее тело подалось навстречу... Убрал руку, пусть отдыхает. Спи, любимая, спи... Все хорошо, мы дома, вместе. Вокруг тихо и спокойно. Мы здесь. Мы остаёмся в Ликурге.

Глава 25

Серый сумрачный свет пробивается через неплотно задернутые занавески, я уже не сплю и незаметно смотрю, как Клайд собирается. Наше первое утро. Милый... Он очень постарался встать тихо, чтобы не потревожить меня. А я не сплю, вот повернулся спиной, пошлю ему воздушный поцелуй. Так интересно смотреть... Ой... Еле успеваю прикрыть глаза, он обернулся, почувствовав мой взгляд. Клайд иногда до сих пор пугает меня – он умеет такое, что... Становится страшно, да, я знаю, что он любит меня, обожает и никогда не причинит боль. Но все-таки... Он думает, что спала тогда, а я слышала его шепот, молитву. Он просил прощения. Клайд проклял того, кто это сделал, и страшно было это слышать. Проклял за то, что перенес его сюда. Так было, в самый первый вечер, когда очнулся в той комнате. А потом он благодарил. Просил не возвращать обратно. Просил убить, если... Не надо, любимый. Оставайся со мной, ты обещал. Обещал никогда меня не оставить и я верю тебе. И потом... Я тоже помолилась. Попросила о том же, не отбирать тебя у меня, и убить, если... Но все будет хорошо, я знаю, верю. Я знаю, кого просить, милый, знаю, кто это сделал, кто позвал тебя. Видишь, и у меня есть тайна, мой любимый незнакомец. Как и ты, пока боюсь об этом говорить, не решаюсь. По-

тому и не настаиваю, я все понимаю. Мы подождем, и оба все расскажем друг другу, да, Клайд? Ты мой любимый Клайд, единственный. Я твоя, и ты принадлежишь мне. Ты никогда не отдашь меня, и я не отдам тебя никогда и никому. Ты слышишь меня, Клайд, ведь слышишь? Мой муж уже одет и готов выходить. Ну подойди, поцелуй меня. И в следующий момент его губы легко касаются моих, все притворство исчезает, обвиваю его шею руками и притягиваю к себе.

– Ах ты маленькая шпионка, не спишь?

– Не сплю, на тебя смотрю из-под одеяла. Интересно же подглядывать, ты сам говорил.

– А отшлепать?

Он может, на всякий случай вцепляюсь в одеяло и натягиваю на нос, мы смеемся. Боже, мы смеемся... Не скрываясь ни от кого, громко и весело. Как же хорошо...

– Все, Берт, мне пора.

Он сейчас уйдет до вечера, а я останусь дома и от этого немного растеряна.

– Клайд, а мне что делать?

Ну и спросила, хозяйка называется, а вещи разбирать, порядок наводить, еды купить, обед готовить? Но это мой первый день, потому и вопросы такие задаю. И очень непривычно, что не иду на работу, даже не припомню, когда такое было. Нет... Было. Совсем еще недавно... Нет, об этом думать не хочу. Клайд выпрямляется и весело смотрит на меня, застегивая плащ и надевая шляпу.

– Вступай во владение и осваивайся, миссис Гриффитс.

– Можно мне тебя встретить возле фабрики после работы?

Вижу, как задумался, опять беспокойство ему причиняю, ну что же такое... Ведь все понимаю, вечером обо всем поговорили, а вот, вырвалось потаенное. Не по себе мне оставаться одной, после всего, что было. Иногда мне кажется, что мы должны быть вместе все время, что я так буду охранять Клайда от... Нет, не хочу, не буду об этом думать.

– Берта, потерпи немного, сегодня очень важный день, для нас обоих.

Я все помню, молча киваю.

– Займись домом, отдыхай, я приду вечером и...

– И к дяде пойдешь...

– Да, милая, нужно.

Я села на кровати, закуталась в одеяло, волосы упали на лицо, он заботливо убрал их.

– Мне тревожно, Клайд, как там будет, что скажут...

Он легко обнимает меня, кладу голову ему на грудь, чувствую, как сильная ладонь гладит мои волосы, лицо Клайда зарывается в них. Его шепот.

– И мне тревожно. Но все пройдет хорошо, обещаю.

Просто киваю. Что тут скажешь?

– Иди.

И подталкиваю его к двери, иначе, чувствую, расплачусь.

Проводила его, глядя в окно, медленно прошлась по комнате. Ой, он же ушел голодный, вот, два пирожных, мне оставил. Теперь ему до обеда терпеть, сидя в цеху. Поморщилась, как бы опять эта приставучая толстуха Марта не начала Клайда угощать своими пирожками, я бы ей задала... Как нехорошо вышло вчера, он понадеялся, что все сделаю, куплю еды, а я уснула и проспала весь день. Но я же не виновата, просто очень устала. Невольно улыбаюсь, вспоминая...

Стук в дверь неохотно пробивается через сонную истому, ну что там еще... Так тепло и хорошо...

– Мисс Олден! Вы дома?

Мамочки... Сон слетел мгновенно, уже поздний вечер! Клайд! Стук настойчиво повторяется.

– Мисс Олден, вы тут?

Суматошно вскакиваю, как есть, в рубашке, босиком, кидаясь к двери, на стенные часы даже боюсь взглянуть.

– Мистер Гилпин, я дома, сейчас открою!

О, Боже... Наверняка там Клайд, а я... Ну как так вышло, ну что же это такое... Хватаю платье, и тут случайно бросаю взгляд на часы, обмираю, почти восемь вечера. Клайд там стоит, а этот старик его наверняка не пускает. Мужа к законной жене. Бросаю платье на кровать и решительно заворачиваюсь в одеяло, открываю дверь, и уже не обращая внимания на вытаращенные глаза мистера Гилпина, шлепаю босиком мимо него, распахиваю дверь и...

Настроение немного улучшилось и хочется есть, в последнее время это постоянно, я же теперь не одна. Кладу ладонь на живот и тихо шепчу...

— Как ты там, маленький?

Чего-то жду, может, толкнет ножкой или ручкой... Или еще рано, Клайд говорил, что четвертый месяц. В это время уже что-то чувствуют? И спросить некого, не к миссис Портман же идти. Вдруг совершенно неожиданно вспомнилась Грейс... Все-таки очень нехорошо с ней вышло, я поступила с ней непорядочно. Конечно, она страшная зануда и надоеда, но все же... Все же... И Ольга теперь отдалилась от меня, она на фабрике, а я больше там не работаю. Как теперь с ней видется? Надо передать ей приглашение в гости через Клайда. Стало немного грустно, совсем я осталась без подруг... И маленький все не толкается, почему? Спрошу вечером Клайда, мне кажется, что он знает все. Уютно зашипел примус, сделаю чаю и съем пирожные, все равно ничего больше нет. Хороша жена... Ничего, позавтракаю и пойду в лавку. Наша хозяйка обещала показать утром, тут совсем рядом и недорогая.

Вещей собралось изрядно, я даже не думала, что у меня их столько. Платья, белье и прочие принадлежности Клайд быстро сложил в большую дорожную сумку, и как он уговорил мистера Гилпина ее отдать? Хотя Клайд буркнул на хо-

ду, что потом вернет. Может быть... И подмигнул, улыбнувшись, сноровисто закрывая сумку.

– Пройдись по ящикам, собирай мелочи, в узел увяжем. Я к хозяину, закрывать твои дела. Дай-ка ту двадцатку...

На пол бросается простыня, снятая с кровати. Негромко стукнула дверь, закрывшись за Клайдом. Очень вовремя, мне нужно несколько минут побыть здесь одной. Быстро оглянулась, прислушалась к невнятному говору за стеной, я успею. Не хочу, чтобы в наш новый дом попало хоть что-то. Где же это все... Торопливо осматриваю полки, шкаф. Вот... Перевела дух, по-моему, ничего не пропустила. Нет, еще вот это... Куда его деть? Не хочу, чтобы муж увидел. Дверь распахнулась.

– Берт, закончила? Рассчитался за все, можем идти, – он осекся, заметив мое лицо.

Я отвернулась, как же неловко получилось. И что на меня вдруг нашло, что такого? Клайд подошел сзади, его дыхание коснулось щеки. Я молча смотрю перед собой, закусив губу.

– Что с тобой? На что смотришь?

Через мое плечо он заглядывает в открытый ящик комода. Мы оба молчим несколько мгновений. Клайд поворачивает меня к себе и негромко говорит.

– По-моему, мы уже собрались и все, что тебе нужно, взяли. Да?

– Да, Клайд.

И мой муж, глядя мне в глаза, медленно закрывает ящик

с отчетливым стуком. Тут же на комодѣ лежит небольшой узел, он несколько мгновений смотрит на него. Перевел взгляд на меня, я слегка пожала плечами, что тут надо говорить? Просто забыть. Оставить, здесь, в прошлом, навсегда. И Клайд понял меня, улыбнулся, как будто ничего не было.

– Где бабушкин футляр, дорогая?

Я всплескиваю руками и кидаюсь к кухонному шкафчику, бережно достаю и передаю Клайду тяжелый потертый на сгибах бархатный сверток. Он разворачивает его, в свете лампы блики от старого серебра веселыми зайчиками побежали по его рукам и лицу, как будто поздоровались. Мы здесь, мы ждали и дождались! Этих зайчиков не должно быть, металл совсем не ярок, но... Они есть. Маленькое волшебство...

– Вот и дождались нас... – тихо произнес Клайд, бережно закрывая футляр.

И я тоже прошептала, погладив теплый старый бархат.

– Дождались.

– Пойдем домой, Роберта? Все?

Я вышла на середину комнаты и медленно оглянулась, навсегда прощаясь с этими стенами... С этим домом... Клайд молча отошел к окну, не желая мешать. Эта комната. Я познала в ней радость... Надежду на счастье... Обман и предательство... Жестокость... Одиночество, отчаяние и желание смерти. Взгляд медленно скользит по стенам... Вот ок-

но и неподвижная прямая фигура. Мой ангел. Мой спаситель. Муж. Любимый. Ты пришел ко мне той одинокой ночью. Всегда буду помнить тьму за окном, тишину безнадежного ожидания. Удар камешка о стекло. И сейчас ты навсегда заберешь меня отсюда. Он почувствовал взгляд и обернулся, тихо подошел.

– Идем домой.

– Идем.

Клайд подхватывает вещи, я хочу помочь, он указал на дверь, иди. Мы успели отойти ярдов на двадцать, когда нас нагнал мистер Гилпин. В его руках узел и коробка.

– Вы там оставили...

Я молча иду. Клайд, качнув головой, отвечает.

– Это не наше.

8.20

Выглядываю в окно, погода сегодня будет на славу, оставляю его открытым, такой воздух свежий. Любуюсь нашим палисадником. Он крохотный, конечно, но мне нравится давно не кошенная трава, сверкающая каплями росы. Будет приятно посидеть там с чашкой чая, вытянув босые ноги, чтобы чувствовать прохладное прикосновение, слушать шелест листьев нашего старого клена. Хочу туда. Смотрю на часы, еще рано, и миссис Портман неудобно беспокоить. Ставлю на небольшой поднос чашку с чаем и блюдце с пирожны-

ми, осторожно открываю дверь и пересекаю крохотную лужайку, столик прямо под деревом, в тени раскидистой кроны. Так тихо... Чай вкусный, крепкий и горячий, с детства люблю вот так сидеть и запивать им пирожные или конфеты. С любопытством смотрю по сторонам, улыбаюсь, муж велел осваиваться. А мне все еще как-то не по себе... За эту неделю я привыкла быть с ним, чувствовать его заботу, любовь. Я ведь почти сразу поняла, что он – не... Отгоняю тот образ, не хочу... Это просто призрак, он уходит в прошлое, во тьму памяти, стирается из нее и скоро, надеюсь, исчезнет навсегда. Он для меня – больше не Клайд. Он – потерял право на это имя. Он – безликая тень, заключенная в проклятом зеркале на дне реки. Оставайся там навсегда. Мой Клайд, любимый и единственный – здесь, со мной, я принадлежу ему, а он мне. Ты слышишь меня, тень? Запомни это.

Так тихо... Вот стукнула дверь на половине хозяйки, вышла? Подойти поздороваться? Она милая...

– Миссис Портман, позвольте представить вам Роберту Грифитс, мою супругу.

Я стою и от волнения не знаю, что сказать, ну почему со мной так бывает... Просто слишком много всего сразу, и так быстро, голова идет кругом. Вот, держу Клайда за руку и только могу, что тоже улыбнуться в ответ на добрую всепонимающую улыбку. Она хорошая, наша хозяйка, прав был

муж, что не захотел вновь переезжать.

– Добро пожаловать, миссис Гриффитс, надеюсь, вам с супругом здесь понравится.

Вокруг глаз миссис Портман разбегаются веселые лучики морщинок, как от солнышка. Стало очень спокойно, и я почувствовала – дома. Я – дома. Такого ощущения не было ни у Ньютонов, ни тем более у Гилпинов. Только раньше, в родительском доме, в Бильце.

– Спасибо, миссис Портман, за добрые слова. Я чувствую, они от сердца и мне очень приятно.

Хозяйка внимательно посмотрела на меня и потом на Клайда, они улыбнулись друг другу и кивнули, как будто продолжили какой-то ранее начатый разговор.

Посижу еще немного, послушаю тишину. Совсем как у нас дома по утрам, когда родители едва встали, а Том с Эмилией еще и вовсе не проснулись. Мама... Смотрю в сторону окон хозяйки, возможно, у нее есть телефон? Вчера не решилась напомнить Клайду о поездке в Бильц, может, хоть позвонить попробовать... Услышать ее голос, отца... И они услышат мой, скажу, что со мной все в порядке, что я теперь миссис Гриффитс, вот так. Узнаю, как они там без меня... Снова вздыхаю, я теперь не работаю. И как им помогать? Хотя Клайд сказал...

– Был разговор с Гилбертом.

Негромкий голос Клайда, вокруг уже ночь, наша лужайка уютно освещена светом из окна и открытой двери нашей квартиры.

– На работу ты более не вернешься, нельзя.

Вот это новость...

– Клайд... Завтра я не пойду на фабрику?

Он медленно качает головой, грея в ладонях чашку и глядя на меня.

– Нет, Берта, с фабрикой все.

– Гилберт запретил?

– Не то чтобы прямо, но дал понять. Берт, это неважно, что он сказал или не сказал, я с ним согласен.

– Но почему, Клайд? Из-за того, что я твоя жена?

Он кивнул.

– Меня не уволили, хотя Гилберт, и, думаю, Лигет, все про нас знают. У Гила есть даже фотографии с нашего венчания, их сделал тот, кто следил за нами.

Мне внезапно стало зябко, я поежилась, обхватив себя руками. Клайд принес мою шерстяную накидку, набросил на плечи и заботливо укутал.

– Пойдем в дом, замерзла?

– Нет, давай тут посидим. И продолжай.

Он вздохнул, собираясь с мыслями.

– Роберта, не завтра, так через считанные недели ты бы прекратила работать.

Клайд усмехнулся и глазами показал на мой живот.

Невольно положила на него ладонь и улыбнулась в ответ.

— Милый, может, надо к врачу поехать, ну, посмотрел что-бы, все ли со мной и ребенком в порядке...

Он вдруг рассмеялся.

— Чего ты?

Клайд наклонился ко мне и очень серьезным тоном произнес.

— Я хоть и не врач, но тоже могу посмотреть.

Ну какой он бывает... Никак не привыкну к этим его шуточкам, от которых и стыдно становится... И так приятно... Хорошо, что полумрак и не видно, что я неудержимо краснею. И так стало тепло внизу, только и могу, что прошептать...

— Клайд, ну что ты... Перестань...

А в его глазах уже знакомые мне огоньки... И чувствую, что в моих начинают плясать такие же. Но разговор не окончен и мы оба берем себя в руки, улыбаюсь, до поры...

— Клайд, а как же... У нас совсем мало денег, может, я хоть где-нибудь буду работать, пока в состоянии? И еще...

Я замолкаю, не решившись продолжить. Клайд успокаивающе положил ладонь на мою руку, чуть сжал пальцы. Какие они у него стали сильные... Пальцы... Руки...

— Твои двенадцать долларов в неделю мы не потеряли.

Удивленно вскидываю на него глаза, как это? Он усмехнулся уголком рта, совсем как Гилберт.

— Мы с братом поняли друг друга.

– Как это, Клайд?

– Договор. Ты не возвращаешься в цех, а Гил повышает мое жалованье на твои двенадцать. Все честно.

Только качаю головой, вот это да... Иногда думаю, что мой муж может все.

– Милый, но тогда... Я понимаю, что нам все равно трудно, и пока все так ненадежно... Но...

Клайд приблизил лицо к моему и тихо прошептал.

– Что с тобой, милая? Что тебя беспокоит?

И я решаюсь.

– Я родителям всегда помогала, как могла. Деньгами. А теперь не работаю.

Все это выговариваю на одном дыхании. И замолкаю, видя, что Клайд качает головой, отказывает? Как же... А он внимательно смотрит на меня и отвечает, веско так.

– За то, что думала, что откажу в помощи твоим родным, быть тебе сегодня ночью наказанной. Я решу, как именно.

Растерянно моргаю на эту тираду, а мой несносный муж откровенно веселится, глядя на мои в очередной раз покрасневшие щеки. Ну, какой же он... Вот я тебе... Ай! Моя рука перехвачена и каким-то непонятным образом в следующую секунду я оказываюсь на коленях Клайда, в его объятиях. О, Боже... Какие у него стали сильные руки... Сильные и при этом ласковые... Они все настойчивее... Смелее... Господи... Мое платье... Нет...

– Милый, ты что... Ну подожди...

Я пытаюсь его остановить и при этом не хочу этого... Боже, а если кто увидит, мимо по улице пройдет... А если миссис Портман... Остановись... Клайд... Не останавливайся...

— Берт, лучше встань, а то...

— Что?

— А то мы шокируем весь почтенный Ликург. Прямо здесь и сейчас...

— Ты же сам меня на колени усадил, а теперь...

Быстрый жаркий шепот, наши голоса прерываются предательской дрожью, отдающейся в руках... пальцах... телах... И через считанные мгновения мы оказываемся в комнате за закрытой дверью и задернутыми занавесками...

Откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Внутри от воспоминаний зарождается теплая волна, вот идет снизу вверх, по всему телу... Я и не подозревала раньше, что может быть настолько хорошо вместе... Мне... И ему... И... И я не знаю, как сказать... Он такой... Клайд... Мой Клайд... Для него нет ничего запретного, иногда это меня даже поначалу пугает, муж заметил. Улыбаюсь... Он смеется, говорит, что у меня очень забавное, ну очень серьезное лицо, в начале. Я и не знала... Зато немного погодя я освобождаюсь от всего, что может сдерживать и сковывать. Это оказалось настолько ново и неожиданно, что я... Я чувствую себя в раю, прости меня Господи, но это так. Его руки, пальцы, губы... Так сильны, властны, и так нежны, чутки и ласковы... Так сладко

отдаваться ему, до конца, до дна... И брать его, отдающего мне всего себя. А вчера ночью... Еще сильнее зажмуриваю глаза, ладони прижимаются к заалевшим щекам...

— Клайд... Господи, милый... Так нельзя, стыдно... Что ты делаешь...

И в следующую секунду я потеряла дар речи, не останавливаясь... Не слушай меня... Не слушай...

Перевожу участившееся дыхание и открываю глаза, вернувшись в свет и звуки утра, в мое уютное кресло. Во рту пересохло, чай совсем остыл, но его прохлада сейчас более желанна, делаю несколько жадных глотков. Успокаиваюсь, на губах блуждает улыбка, окружающий мир снова приобретает четкость. Можно еще немного посидеть и попробую зайти к миссис Портман, спрошу про лавку и телефон.

Затихли не скоро, Клайд неугомоним и меня тоже захватил этот неудержимый жаркий поток. Только закусываю губы, чтобы стон не вырвался криком, это будет уже слишком, я потом умру от смущения, встречаясь с соседями, которые могут меня сейчас услышать. В некий момент обнаружила себя лежащей рядом с мужем, мы оба шумно переводим дыхание, в тусклом свете маленького ночника вижу наши тела, они блестят от пота, чувствую, как его щекочущие струйки медленно стекают по моей груди, животу. Дальше... Ни-

же... Клайд так смотрит, вижу, что это зрелище его захватило. Гм... Слишком захватило... Вдруг пересохло во рту, моя рука дрогнула... Захотелось протянуть ее и... Клайд это заметил, затаил дыхание... Понимаю, что ему этого хочется, но я... Я не решаюсь. Пока не решаюсь. Клайд, милый мой, любимый, потерпи совсем немного. Может, поговорить с ним об этом? А как? Он может спокойно и с улыбкой сказать мне такое, что бросает в жар, от смущения и наслаждения сразу. Я так не могу, и не знаю, смогу ли когда-нибудь. Иногда становится страшно, может, ему скучно со мной в постели? Или скоро наскучит? Я совсем неопытна... С ним чувствую себя в раю, готова умереть от наслаждения, которое он мне щедро дарит. А как ему? Хорошо ли, сладко ли? Надеюсь... Но у нас впереди вся жизнь, все будет, все придет. Не надо торопиться, и он все понимает...

– Не смотри на меня так, – укрываю нас обоих одеялом, с усилием отведя глаза от обнаженного тела мужа.

Не говорю ему и никогда не скажу, но... Не только руки. Все его тело как-то изменилось. Нет, внешне все как и... Как и было. И при этом – все не так. Оно более четко очерчено, стало суше, жилистей, о силе и ловкости я и не говорю, это совсем другой человек. И еще... Наверное, эта мысль сейчас неизбежна, хоть и не хочу ничего вспоминать. Надо забыть. Но... Помню свою первую безумную радость, когда

все случилось с... Ним. Когда я преодолела страх, нерешительность. Преодолела? Уступила из страха его потерять, что он уйдет. Думала, вот оно, счастье, я стала женщиной, у меня есть любимый мужчина и все будет хорошо, ведь он обещал. Он так меня любит... И чего греха таить, мне льстило, что он – Грифитс. Тщеславие... Уже появились робкие мечты о том, что я буду «миссис Грифитс». Губы искривила какая-то не моя, недобрая усмешка, постаралась, чтобы Клайд не заметил. Не нужно ему знать об этих моих мыслях. Они пройдут, исчезнут. Но... Теперь вижу, понимаю, как тот человек был мелок, эгоистичен и подл со мной. Эти торопливые обьятия, суматошная возня под одеялом, влажные пальцы, ладони на моем теле... Теперь понимаю, насколько они были робки, неумелы, и... Лживы. Быстро, тихо. В голове тогда крутилось слово – "лихорадка". Лихорадочные ночи... Когда же первое упоение схлынуло и я стала думать – пришло чувство стыда, порочности происходящего между нами. Сколько раз пыталась поговорить с ним... Он всегда ухитрялся уходить от этого, ласковые слова, туманные обещания. И снова, и снова увлекал меня во тьму комнаты, топя мои страхи в своей похоти, которую я принимала за любовь. Он видел, насколько я неопытна и наивна, ему было нетрудно обмануть меня. Так было. А спустя короткое время – Сондра. И даже это подобие счастья – исчезло. Теперь же... Как странно, я вижу знакомый облик, меня обнимают знакомые руки, целуют те же губы. Нет и нет. Клайд – другой, все ны-

не – другое. Я ведь понимаю, ты ревнуешь, не можешь не ревновать к прошлому, к этому телу, в котором оказался. А как ты посмотрел на меня тогда, на фабрике... Но я так испугалась, что разницу все заметят, что даже не подумала, когда кинулась к тебе... Прости, прости меня... Ничего не бойся, милый, того, что было – уже нет, и я больше никогда не сравню вас. Не с чем и не с кем тебя сравнивать, Клайд. Твое лицо... Глаза... С них началось мое понимание. Твердый внимательный, все замечающий взгляд. Колочий, жесткий, иногда страшно смотреть. И как они теплеют, когда смотрят на меня... Но я видела твои глаза и на вокзале Олбани, когда появился этот человек. Неподвижный холодный взор, совершенно безжалостный. С таким взглядом, наверное, убивают. Качаю головой... Скажешь ли ты мне когда-нибудь, любимый... Кто ты... Откуда... Как твое имя... Сколько тебе лет...

– Кто ты, любимый?

Вопрос вырвался сам собой, когда мы, наконец, успокоились, и я устроилась рядом, обняв Клайда и положив голову ему на плечо. Так хорошо и надёжно чувствовать его сильную мускулистую руку, кончики пальцев медленно водят по спине, уже без намерения воспламенить, успокаивая и баюкая. И в этой теплой истоме я не сдержалась.

– Кто ты, любимый?

Клайд тихо вздохнул, погрузив пальцы в мои спутанные волосы и начав их ласково расправлять. Молча. Вздыхаю и я.

– Прости, Клайд... Я обещала терпеливо ждать, а сама все время пытаюсь спрашивать.

Из полумрака пришел шепот.

– Я не сержусь, Берта. И понимаю тебя, лежишь в постели с незнакомцем...

Я запротестовала, приподнявшись и положив подбородок ему на грудь, лицо к лицу.

– Ты не незнакомец, я много уже о тебе знаю, вот!

Его брови приподнялись.

– Ну-ка, ну-ка... Как интересно... Расскажи.

– Не рассердишься, милый?

Он шутливо задумался, театрально нахмурившись.

– На ещё одно наказание, боюсь, меня сегодня уже не хватит, даже если рассержусь. Говори, Берт.

Я собираюсь с мыслями и решаюсь. Говорю медленно и осторожно.

– Ты намного меня старше.

Он медленно кивает, вижу, ему не по себе, этот разговор тяжел для нас обоих, я прекращу его сразу, если что-то почувствую, если зайду в запретное. Ну что я за растяпа такая, обещала же... Клайд увидел мои колебания и слегка сжал пальцы на моем плече, подбодрил продолжать.

– Ещё... – тихо шепнул.

– Ты воин. Наверное, ты много воевал, – шепчу в ответ

ещё тише, мне страшно об этом говорить.

Медленный молчаливый кивок. Я внимательно смотрю на его четко очерченное лицо, в его глаза, в темноте комнаты они как провалы в неведомое.

– Скажи...

Замолкаю. Боюсь закончить вопрос. Он делает это за меня.

– Убивал ли я?

Вместо ответа прижимаюсь щекой к его груди, слышу ровное сильное биение сердца, оно успокаивает.

– Да, Берта, я убивал. Я убил много людей. Так было надо.

– Клайд...

– Что?

– А есть у тебя... Ну... Шрамы?

Он усмехнулся, дёрнув уголком рта. Взял мою руку... Поднес к своему лицу... И очень медленно провел ею по правой щеке, чувствую кончиками пальцев, гладкая чистая кожа. Пальцы скользят по ней от виска до подбородка... Длинной изогнутой линией... Господи...

Порывисто вздыхаю, прижимаюсь к нему всё сильнее.

– Ничего не говори, не надо, тебе больно из-за меня, любимый... Прости...

Целую его губы, глаза, грудь... Щеку, снова и снова... Прости, прости меня... И мы замолкаем, в наступившей тишине я слушаю его сердце. Так хорошо слышать это биение,

тук, тук, тук... Оно будет рядом со мной всегда и мое сердце будет биться рядом. До срока, который предначертан нам обоим. Так говорил преподобный Данкен – пока смерть не разлучит нас в неизбежно назначенный срок. Молчим. Сон не идёт и Клайд явно ещё не всё мне рассказал о произошедшем сегодня. И я ещё одно, только одно хочу его спросить, из запретного... Я об этом все время думаю и хочу знать. Набираю воздух...

– Клайд...

– Что?

– Мне вот любопытно... Ну, очень любопытно...

Шепчу ему прямо в ухо... И слышу смех, который он еле сдерживает, сама начинаю смеяться.

– Ну, Клайд... Ну, скажи...

– Что, ревнуешь?

И он смеётся уже в голос, рискуя разбудить нашу хозяйку, схватил меня за руку, угадав мое намерение стукнуть его ладонью по лбу. И очень серьезно говорит, даже торжественно так. Ну что за манера такая, все превращать в шутки... А мне уже не смешно, я правда ревную, очень.

– Берта, у меня были женщины, и даже не одна. И не две.

Мои брови поползли вверх от такого признания, спрашиваю упавшим голосом.

– А сколько их у тебя было?

Он внимательно на меня смотрит своим всезнающим

взглядом и спокойно отвечает.

– Много, Берта. Как ты правильно поняла, я тебя намного старше.

И спрашиваю ещё одно, если начала, то уже надо идти до конца, раз он согласен отвечать. И получаю ответ.

– Нет.

– Правда?

– Да. Жены и детей у меня не было. Воину лучше не иметь семьи.

Я глажу его по голове, щеке, он прижимает мою ладонь и целует ее. Шепчу ему, уже успокоившись.

– А сейчас у тебя есть семья, мой старый грозный воин. У тебя есть я и скоро будет ребенок. Тут тебе не с кем воевать.

Он задумчиво кивает, как бы сомневаясь, улыбается.

– Наверное, не с кем.

Он садится в кровати.

– Принести лимонада, хочешь?

– Хочу!

Я рада, что этот внезапный нелегкий разговор закончился, даю себе слово больше его не заводить. Придет время, я всё узнаю. Не надо торопить, впереди – целая жизнь. Клайд протягивает мне стакан, мы снова устраиваемся в кровати рядышком, сидя спиной на подушках. Так здорово вместе пить прохладный лимонад ночью, в тихой темной комнате... И шептаться.

– Берта, завтра вечером мне надо быть у дяди на ужине.
Приглашение Гилберта.

– Зачем он тебя пригласил так внезапно, Клайд?

Он помолчал, медленно цедя напиток, искоса посмотрел на меня.

– Завтра я официально заявлю дома у дяди о нашем браке и о тебе, как о своей жене.

Хорошо, что я в этот момент успела проглотить лимонад, иначе быть бы Клайду мокрым, так это неожиданно прозвучало.

– Боже, зачем?

Он невозмутимо пожал плечами.

– А как ты думала? Гил знает, миссис Портман знает, Гилпины знают...

Я прыснула от смеха. Гилберт... И Гилпины...

– Они все знают, а дядя не будет знать?

– Страшно как-то...

– Что страшного? Что он нам сделает? С фабрики выгонит за то, что правила нарушены? Так ты там уже не работаешь. Ты не их круга? Так и я не особо из их общества, приняли меня, примут и тебя.

Я вытаращила глаза, это уже слишком.

– Клайд, ты что задумал?

Он твердо ответил, глядя мне в лицо и четко выговаривая каждое слово. Этот тон я уже хорошо знаю, он так решил и

лучше не спорить.

— Раз я не уволен и Гилберт склонен продолжать сотрудничество, приглашает на ужин, значит, считает, что можно сохранить и продолжить отношения, невзирая на наш брак. Это значит, что если я принят в доме дяди, там будешь принята и ты, как моя законная жена.

И Клайд вопросительно поднял бровь, поняла? И мне осталось только кивнуть, вздохнув. Почему мы не можем просто тихо где-нибудь жить...

— Я поняла, милый, но...

— Что?

И дальше продолжаю совсем шепотом, не хочу это произносить громко в этих стенах, здесь наш дом и он священен.

— Но там же все... И Сондра... Как я могу там появиться, Клайд? Она же ненавидит тебя... И возненавидит меня... Нет, нет, я не хочу.

— Не бойся никого и ничего, и Сондру не бойся. Ты со мной и будет только так.

— Я не хочу туда идти, Клайд.

Он усмехнулся.

— Мы и не будем туда ходить, речь просто о твоём признании семьёй. Я и сам не собираюсь там появляться.

Я с облегчением вздыхаю, беру его за руку.

— Правда?

— Правда, Берт. У нас и так полно дел без этих обедов и ужинов. Мы к врачу собирались?

– Посмотреть? – ехидно спрашиваю.

– Посмотреть!

Я весело киваю. Клайд попытался было осуществить сказанное, я шутливо оттолкнула его, натянув одеяло повыше. Вот охальник же мне достался, ужас... И пользуется тем, что мне это приятно...

– В Бильц к папе с мамой собирались?

Я взвизгнула от радости и кинулась к нему на шею, повалив на кровать и прижав сверху. Он с улыбкой обнял меня и прижал к себе ещё крепче.

– Ну вот, какие уж тут обеды у дяди и прочая светская жизнь? У нас – своя жизнь, любимая... И вообще... Ну-ка...

Одеяло летит на пол, я остаюсь совершенно обнаженной перед его широко раскрытыми жадными глазами. Меня захлестывает волна смущения и желания одновременно, сердце готово вылететь, дыхание захватило... Мне хочется спрятаться, опустить плечи, прикрыть грудь, погасить свет... А нарастающая горячая волна выпрямляет еще больше, плечи разворачиваются... Смотри, любимый, смотри! Я – твоя! Какие у него ласковые ладони, пальцы... Как они скользят по телу, воспаменяя и осторожно направляя... Клайд медленно усаживает меня, и...

– Мистер Уилкокс, это вы? Да, да, это я, Роберта! Вы слышите? Можно позвать мою маму? Пожалуйста!

Как хорошо получилось, у миссис Портман оказался телефон и она любезно позволила позвонить. Сейчас я поговорю и мы с ней пойдем в лавку, пора становиться настоящей хозяйкой. Ну где же мама... Шипение в трубке усиливается, громко щёлкнуло, как будто там переложили что-то с места на место. Оглянулась на дверь, плотно ли закрыта. Хозяйка деликатно вышла, оставив меня одну, это хорошо.

– Роберта, доченька!

Такая радость услышать ее голос, глаза заволоклись слезами.

– Мама, мамочка, я так рада тебя слышать!

– Ты плачешь, девочка моя, почему, что-то случилось?

– Нет, нет, что ты, у меня все хорошо! Ты получила мое письмо?

– Получила два дня назад и с тех пор почти не сомкнула глаз, волновалась, как ты, с кем... И ты запретила кому-либо рассказывать...

– Ну как с кем, я же тебе написала, я вышла замуж за Клайда! И все теперь хорошо, и мы не скрываем это, совсем!

– Клайд, если буду говорить с мамой, с разными людьми, ну, неважно с кем...

– И?

– Можно говорить, что я твоя жена, открыто?

– Да.

– Всем-всем? Везде-везде?

– Да, миссис Грифитс. Мы не прячемся. И даже не собираемся.

– Бобби, но как его семья, общество, что они скажут?

– Мы не собираемся прятаться ни от кого, его двоюродный брат уже все знает, ну, мы тебе при встрече все расскажем.

– Что он говорит?

– Мама, все в порядке, Клайд со всем разберётся, ни о чем не переживай. Ты же слышишь меня?

– Слышу, милая.

– И как мне сейчас?

– Ты радостная, Роберта... Я слышу. Вы собираетесь нас навестить как-нибудь?

– Мы обязательно приедем, вместе, Клайд очень хочет с вами познакомиться!

– Ждём вас, приезжайте! Я могу рассказать отцу, Агнес-се? Все соседи о тебе спрашивают постоянно...

– Конечно, рассказывай. Я так его люблю, если бы ты только знала...

– Я счастлива твоим счастьем, доченька. Мне пора идти. Ждём вас!

– Я буду звонить по возможности, ой... Запиши наш новый адрес! Улица де Кальб, 45, мы переехали.

– Хорошая у вас комната? Не очень дорогая?

– Мамочка, у нас их две, кусочек сада, там высокий старый клен и столик под ним, можно чай пить, представляешь? И замечательная хозяйка, миссис Портман, она так хорошо меня встретила. И... И... Вот... Все, я тоже бегу!

11.30

Лавка оказалась совсем недалеко и действительно недорогая. На шесть долларов набрала мяса, овощей и всяких круп. Купила большую коробку чая. Мистер Перкинс, хозяин, предложил ещё банку кофе, но я не пью, а Клайд... Не знаю, мы как-то к чаю привыкли, не взяла. Хлеб, масло, сыр, ветчина, яйца. Ещё сахар, соль, перец. Дома в Бильце у меня есть сундучок, там посуда, всякие принадлежности для кухни и старая поваренная книга, это мое приданое. Вздохнула, как бы его привезти... Пожимаю плечами, как поедem, так и заберем, а пока найду, во что все насыпать. Или пока не буду, все ведь и так в жестянках. Тарелки и кастрюли уже есть, миссис Портман дала. В лавке купила еще одну большую кастрюлю, для супа, пару сковородок, чайник. Покупок набралось изрядно, даже растерялась, как их дотащу... Выручил мистер Перкинс, послал со мной сына Роджера, тот все и прикатил на маленькой тележке. Кладу пакеты и коробки на

стол, оглядываюсь. Все, миссис Гриффитс, начинайте уборку, принимайте хозяйство. Мои и Клайда вещи в сумках и узлах, два чемодана. Мы вчера достали только постельное белье, рубашку и костюм Клайду на сегодня, пару полотенец и мое домашнее платье. Так... Все переносу пока во вторую комнатку, сначала – наведу порядок в нашей большой. Надо вымыть пол, окно, протереть и вычистить мебель, кухонный уголок. Какое же радостное чувство, всем этим заниматься, видеть, как под моими руками все начинает сверкать и блестеть чистотой. Запыхалась, вытерла вспотевший лоб. Вот бы какую-нибудь музыку поставить, под нее веселее хозяйничать. У Ньютонов был граммофон, любила хлопотать под задорную пластинку. Но ничего, мне и так замечательно. Теперь можно всё сложить в большой шкаф. Как хорошо, много полок. Улыбаюсь, глядя на мои вещи, уютно устроившиеся рядом с клайдовыми. Совсем как мы в кровати... Смущенно оглянулась, словно кто-то может услышать. Ох, я много стала про это думать, про кровать... Хихикнула, неудивительно, с таким-то мужем... Ну вот, все разложила и развесила на плечиках, конечно, не помешает глажка. Утюг у меня свой, совсем старенький, но я к нему привыкла. Решено, глажкой займусь завтра, сегодня только приготовить все для мужа. Что теперь? Протираю трюмо, зеркало местами мутное и в царапинах, но не страшно. Разложила свои немногочисленные принадлежности, расчески, два тюбика губной помады. Флакончик духов, хотела оставить у

Гилпинов... Но других у меня пока нет, да и покупала их сама. Не буду все же сходить с ума... Это просто духи, мои. И Клайду очень нравится их горьковатый аромат. Все хорошо. Налила стакан воды и залпом выпила, теперь еще один. Муж сказал – нужно много пить. Я – послушная жена. Теперь – кухня. У нас тут шкафчик, маленький столик для готовки, плитка и примус. Все вымыть, вычистить, протереть. С удовольствием раскладываю по местам посуду, продукты. К вечеру Клайд не узнает нашу квартиру... И что там у дяди, это его дело, а дома будет ждать ужин. За всеми хлопотами проголодалась, сейчас приготовлю себе яичницу с ветчиной, перекушу и немного отдохну. Потом займусь готовкой, хочу, чтобы к приходу Клайда ужин был на столе. Смотрю в окно, в сторону фабрики, на сердце вдруг становится тоскливо. Как там он, все ли хорошо... Клайд, я с тобой, слышишь? Я знаю, что слышишь...

16.45

Настроение странное. С одной стороны, все хорошо, Йордис и Марта не подвели. Выработка выросла более чем в полтора раза, Лигет уже в неприкрытом восторге, а он – пусть и неточное, но зеркало Гилберта. Сажу за столом, передо мной клочок бумаги, на нем – большой вопросительный знак. Поднимаю от него взгляд и вижу, что Ольга смотрит в мою сторону. Сегодня вышла на работу, а Берты уже нет. Десять ми-

нут назад мне на стол вместе с двадцатью тремя кольцами легла эта записка. Ловлю Ольгин взгляд и еле заметно киваю, вопрос понял. Ответная записка уже написана. Вышел в цех, постоял пару минут возле наших испытательниц, и начал неторопливое движение, через несколько мгновений на колени Ольге падает свёрнутая бумажная трубочка. Там написано коротко «де Кальб, 45». Она поймет. Убеждаюсь в этом, сделав круг и проходя обратно, Ольга коротко кивает, продолжая невозмутимо штамповать. Слегка качая головой, снова заняв своё место за столом, вспоминаю Олбани, ее властность и уверенность. Ее таинственный кузен, носящий что-то в кармане пальто, сходу раскалывающий противника и виртуозно бросающий томагавки. И простая штамповщица в текстильном цеху. Да полноте, простая... Никакой простоты, никакой забитости или неуверенности. Был Олбани, теперь Ликург, а Ольга – осталась Ольгой. Если честно, я ей написал адрес с прицелом – может, она согласится побыть с Бертой, пока буду у дяди, не хочу оставлять ее одну на ночь глядя. Ольга потом может у нас переночевать, комнат две, в крайнем случае могу на лужайке подремать в кресле. Не захочет остаться, провожу до Стоктон-Хиллз, свет не ближний, а что делать... Посмотрим. Звонок.

– Клайд?

– Да.

– Гилберт. Зайди.

Короткие гудки. Что-то мой дорогой братец иногда слегка переигрывает, мне кажется. Втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы, не думаю, что речь пойдет о производстве. Пишу ещё одну записку Ольге, она подробнее, я не знаю, когда сюда вернусь, а скоро гудок. Скидываю ей и быстро выхожу из цеха, дорогу к кабинету Гилберта я уже знаю, хотя внутри ещё не бывал. Табличка «Гилберт Гриффитс. Секретарь». Два удара в дверь.

– Войдите.

Холодный жёсткий голос. Открываю дверь и не торопясь захожу, оглядываюсь. Неизменное окно на реку, много полок с книгами и конторскими журналами. Солидный двухтумбовый стол тяжёлого темно-коричневого дерева. Гилберт стоит у окна и смотрит куда-то на тот берег реки. Терять даром время он не стал.

– Клайд, речь пойдет не о производстве, с этим все ясно.

Подхожу к столу и кладу руку на спинку стула.

– Позволишь сесть, Гилберт?

Он кивнул и сам сел напротив меня, сцепив руки и устремив мне в лицо пристальный взгляд.

– Гилберт!

– Слушаю.

– Что ты с ним сделал, ты, чудовище?!

– Сондра, почему ты позвонила мне? Что я мог с ним сде-

лать, с твоей тенью, с твоей верной собачкой...

– Замолчи!

– И повесить трубку?

– Нет... Нет... Подожди... Гил, я не...

– Что случилось, Сан? Где ты сейчас?

– На Двенадцатом, я только что получила письмо. Я прочитаю тебе...

Гилберт снял с шеи цепочку, на которой висел ключ, им он открыл ящик стола, повозился внутри, открывая ещё что-то. И молча положил передо мной смятый листок бумаги.

– Читай.

Осторожно беру, расправив его. Резкие, словно изломанные страданием буквы, слова.

«Пора прекращать эту затянувшуюся ошибку. Мою, не твою. Гилберт.»

Очень медленно кладу письмо на стол, по спине прокатился озноб. Чем-то очень мрачным повеяло от этой короткой строчки.

– Это письмо я написал ей за полгода до твоего появления здесь. Помнишь мой рассказ о ее первом пудельке?

– Помню, Гил. Рассказ был о тебе.

Он дёрнул уголком рта, услышав это, кивнул.

– Обо мне. Теперь же ты написал ей практически такое же письмо. Как, Клайд?

– Что?

– Как так могло получиться?

Я шумно вздохнул, переводя дыхание. Оглянулся.

– Что ты ищешь?

– Гил, выпить есть? Такой, знаешь, симпатичный гранёный графинчик, а в нем односолодовый лет двадцати...

Братец удивлённо приподнял брови, подумал... И поставил на стол помянутый сосуд, вытащив его откуда-то снизу, рядом звякнули два стакана толстого стекла. Приглашающий жест.

– Я не знаю, Гилберт. Просто совпадение. Она играла с тобой... Потом со мной...

– Прочитав письмо, она решила, что я тебе рассказал о нашем прошлом и показал это.

Он кивнул на листок, все ещё лежащий на краю стола. Я придвинул его ближе к Гилу.

– Почему оно оказалось у тебя?

– Она вернула его тогда, кинула в лицо на глазах у всех, со смехом. Смех был сквозь слезы.

– Понятно... – сказал я, чтобы сказать хоть что-то.

Чуть пригубил холодный жгучий напиток, Гил задумчиво смотрит на свой стакан, не отпивая.

– А мне не понятно, Клайд.

Молчу. Мой черед смотреть на игру темного напитка.

– Ты ведёшь себя... Не как Клайд.

Последние слова он выговорил с усилием. Я приподнял брови, скрывая за этим секундное замешательство. Сердце заколотилось... Не молчать.

– Но я – тут.

Он усмехнулся, небрежно махнув рукой.

– Это ты можешь сказать бедняге Лигету или...

Гилберт осекся и широко раскрыл глаза.

– Вот оно что... Если кто и знает ответ, так это...

Острие карандаша упёрлось Гилберту под подбородок, медленно нажало. Глаза в глаза. Он застыл, не мигая. Не дыша. Мой тихий голос.

– Убью. Прямо сейчас. Тихо выйду отсюда и мы с ней успеем покинуть город до того, как кто-то что-то сообразит. Понял? Если да, мигни.

Веки медленно опускаются. Карандаш не двигается.

– Роберта – неприкосновенна. Ни слова, ни звука, ни вопроса. Нигде. Никем. Никогда. Понял?

Движение век повторяется.

– И, да – она знает ответ. Она смотрит прямо в душу, Гил. Понимаешь, о чем я?

Карандаш убран. Гилберт усмехается очень паскудно и извлекает руку из-под стола, в ней все это время был компактный "зауэр", направленный мне в живот, он был готов стрелять через тонкую перегородку. Мы молча переглянулись,

оценив друг друга.

– Почему не стрелял?

– Почему не ударил?

И оба практически одновременно пожали плечами. Гилберт оттянул пальцем воротничок, осторожно пощупал под подбородком, покачал головой. Весьма сноровисто вернул пистолет обратно в кобуру, я положил карандаш обратно в стаканчик. Мысленно чертыхнулся, послала же судьба брата-акробата... Чуть не угробили друг друга. После паузы Гилберт невозмутимо продолжил, словно ничего не случилось.

– На ужине будет Констанция. Помнишь ее?

– Смутно, мы почти не виделись. Кто она?

Гилберт помолчал.

– Она моя Роберта, Клайд. Умеет смотреть прямо в душу.

Если понял, мигни.

Он с усмешкой посмотрел на меня. Я невозмутимо опустил веки.

– И вот что... Белла мне звонила вчера утром, с Двенадцатого. Сондра пыталась покончить с собой, перерезать вены куском стекла.

– После разговора с тобой?

– Да.

– Что ты ей сказал?

– Где он, Гил? Я просила Харлея заехать к Клайду, он там больше не живет!

– Вот как?

– Ты издеваешься?

– Нет, Сан...

– Не смей меня так называть!

– Как скажешь... Но просто послушай...

– Гил, прошу тебя... Не мсти мне так, пожалуйста... Я же люблю его... Не можешь меня простить, не прощай. Но...

– Его нет, Сондра. Клайда больше нет. Того Клайда, который был твоей верной тенью, который мечтал о счастливой жизни с тобой – его нет. А от того, который есть – держись подальше.

– Я не понимаю. Я приеду... Найду его... Мы поговорим...

– Ты найдешь его не одного.

– Что? С кем? Кто она? Боже... Кто?!

– Я кладу трубку, Сондра. И... Клайд прав, как прав был я – это ошибка. Пора ее исправить.

– Ненавижу тебя... Вас обоих ненавижу...

За окном сгущаются вечерние сумерки, за дверью тишина. Мы с Гилбертом молчим.

– Ты не мог найти других слов?

– Каких? Что ты соблазнил свою подчинённую, заделал

ей ребенка, потом хотел ее бросить и жениться на Сондре? А потом внезапно решил стать порядочным и благородным, бросил Сондру и женился на девочке с фермы? Кстати, так это и выглядит, Клайд. И Сондра все узнает. Я просто немного оттянул время этими туманными словами. И вот ещё о чем подумай...

– О чем?

– О том, что скажешь сегодня отцу. Пусть узнает от тебя, чем от черт знает кого. Клайд...

– Что?

– Может, вам просто уехать?

– Нет.

– Почему?

– Потому что эта девочка никогда не будет убегать и прятаться. Так я решил, брат.

– А если она не хочет войны, которую ты затеваешь?

– Нам не нужна никакая война, Гил. Все, что мы хотим – жить тихо, спокойно, никого не трогая. Но и нас трогать – не советую. Если Констанция действительно умеет смотреть в душу, пусть сегодня заглянет в мою. И если ей доведётся увидеть Роберту – пусть и в ее душу заглянет. И если она твоя Роберта – она сумеет найти верные слова и объяснит тебе так, чтобы ты мигнул.

Встаю и иду к двери, открываю ее и оборачиваюсь, Гилберт молча смотрит мне вслед.

– Когда мне быть к ужину?

Он подумал.

– Могу за тобой заехать.

Покачал головой.

– Сам приду.

– В девять вечера. Иди сейчас домой, в цеху закончат без тебя.

20.15

Роберта поправляет на мне галстук, отряхивает невидимые пылинки, приглаживает волосы. И отчаянно борется с волнением, бледная, пальцы, касающиеся меня, дрожат. Незаметно вздыхаю, может, Гил прав? Может, уедем? Нет. Мы – справимся. Мы уже столько прошли, мы – вместе. И сегодня я заявлю об этом во всеуслышание. Перевожу взгляд на Ольгу, когда я пришел, она уже была тут, прочитав записку, в которой была просьба побыть с Бертой и план, как дойти сюда от фабрики. Она останется до утра, спасибо ей за это. Снова смотрю на Берту, солнышко мое, все будет хорошо. Взгляд скользит по комнате, умничка, все сегодня вымыла, убрала, красиво расставила. К моему приходу дом благоухал аппетитными запахами, ужин ждал на столе. Дом... Здесь – наш дом. Так мы решили. Так будет. Целую Роберту в губы, смотрим друг другу в глаза, стараясь передать силу и поддержку.

– Иди.

Глава 26

– Иди.

Роберта стоит возле стола, руки сжаты в кулаки, кусает губы, чтобы не заплакать. Милая, мне пора. Молча киваю ей и Ольге, поворачиваюсь к двери, чтобы выходить.

Снаружи раздается короткий сигнал клаксона, от неожиданности мы все вздрогнули, переглянулись. Роберта прошептала.

– Клайд...

Послышался звук захлопнувшейся дверцы, кто-то приближается неспешными уверенными шагами. Я стою перед закрытой дверью и жду. Роберта застыла возле стола, замечаю, что Ольга придвинулась к ней, кинув взгляд на сумочку, висящую на спинке стула. Что у нее там?

– Девочки, сядьте. Ольга, оставь сумочку, не надо.

Раздается негромкий вежливый стук, ещё раз жестом успокаиваю девушек и открываю дверь.

– Не ждал тебя, Гилберт, если честно.

– Решил все же за тобой заехать.

Он твердо и неподвижно застыл на пороге, не делая по-

пытки войти. Спинай чувствую сгущающееся напряжение и разряжаю его улыбкой.

– Войдёшь на минутку?

В его холодных глазах промелькнуло что-то... Замешательство? Послышались лёгкие шаги и рядом со мной встала Роберта, взяв меня за руку. Ольга не сдвинулась с места. Я снова улыбнулся, немного отступив в сторону.

– Роберта, позволь представить тебе моего двоюродного брата Гилберта Грифитса.

Я чуть сжал пальцы Берты и незаметно подтолкнул ее, она сделала шаг вперёд и слегка склонила голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.